

«Бородатые Венеры» древности

... «Кедеши Молоха и Астарты обязывались к жертвам иного рода. Бог разрушения и враг жизни умилостивлялся самоистязаниями и требовал уничтожения той силы, которая служила к продолжению существования на земле человеческого рода, — половой силы. Известны были огненные очищения[1 — «Они (раскольники XVII века) все спрашивали о гари, ужасно интересовались гарью, прислушиваясь, не горят ли где люди, сколько, когда и пр.», — говорит проф. Сикорский в исследовании о самозакопавшихся Терновских старообрядцах (см. главу «Русские могилы»). В этих расспросах уже чувствуется любящая страсть: «И страшно, а как хорошо!», «У, как боюсь, а испробовать бы». Тут влечет, тянет. Что? Какой ужас! Мне приходилось читать в медицинских книгах, что некоторые женщины любят оперироваться (о мужчинах этого известия нет). «Женщины особенно религиозны, женщины дали все религиозное на земле», — как-то обмолвилась в разговоре со мною грустная Л. И. Веселитская (Микулич). И об «операциях», и о «религиозности» можно сопоставить. Есть какая-то религия грусти, есть какая-то религия ужаса и грусти, «далекая от земли», «caelestis» [«небесный» — лат.]. Тут какой-то другой корень, совсем иной, чем на каком держатся цветы, плоды, радость мира. Другой и сильный, другой и необоримый. В «Молохе-Астарте» древние и схватили, и уловили этот другой корень, и в трепете поклонились и ему. «Ваалу — соития, деторождение! Молоху — смерть, самосожжение, гарь (у русских), могила!». Я хочу, однако, обратить внимание на то, что ощущение Молоха (и Астарты) не присуще сплошь человеческому роду, а некоторым как бы вкрапленным в человеческую породу частицам, индивидуумам, душам, которые врожденно неспособны к браку и никогда не будут иметь детей, хотя и имеют детородную систему внешне правильно выраженную. Это — те, которые не осквернились с женами: ибо они — девственники, и которые «последуют за Агнцем всюду, куда он ни пойдет» (Апокалипсис). Чтобы знать, за каким «Агнцем» последуют девственники, нужно раскрыть громадный (12 фолиантов) атлас научного путешествия Лепсиуса в Египет и обратить внимание на сфинксы-бараны (овны, «агнцы»), какие рядами стояли при входе в египетские храмы: форма головы их несколько удлинена и отстывает от природы настолько, что дает почувствовать желание сказать ее фигурой о чем-то другом. С другой стороны, перелистав весь атлас, мы встретим «это другое», извая которое художник-жрец отступил от натурального его вида и сблизил с головою барана, особенно через посредство спускающихся вниз и закругляющихся рогов. Хотя, впрочем, и рога отвечают некоторой линии в натуре вещи («этой другой вещи»). На все эти сближения я не имел бы права, если бы наблюдения новых биологов не показали, что абсолютные, врожденные девственники, иногда уничтожающие у себя детородные органы, или сводящие их к «нет», посредством бандажей особого рода — у других... «во всем последуют Агнцу», как об этом рассказал — по собственным словам «в дифирамбах», т. е. поэтически и патетически, — Платон в «Федре». — «И не опасайся (такой «девственник») показаться безумным — он зажигал бы (перед отроком-любимцем) лампы» (религия, обожествление заживо, на земле еще). Все это неясно в отрывках, но становится совершенно ясно, если годы продумать над темою, и много читать о ней. Египет и его бараны-сфинксы были еще натуральной очевидностью в эпоху написания Апокалипсиса. Заметим также, что египетские божества, культ и изображения (см. монеты) были распространены во всей Малой Азии и в Сирии, где был написан «Апокалипсис». В. Р.-в.] или прохождения через огонь в честь Молоха; жрецы его резали себе тело и бичевали себя. Еще более распространено было скопчество. Кедеши, т. е. «святые», «священники» Молоха и Астарты, были кастрировавшие себя так называемые galli[2 — жрец Кибелы (лат.)]. Сцены этого обряда, сопровождавшиеся неистовством, поразительны. Греческие писатели передают, что среди раздирающих (печальных? грустных? — В. Р.) звуков музыки и пения они резали себе руки и бичевали себя; а юноша, которому приходила очередь оскотиться, срывал с себя одежды[3 — Вероятно — блестящие, «мирские», веселые, нарядные. И вообще все это весьма похоже на наш постриг в монашество, но лишь выражено жестко и решительно, «до конца», как это соответствует наивной и откровенной тогдашней культуре. В. Р.-в.] и, что-то неистово выкрикивая[4 — Вероятно — подобное нашим «обетам отречения»: что он «никогда не взглянет на женщину, не соблазнится женщиною», и, может быть, что «отныне, сверх целомудрия, будет хранить и смирение, послушание» и проч. и проч. Зерно дерева, конечно, не похоже на дерево, но оба — одно: как бесспорно имеет что-то одно в себе эта история с «галлами» у древних и у нас пострижение в вечное девство... Хотят одного («не оскверниться с женами»), значит — одно! В. Р.-в.], хватал нож и отсекал свой детородный член. Вслед за тем он бежал по улицам города, держа в руке отрубленный детородный уд, и, войдя в первый попавшийся дом, — потрясая, показывал его найденной там женщине и бросал к ее ногам[5 — С презрением, как бы сделали теперешние (неискренние и непоследовательные монахи), будь они физически верны духовному обету. «Вот — это твое (женщины), мне его — не надо! Возьми свое добро и наслаждайся им: а я — другой! святой! («кедеш», «священник»; как у нас «монах» всегда кажется «святым» сравнительно с семейным священником. «Самый худой монах все же лучше самого добродетельного священника» — аксиома монастырей). В. Р.-в.] (Movers. «Ueber d. Relig. d. Phoeniz». S. 684—685). Женщины в честь Небесной Девы, Астарты, — также обрекали себя на всегашнее безбрачие[6 — Совершенная аналогия посвящению у нас в монашестве обоих полов! «Аналогия» потому, что здесь и там это религиозно, там и здесь это — культ, религиозный обряд, религиозная церемония, «церковное торжество» (как у нас всякое «пострижение»). Торжество чего? Ясно видно, вслух сказано (у нас — с оговорками, ибо, уже по Нестору, «греки издревле льстивы суть», т. е. уклончивы, неправдивы, не прямые, любят ласковые слова, облакая в них жесткую или ужасную действительность). Это — «торжество», т. е. достигнутая цель, давнишняя мечта «не иметь ничего общего с женщинами», не касаться их, не скверниться с ними... «Гадко! мерзость!» — вот суть Федра-Платона, древнего «галла» и нашего монаха. Это неодолимое физиологическое (и психическое) отвращение и есть *primus* всего дела, тот *οτοχέιον*, элемент, атом, — из какового и выросло все «дерево» тогдашнего и последующего аскетизма. В. Р.-в.] В связи с такого рода посвящением[7 — Вот «посвящение», а не факт; религия, а не история. Не «нравы диких», как, вероятно, уже изготовились сказать попики. В. Р.-в.] мужчин и женщин на служение Молоху и Астарте, и сопровождавшими его обрядами, находился преследуемый Моисеем[8 — Религия плодородия, только плодородия, — у Моисея, у евреев, у Израиля. Историки не догадываются и законоучители не стараются объяснить в классе «на уроках Закона Божия» (= закона чадородия), что уклонения древних евреев в сторону поклонения Молоху и Астарте были постоянные попытки вторгнуться к ним монашеству, девственному духу, безбрачию; на что Израиль и пророки, увлекая и царей, говорили: «Нет!» У нас на уроках Закона Божия все это представлено так, что «пророки» и «благочестивые цари» Израиля были чуть не монахами, все постились и все молились, по примеру Филарета Московского или «в предтечу» Филарета Московского; а «гнусный культ Молоха» отвлекал их от этого ветхозаветного еще монашества в сторону «осквернения с женами»... Забывают законоучители, что святому Давиду, до того старому, что он ничем не мог согреться, якобы «монашествующие» священники Иеговы подложили двух молоденьких девушек! То-то католики не велят мирянам самим читать Библию, а наши озабочены изданием «учебной Библии», с пропуском таких и аналогичных мест! Но неизвестно, где «дух святой», в Библии или в семинариях и духовной цензуре. Последние еще никого не «спасли», а Библия выучила молиться весь род человеческий. В. Р.-в.] обычай, по которому мужчины одевались в платье женщин, и — наоборот[9 — Т. е. не то, что мужчина наденет платье, которое сняла с себя женщина, и обратно; а мужчины одевались в женские, женоподобные платья, в платья женского покроя (теперешние наши духовные одежды); а женщины-«кедеши» одевали платье

мужского покроя. Здесь и выступает (у мужчин-кедешей) «Агнец, за которым вы будете всюду следовать»... Но не будем предупреждать биологических наблюдений. В. Р-в.] Юноши как бы обращались в девушек, после посвящения их божеству, т. е. после того, как они лишались детородных органов. Быть может, в этом отчасти выражалась и мысль о том, что божество есть нечто безразличное по отношению к полам[10 – Тупая мысль автора книги. Впрочем, естественная: проводить свою «духовность», что «Бог есть дух» и что все «религиозное» есть только духовное, бесплотное, (якобы) бесполое. О том, что самый дух имеет пол, и духовные явления и таланты явно распадаются на мужественные и женственные, на мужские и женские — этого ему, конечно, не приходит на ум. В. Р-в.]. На это указывает свидетельство древних: согласно им, богиня Венера представлялась иногда андро-гином (ἀνρη + γυνή) и называлась и «Марсом», и «Венерою». Особенно в мистериях признавалась она *intrinseque sexus*[11 – Обоюднo-полою, дву-полою: так неужели же обладание в одном «я» обоими полами, такая «через край» — полость, есть то же, что вне-полость, без-полость, сухое дерево или «чистая духовность». До чего духовные не понимают даже грамоты тех предметов, о которых пишут; и все, между тем, стараются «изъяснить». В. Р-в.]. Ее называли поэтому «Deus Venus», как и сирийскую богиню Луны «Deus Lunus» и «Dea Luna». На острове Кипр была даже «бородатая Венера», «Venus Barbatus». Молох превращался в Мелитту и наоборот. Вот почему мужчины перед Венерой приносили жертву в одежде женщин, а женщины перед Марсом в мужской одежде[12 – Характерно... Мужчины, подходя к женскому божеству, не осмеливаются быть одетыми в свое мужское одеяние, к которому, очевидно, богиня питает отвращение, а должны переодеться в женщину, в каком виде «пилигрим» уже допускается богинею перед свое лицо... Но пусть (духовные объяснят) богиня-Дева не хочет, застывшая быть увиденно мужчинами, отвращается увидеть мужчину. Но тогда зачем же женщины перед stella Martis являются мужчинами? Марс и вообще «мужской пол» уже не пренебрегают женщинами и не избегают их встреч. Неправдоподобное в Марсе, — очевидно, это и в Венере неверно. Дева-богиня, stella Venus, «Небесная Дева» говорит: «я хочу только женщин, мужской род мне ненавистен»; муж-Марс, «Небесный (stella) Марс» говорит: «мне угодны только мужчины, юбок и корсетов я не выношу». Все это глубоко связано с оскотлением («галлы»); и вообще поклонение объясняет культ и, в свою очередь, разъясняет себя и свою метафизику в культе. В. Р-в.]. «Invenies in libro magico praesepi, — говорит Маймонид о религии сирийцев, «ut vestimentum muliebre induat vir, quando stat coram stella Veneris, similiter et mulier induat loricam, quando stat coram stella Martis»[13 – Ты прочтешь, что в магической книге предписано: мужу облачаться в женские одежды, когда пред глазами стоит Венера, и точно так же жене облачаться в кольчугу, когда восходит Марс (лат.).] (Архимандрит Хрисанф: «Религии древнего мира», т. III, стр. 302—303).

•
○ *

«В Сидоне, столице Финикии, Астарта — или «Великая Астарта», как здесь называли ее, — была верховным божеством и покровительницей города. Самые свойства этой финикийской богини, по общему значению сходной с Ваалит и Ашерой, были, в существе, совершенно отличны. Эта αστροαρχή — как по-своему переводили ее имя греки, была Девственница, Virgo Coelestis — в противоположность Ашере. Характер ее — суровый и мрачный, а культ требовал воздержания и самоистязаний и соединялся обыкновенно с культом Молоха. Ее поклонники обязывались к целомудрию и должны были приносить ей в жертву свою страсть и свои чувственные пожелания[14 – Если бы не обычный «двоящийся язык» духовных авторов, как было бы все ясно, каким светом залилась бы Библия. «Служительницы Астарты были монахини», «нечестивые цари Израиля и царицы, как Иезавель, наполнили дворец своей монахами и монахинями», каковых стоятель Божий «порубил при потоке Кедронском», когда они зывали к глухому богу о дожде, как и теперь он таких же не очень слушает «о дождичке»... И все было бы ясно! О, как все ясно! Из Финикии, из Сирии, уже задолго до христианства возникшее там монашество, «galli», силится прорваться к храму Иеговы, с золотой виноградной гроздью в нем, где все было плодородие и плодородие, чадородие и чадородие! Но не удалось тогда; пока «камня на камне не осталось от храма» Иеговы, и вот тогда все «удалось»... Меланхолические звуки полились в истории, а темные монашеские тени забегали во всех храмах, от Рима до Вологды, от Иерусалима до Аранжуэца. В. Р-в.]. Санхониатон и ее, как Ваалит и Истар, называет «звездой Венеры», но большинство греческих писателей признают ее богинею Луны[15 – Мифологам и историкам давно бы пора оставить такие ничего не значащие выражения, как «богиня Луны», «божество солнца» и пр. Это как бы об Иверской Божией Матери кто сказал «божество дерева» или «известное божество городских врат Китай-города» (в Москве). Разумеется, в древности говорилось о божестве лунных свойств, о божестве лунного характера, вот этого не рождающего и светящего, грустного, манящего, нежного, влюбляющего в себя и как бы ласкающего влюбленных, но именно только влюбленных — до сближения. Все женихи и невесты почему-то «смотрят на луну», чего и на ум не приходит супругам, даже самым любящим, очень любящим. Совсем другой колорит любви! Супруги любят солнышко. Почему? Кто разгадал? Луна запрещает «очень любиться», вот «сближаться»; «грозит с неба пальчиком». — «Полюбуйтесь, помечтайте, но — и довольно». Это — монашеская любовь, прогулки по полю влюбленных монахинь, грустных, молчаливых, не знающих, что делать со своею любовью, но нашедших тогда еще «предмета»... Это — несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое; ведь сентиментализм Руссо родил фурий террора, как был сентиментален и Робеспьер... В мечтах рождается идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и «луна» не знают компромиссов... Луна и ночь — уединенны: опять — это монашеский зов! Все это совершенно обратно горячему солнышку (Ваал и Ашера), ясному, пекущему, выгоняющему из земли траву, выгоняющему из стволов древесных сладкую камедь (сок), от которого цветы расцветают, пестики цветов опыляются, а тычинки и околоплодник цветов наполняются нектаром. И, наконец, все зреет к августу, когда тяжелые гроздья, яблоки, всякие плоды склоняют почти до земли ветки дерев. Солнце — супружество (совокупление), солнце — факт, действительность. Луна — вечное «обещание», греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно противоположное действительному, и — очень спиритуалистическое. В. Р-в.]. Нет сомнения, что Астарта представляет собою женскую половину Молоха, как Ашера — Ваала. Первоначально, конечно, она была то же, что и Ваалит и Ашера; но впоследствии, параллельно Молоху, который присоединился к Ваалу, в сидонской Астарте воплотилась сторона этого Молоха — элемент, враждебный жизни и ее развитию. По крайней мере, тип этой вечной Небесной Девы, суровой, услаждавшейся кровавыми жертвами, ближе всего подходит к типу Молоха... По всей вероятности, за нею оставалось значение не планеты Венеры, как за Ашерой, а Луны»... (там же, стр. 284—285).

Подвижники раннего христианства

«Иночество глубоко коренится в духе и сущности христианства, и чтобы убедиться в этом — стоит только раскрыть правдивые сказания лет древних. Там мы увидим, что оно появилось вместе с проповедью Евангелия, что с самого начала христианства души, наиболее верные Евангелию, избирали путь отречения от мира и мирских привязанностей. «Преподобные» явились на земле в лице тех, кто всеми силами души стремился уподобиться Сладчайшему Иисусу.

Вот почему еще в Ветхом Завете встречаются следы монашества. Таковы были Назореи[16 – Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «нашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как прецедентами. Так и здесь. «Назореи суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малочуемые миряне, и многочученые богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они воздерживались от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть пост, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назореи были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назореи» были «святые», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были противоположностью монашества! С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сепфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, разлил в народе обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, поэзии. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполняли все. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидания», «встречи» с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. обыкновеннейшее у пастушеского народа — это в видах доступности всем), сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всеожженных, вместе с волосами нового назорея, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определяя, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изошренно-чистых, глубокоясных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слякоти и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указывает бритье волос около половых органов: как мы, готовясь делать визиты — «бреемся», к празднику — «бреемся», так бритье детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что без обращения на них внимания, не надо бы новичку-назорею раздеваться и священник мог бы просто обрить ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув не тяжеловесную южную одежду. В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения «назорей», т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвеваемыми «благодатным воздухом» Скинии. Назорейство было воздушно миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство. Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и пития, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочим от чеснока и цуки — жаждут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодovitых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука. Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время уменьшения акцизного дохода, т. е. сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т. е. нетерпеливых, неудержимых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее. И с сильным половым напором народы не имеют предрасположения к пьянству (евреи, мусульмане). В. Р-в.], посвящавшие себя Богу по особенному обету, на время или на всю жизнь. Таковы были Илия, Елисей, и ученики пророческие, соблюдающие целомудрие[17 – Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: «Поди к блуднице и зачни с нею». Пророк исполнил. «Поди и еще зачни», — повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство», на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежеею водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священнее считалось, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше одноженности, как «пясть» больше, лучше «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в миру, чем обучивший единственного ученика. В. Р-в.] и нестяжательность и жившие в пустынях; таковы были все те, которые, по слову Апостола, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления[18 – Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаяннее, горше — «испытывать сладкую муку язв»... Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась. В. Р-в.] — те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. XI, 37, 38). Таков был и Предтеча Господень.

Но в полном совершенстве иночество раскрылось только в Новом Завете. По словам аввы Пиаммона, новозаветное иночество ведет свое начало от самих Апостолов. Таким в начале было и все множество первых уверовавших во Христа. Св. Василий Великий в самом обществе Господа Иисуса Христа и Апостолов видит первообраз иночества[19 – Все это и так, и не так... «Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные»; и община эта была, конечно, зачатком и прообразом «духовенства», греко-российского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью

«как сбoku припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только вид убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смирненным видом», и недаром 1-й основатель папства определил себя «servus servorum Dei», «раб рабов Господних». В «рабских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, женаты были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них родился ребеночек — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. Весь дух его изменился бы. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «дерево жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть всех религий, тот ее первый камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так сам Христос явился как бы последний рожденный со славою женами человеческими, после Которого прекратились настоящие рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.]... Действительно, некоторые из Апостолов, не вступившие в брак до своего призвания к апостольству, остались навсегда девственниками: св. Иаков, брат Господень, сыны Зеведеевы — Иоанн и Иаков и Апостол Павел. Ученики св. Апостола Павла, Тит и Тимофей, подобно своему наставнику оставшись безбрачными, всецело посвятили себя на служение Господу. Дщери перводиаконов Филиппа и Николая пребывали в девстве[20 – Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужския и женския», который квасится в собственном укусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.]. Климент, ученик апостольский, писал уже окружные послания к девственницам[21 – Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «девственники». Но это хорошо — бессемейным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессеменной эпохою» за флагом, горько плачутся про себя, а вслух называют их «старыми девками». Климент поэтому написал не «Послание к девственницам», а «Послание к старым мухоморам», от яда коих — через мглу веков — произошли теперешние наши «бульвары» и «городские сады», где такие же мухоморы, на исходе увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся их молодости, бегают, высунув язык, за гимназистами, за столоначальниками, за кем-нибудь, за кем угодно. О, Боже; да ведь и жизнь изжита, и как их осудить! Это уже не человеколюбивый Талмуд, по одному из правил коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отец все-таки обязан, хоть за деньги, ей приобрести временного мужа. Навеки-то, на наш «вечный брак» — и «за деньги» на многих нельзя жениться; ну, а временно — при свободе хоть на завтра развода — конечно, уже не было такого уroda из девушек, которую «познать» решительно отказался бы всякий. При заповеди «плодородия» естественно вытекло это мудрое правило, что как только у девушки лобок начал покрываться волосами (см. у пророка Иезекииля), — так отец и мать обязаны были привести ей на ложе, кто бы «вошел» к ней и зачал в ней. И уже, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатого — все равно, совокупиться с ее дочерью, хотя бы сколько-нибудь раз, хотя бы до первой беременности, когда (в случае нестерпимого ее безобразия) он мог быть заменен другим мужем (механизм развода, закон родственных браков), опять не вечным, опять каким-нибудь. Вот уж там и «лен курящийся» не «загашивался», и «трость надломленная» — не переламывалась. Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот где настоящее «монашество», как «жертва Богу») заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые «никому не понадобились», «никому не нравятся», некрасивеньких, слабеньких, невидненьких; но «тяжких бремени не надо возлагать», и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно между прочим именно и за это, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических «сирот», космическое «убожество», производя от него иногда красивейшие лозы: ибо «убогие» с лица своего, в поле бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, «похотливы». Уверен, что доля избранничества Богом Магомета объясняется любовью и верностью его, еще в 17 лет, к 40-летней милой Хадидже: только на небесах известно, а не у пустых людей, как было отрадно Богу, что он так любил и никогда — уже женившись на других — не обидел свою Хадиджу, бывшую тогда «беззубою старухою», как ее ревниво называла младшая из Магометовых жен, прекрасная Аиша. Хотя он безумно любил ее, последнюю, но не переставал и в это даже время любить, ласкать и нежить Хадиджу. За Хадиджу ему и послал Бог победы и успех и дал Свои слова пророчества. В. Р-в.]... С самых времен апостольских идет почти непрерывный ряд свидетельств церковных писателей о девственниках и девственницах. Св. Игнатий, св. Иустин мученик, апологеты Афинагор и Минуций Феликс, Ориген, Тертуллиан, св. Мефодий Тарский, св. Киприан — говорят нам о существовании в древней Церкви подвижников и подвижниц, отрекавшихся от мира для нераздельного служения Господу[22 – Читай: «Для угождения Богу отрекавшихся от исполнения воли Божией, заповеди Господней». В. Р-в.]

После Апостолов из подвижников и подвижниц первого века нам известны святые: Фекла, Зинаида и Филонида, Евдокия и Телесфор.

Св. Фекла, после проповеди Апостола Павла и Варнавы в Икони, уверовав в Господа, оставила своего жениха[23 – Вот... Начались эти «оставления жениха», «ухождения в монастырь», прообраз скорбных Лиз Калитиных... Но оставим уродство. Или — вот оно произошло; то и пусть осталось бы в молчании, как эмпирический факт, не переходя ни в принципиальное да, ни в принципиальное нет. Но этого не случилось: о нем записали, его прославили, прославили «оставление жениха», т. е. безмужество. О, поистине, как «благочестиво есть в Пустынной Аравии посадить хотя одно в жизни дерево» — так в нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков «блгочестиво есть» бросить в огонь хоть одну из этих старопечатных книжонок, в кожаных переплетах и с медными застежками. В. Р-в.]. После чудесного избавления от огня в Икони и зверей в Антиохии, с благословения Апостола Павла «иде в Селевкию и вселися в пустем месте на некоей горе близ Селевкии, и тамо живяше в посте и молитвах и богомыслии» — до 90 лет своей жизни. Память ее 24 сентября.

Святые Зинаида и Филонида были сродницами Апостола Павла. «Оставляяше своя стяжания и всего отрещеся мира», — они пришли в Фиваиду и там, близ города Димитриады, «в некоем вертепе житие свое провождаху». — Язычники, «нощю нападше, камением побиша их, и тако блаженным сном уснули»... Память их 11 октября.

Святая Евдокия прежде была блудницей в Илиополе и обладала огромным богатством. Ее обратил ко Христу «инок некий, именем Герман», который в своей обители «имяше братий семьдесят иноков». Искренно раскаявшись, св. Евдокия в святом крещении возродилась (в 96 году) к новой жизни и, раздав все свои сокровища, вступила «в монастырь девическ, в пустыни». Скончалась мученическою смертью уже в 152 году, прожив царствования Домициана, Нервы, Траяна, Адриана и Антонина. Память ее 1 марта.

Святой Телесфор проводил, до своего избрания в папы, отшельническую жизнь. Скончался мученическою смертью (128—139 г.).

Из второго века известны своей подвижническою жизнью: святой Фронтон, имевший под своим руководством до 70 иноков и

построивший монастырь в пустыне Нитриской, св. Параскева, раздавшая по кончине родителям все имущество и принявшая иноческий чин, впоследствии пострадавшая за Христа, св. Наркис, епископ Иерусалимский. Оставивши престол, он удалился в пустыню, где и пробыл до конца дней своих в подвигах иноческих. Св. Евгения, римлянка, дочь наместника александрийского, в царствование императора Коммода обратившись ко Христу чтением Свящ Писания, тайно удалилась из дома родительского и по дороге встретила обитель. Ее сопровождали евнухи Протасий и Иакинф. «Слышу, яко Елий, епископ христианский, — сказала она слугам, — созда зде монастырь, в нем же черноризцы непрестанно во дни и нощи хвалят Бога песньми». Увидав Елия, построившего монастырь, она приняла св. крещение вместе с евнухами. Переодетая в мужскую одежду, Евгения принята была в мужской монастырь, «юноше подобна одеянием и остриженными власы». «В монастыре живяше, — добре иночествуя и работая Богу». Избранная по смерти аввы в настоятели, она подверглась низкой клевете. Явившись на суд к наместнику Филиппу, своему отцу, она открыла ему свой пол и происхождение. Впоследствии основала женский монастырь, в котором была настоятельницей. Жизнь свою окончила мученически. Память ее 24 декабря.

В III веке прославился своими подвигами св. Никон. Родом из Неаполя, он после св. крещения отплыл на остров Хиос, где на горе Ганос был крещен епископом Кизическим Феодосием, укрывавшимся в пещерах от гонения со множеством иноков. «По приятии крещения святого, блаженный Никон живяше в пещерном том монастыре, учася божественным книгам и иноческому присматриваяся житию: то же и сам облечен бысть во иноческий образ кротости ради своя».

Св. Галактион и Епистима — из г. Емеса в Финикии. Св. Галактион, будучи христианином, по воле родителей был обручен с язычницей Епистимой. Обратив ее ко Христу, он убедил ее вести девственную жизнь [24 – Вот!.. В. Р-в.]. Ночью они удалились из дома и пришли к Синаю, и там, близ горы Публиона, Галактион вступил в мужской монастырь, а Епистима — в женский. «Подвиги его и труды кто изрещи может? Никогда не виден бысть празден, но или делаше, что монастырю потребно, или моляшеся: пост его бе безмерен, иногда бо во всю седмицу не вкуси. Толикий же целомудрия и чистоты своя бе хранитель, яко во вся лета постничества своего соблюдаясь опасно, да не видит лица женска» [25 – Вот! «Не надо Евы». До чего явен бунт против Бога, не со стороны откуда-то, но из Адама же извлечшего жену ему, и тем показавшего, какое это внутреннее существо вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. «Уже в тебе, Адам, — есть Ева: которая и выходит во благовремени» (= брак). В. Р-в.]... Впоследствии Галактион и Епистима сподобились мученического венца. Память их 5 ноября.

Св. Пансофий, родом из Александрии, по смерти отца своего Антипата раздав все свое имущество, удалился в пустыню. Скончался мучеником в царствование Декия. Память его 15 января. В то же царствование пострадал за Христа инок диакон Авив. Память 6 сентября.

Св. Анастасия Римляныня. Близ Рима, на уединенном и неизвестном месте, находился женский монастырь. Круглой сиротой Анастасия, трех лет, была взята на воспитание игуменьей Софией. Она выросла красавицей, но «вся уметы вменивши, увенчана Христу, и день и ночь в молитвах служаще». На 21 году от роду скончалась мученически. Память ее 29 октября.

Из переводного творения Руфина: «Жизнь пустынных отцов».

Благочестивому читателю

«После плачевного отпадения от Бога в человеке произошла печальная перемена: в нем образовалась тайная, безмолвная сила, непреодолимо влекущая его к земле, к благам и наслаждениям мира сего. Это было вполне естественно: не направляясь более вверх к живому, святолюбящему Богу, как к высочайшей цели желаний, дух человеческий по необходимости низвергается вниз, в мир земных благ, с беспокойно-страстным желанием наполнить образовавшуюся, с удалением от Бога, пустоту. И вот — нет конца, нет насыщения... Не насытится око зрением; не наполнится ухо слышанием; и вот — «все суета и томление духа» (Еккл. 1, 8, 14). Множество конечных целей никогда не удовлетворит духа с его бесконечными стремлениями [26 – О, семинарщина, о глупая семинарщина! И еще туда же, философствует... В. Р-в.]».

Ни у одного народа это всецелое увлечение внешним миром не выразилось в такой яркой, вполне законченной — до художественности — форме, как у древних греков. Всеми силами души, всеми своими стремлениями они погружены были во внешний чувственный мир, смотря на земную жизнь, как на законченное целое, и почти совсем не задумываясь о жизни вечной. Как дивно прославляли они блага земной жизни! Какая чудесная картина разворачивается пред нами в песнопениях Гомера. Земная жизнь человеческая во всех ее проявлениях предстает здесь пред нами, вся облитая лучами чарующей поэзии.

Никогда земля и небо не сияют столь лучезарным блеском, как после грозы, бури и проливного дождя. Так и в песнях Гомера «мы ощущаем как в целом, так и в частях — свежую, цветущую юность человечества» (Шеллинг). Весь мир полон дивной гармонии! Нигде нет разлада — ни в жизни природы, ни в жизни человеческой. Даже несчастья, даже слезы — не портят того жизнерадостного ощущения, которое ощущается при чтении Гомера. Они лишь не более, как игра света и тени в чудно-прекрасной картине. Все божественно и человечно! Смысл жизни — в самой жизни, в наслаждении ее дарами.

Сладко вниманье свое нам склонить к песнопевцу, который —

Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.

Я же скажу, что великая нашему сердцу утеха

Видеть, как целой страной обладает веселье, как всюду

Сладко пируют в домах, песнопевцам внимая, как гости

Рядом по чину сидят за столами, и хлебом и мясом

Пышно покрытыми, как из кратер животворный напиток

Льет виночерпий и в кубках его опененных разносит.

Думаю я, что для сердца ничто быть утешней не может!

Но вот — пришло Евангелие. Оно открыло миру новый, неведомый язычеству, смысл жизни. Перед очами мира засияла новая красота, перед которою поблекла красота мира сего, В мир явилась Божественная Мудрость, научившая людей жить для смерти и умирать для жизни. Огонь, низведенный Спасителем на землю, попалил прежнюю и воспламенил новую жизнь на ней...

...Вместо героев, увлекавшихся борьбою, вместо гостей, увенчанных миртом и розами[27 — Да, психологическое основание для перелома, конечно, было, но не было основания религиозного, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация изнасилась, истерлась... Стреляли, стреляли из пушки — и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, всегда был сыт: нужно и поголодать, хочется поголодать. Но это — феномены, психические состояния, перемены бытия, жизнь! Нет жизни, где нет перемен, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем, — это феномен, который никогда не смел переходить в религию, в котором не было содержания для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они извечно, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах разгадать, я передам, что чувствую: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с той, которую так хорошо очертил поэт: Но, в разговор веселый не вступая, Сидела там задумчиво одна, И в грустный сон душа ее младая Бог знает чем была погружена... Интереснее! Да не только интереснее, — лучше! Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, тельную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнобедренную, грудистую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. Müller: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа в самом Карфагене, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова теперешней, нашей монахини, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколем, некрасивым узким покрывалом. Весь стиль — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «крыж», т. е. «крест-накрест» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» перекладинок! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сожигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама душа его, а не обстоятельства его жизни, рождена с «облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствие прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи грим скорби на лицо свое и не разыгрывай театр скорби с комедией в душе»... В. Р-в.], вместо веселых хороводных песен — явились другие люди, с другими стремлениями. Не чарующие дубравы, не светлоструйные ручьи, не изумрудное море, не очаровательные ландшафты веселой Эллады — нет, — ужасающие египетские пустыни, одинокие пещеры — вот что теперь привлекало взоры и внимание целого света. Суровые подвиги воздержания, умерщвления плоти, страшные лишения, слезы сокрушения, неустанная молитва, отречение от суетных радостей мира — вот что вдохновляло этих новых людей»...

Предисловие священн. М. И. Хитрово к переводу «Жизнь пустынных отцов» Руфина.

Люди третьего пола

ПОЛ КАК ПРОГРЕССИЯ НИСХОДЯЩИХ И ВОСХОДЯЩИХ ВЕЛИЧИН

Во всех фактах, которые мы привели, христианских и дохристианских, мы имеем в зерне дела какое-то органическое, неодолимое, врожденное, свое собственное и не внушенное, отвращение к совокуплению, т. е. к соединению своего детородного органа с дополняющим его детородным органом другого пола. «Не хочу! не хочу!» — как крик самой природы, вот что лежит в основе всех этих, казалось бы, столь противоприродных религиозных явлений. Крик... «самой природы»: и мы должны предположить, что в том как бы мировом котле, где замешивалась каша всемирной насущности, всемирной наличности, уже содержались какие-то элементы этого противоборства, этой противоприродности; что уже там в этом первозданном или, вернее, до-мирозданном котле бурлили течения и противотечения, ходили круги кипящей материи туда, сюда, винтом, кругообразно, а отнюдь не по прямой линии; и когда она застыла и родился оформленный мир, — мы так и видим в нем эти застывшие и переданные нам, т. е. вложенные в природу существ, движения «туда», «сюда», «винтом» и, словом, не по прямой линии. Пол был бы совершенно ясное или довольно ясное явление, если бы он состоял в периодически совершающемся совокуплении самца и самки для произведения новой особи: тогда это было бы то же, что стихи кислорода и водорода, образующие «в соединении» третье и «новое существо» — воду. Но кислород и водород «противотечений» не знают: и если бы мы увидели, что вдруг не частица кислорода, жадно соединяясь (как всегда в химическом сродстве) с частицей водорода, — порождает каплю воды, а, напротив, частица водорода, которая-нибудь одна и исключительная, вдруг начинает тоже «с жадностью» лезть на себе подобную частицу водорода же, убегая с отвращением от дополнительной для себя частицы кислорода, мы сказали бы: «чудо! живое! индивидуально-отличное! лицо!!» Индивидуум начался там, где вдруг сказано закону природы: «стоп! не пускаю сюда!» Тот, кто его не пустил, — и был первым «духом», не-«природою», не-«механикою». Итак, «лицо» в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона». Нарушение его как единообразия и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественного» и «всеобщее-ожидаемого».

Тогда нам понятны будут «противоборства» в «котле», как такой процесс, в котором «от века» залагалось такое важное, универсально-значительное для космоса, универсально-нужное миру начало, как лицо, личность, индивидуализм, как «я» в мире. «Я» борется со всяким не-«я»: суть «я» и заключается в том, чтобы вечно утверждать о себе: «не вы», «не они». Суть «я» именно в я. Это и не добро, и не зло: точнее, «добро» я заключается в обособлении, в несмещивании, в противоборстве всему, а «зло» я заключается в слабости, в уступчивости, в том, что оно хотя бы ради «гармонии» и для избежания «ссоры» мирится с другим, сливается с ним. Тогда есть «мораль», но нет лица: ну, а важно или не важно «лицо» для мира — об этом будут судить уже не одни моралисты. Без «лица» мир не имел бы сиянья, — шли бы «облака» людей, народов, генераций... И, словом, без «лица» нет духа и гения.

Когда мир был сотворен, то он, конечно, был цел, «закончен»: но он был матовый. Бог (боги) сказал: «Дадим ему сверкание!» И сотворили боги — лицо.

Я все сбиваюсь говорить по-старому «Бог», когда давно надо говорить Боги; ибо ведь их два, Эло-гим, а не Эло-ах (ед. число). Пора оставлять эту навеянную нам богословским недомыслием ошибку. Два Бога — мужская сторона Его, и сторона — женская. Эта последняя есть та «Вечная Женственность», мировая женственность, о которой начали теперь говорить повсюду. «По образу и подобию Богов (Элогим) сотворенное», все и стало или «мужем», или «женой», «самкой» или «самцом», от яблоки и до человека. «Девочки» — конечно, в Отца Небесного, а мальчики — в Матерь Вселенной! Как и у людей: дочери — в отца, сыновья — в мать.

Но я несколько отвлекся в космологическую сторону от изыскания первоначального зерна, которое лежит в основе «безбрачных» явлений. Мировое «не хочу» самца в отношении самки, и самки в отношении самца, не было подвергнуто до последнего времени наблюдению, и только XIX век начал собирать в этом направлении факты. Факты эти приводят к бесспорному заключению, что «пол» не есть в нас — в человечестве, в человеке — так сказать «постоянная величина», «цельная единица», но что он принадлежит к тому порядку явлений или величин, которые ньютоно-лейбницевская математика и философия математики наименовала величинами «текущими», «флюксиями» (Ньютон). Обращение внимания на эти величины привело одновременно Ньютона и Лейбница к открытию «исчисления бесконечно малых» (дифференциальное исчисление), которое, между прочим, интересно в том отношении, что через него впервые мертвая математика, или как бы мертвая, мертвая в арифметике и вообще пока она занимается «постоянными величинами», — получила доступ, получила силу дотронуться, коснуться и живых (органических) явлений, «вечно текущих»... Вот такая-то «вечно текущая» величина в нас или, точнее, существо в нас есть пол наш, как наша «самочность», что мы суть или «самец» или «самка». Вообще — это так: мы суть 1) самцы, 2) самки. Но около этого «так» лежит и не так: противоборство, противотечение, «флюксия» (Ньютон), «я», отрицающееся всякого «не-я». И, словом, — жизнь, начало жизни; лицо, начало лица...

Предположение, что пол есть «цельная величина» и вообще не «текущее», породило ожидание, что всякий самец хочет самки и всякая самка хочет самца; ожидание, до того всеобщее, что оно перешло и в требование: «всякий самец да пожелает своей самки» и «всякая самка да пожелает себе самца»... «Оплодотворяйтесь и множитесь», конечно, это включает. Но навсегда останется тайной, отчего же при универсальном «оплодотворяйтесь, множитесь», данном всей природе, один человек был создан в единичном лице Адама! Изумление еще увеличится, если мы обратим внимание, что позднее из Адама вышла Ева, «мать жизни» (по-еврейски — «мать жизней», яйценосная, живородящая «ad infinitum» [28 – до бесконечности (лат.).]), т. е. что в существе Адама скрыта была и Ева, будившая в нем грезы о «подруге жизни»... Адам, «по образу и подобию Божию сотворенный», был в скрытой полноте своей Адамо-Евою, и самцом, и (in potentia [29 – в возможности (лат.).]) самкою, кои разделились, и это — было сотворением Евы, которою, как мы знаем, закончилось творение новых тварей. «Больше нового не будет». Ева была последней новизной в мире, последней и окончательной новизной.

Лишь в силу всеобщего ожидания «всякий самец хочет самки» и т. д. образовалось и ожидание, что самые спаривания самцов и самок имеют течь «с правильностью обращения Луны и солнца» или по типу «соединяющихся кислорода и углерода», без исключения. Но все живое, начиная от грамматики языков, имеет «исключения»: и пол, т. е. начало жизни, был бы просто не жив, если бы он не имел в себе «исключений», и, конечно, тем более, чем он более жив, жизнен, жизнеспособен, животворящ.. Не все знают, что уже в животном мире встречаются, но лишь в более редком виде, решительно все или почти все «уклонения», какие отмечены и у человека; у человека же, можно сказать, нельзя найти двух самочных пар, которые совокуплялись бы «точка в точку» одинаково. «Сколько почерков — столько людей», или наоборот, и совершенно дико даже ожидать, что если уж человек так индивидуализирован в столь ничтожной и не представляющей интереса и нужды вещи, как почерк, — чтобы он не был индивидуализирован также в совокуплениях. Конечно, «сколько людей — столько лиц, обособлений в течении половой жизни». Это не только всеобщее «так»: но было бы порочно, преступно, «нищелюбиво» и «нищелюбно», и совершенно уродливо, если бы это не было «так». Всякий «творит совокупление по своему образу и подобию», решительно не повторяя никого и совершенно не обязанный никому вторить: как в почерке, как в чертах лица...

«Всеобщее ожидание» в области, где вообще нет и не должно быть «всеобщего», породило ропот, осуждение, недовольство, пересуды: «Отчего та пара совокупляется не так, как все», причем разумеется собственно — «не так, как Я»... Ответ на это многообразен: «Да вы-то точь ли в точь живете так, как все?» или: «Я не живу, как вы, по той причине, по которой вы не живете так, как я». Но, в итоге, эти «всеобщие ожидания», присмотревшись к которым можно бы заметить, что самых-то «ожиданий» столько, сколько людей, но только это особенное в каждом затаено про себя, — они породили давление морального закона там, где в общем его не может быть, так как вся-то область эта — биологическая, и не «моральная», и не анти-«моральная», а просто — своя, «другая» [30 – Единственный из богословов, ясно это понявший и последовательно и пламенно выразивший, — М. М. Тареев. См. его «Основы христианства», т. IV. «Христианская свобода».]. Моральный закон, неправо вторгнувшись в не свою область, расстроил совокупления на «нормальные», т. е. ожидаемые, и «не нормальные», т. е. «не желаемые», причем эти «не желаемые» не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют. Все возвращается, собственно, к тому, «что есть», как и естественно в биологии; но около того, что «есть», с тех пор приставился раб, бегущий за торжественной колесницей жизни, хватающийся за спицы ее колес, обрызгиваемый из-под нее грязью, падающий в грязь, вновь встающий, догоняющий, опять хватающийся за спицы и неумолчно ругающийся. Он представляет собой те «ожидания всех», которых в наличности нет с абсолютным тождеством, но к которым равнодушно присоединились и те, которые далеко отступили от нормы: равнодушно по интимности самой этой области, о которой каждый думает про себя, что ее не уконтролирует «общее правило», и по стыдливости этой области, где каждый «свое особое» хоронит особенно глубоко, и нет лучшего средства схоронить это «особое», как присоединясь к «общему правилу» и осуждая все «особое». От совокупности этих обстоятельств и условий вытекла необыкновенная твердость, можно сказать, «незыблемость» морального закона в половой сфере, которая в действительности не только всегда была «зыбка», но, можно сказать, ни в одной точке своей и ни на одну минуту не

представала волноваться и представляла вечный океан, с величественными в нем течениями, с бурями, водоворотами, с прибором и отбоем у всякой отдельной скалы... «Незыблемость» правила шла параллельно совершенной «зыбкости» того, к чему оно относилось; и, собственно, «зыбкость»-то и была единственным внутренним правилом, из самой сущности стихии вытекающим... Семейные добродетели восхвалялись и содомитами, о вреде онанизма писали и онанисты, а отшельники пустынь, совокуплявшиеся с полевой птицей и лесным зверем, не умели допустить, чтобы мужчина мог иметь сношения на протяжении своей жизни более, нежели с тремя женщинами, и женщина более, чем с тремя мужчинами тоже на протяжении всей жизни (недопустимость 4-го брака у христиан, т. е. по требованию «святых» (христианства)). Все это не так безразлично. Конечно, все таятся — и потому никто особенно не страдает от «общего правила»; но выпадают случаи объявления, обнаружения: и тогда поднятые камни побивают «отступника» от того, к чему решительно никто «не прилежит». Между тем пол — именно океан, и в нем не зародится «водоворот» там, где ему «не указано быть», вековые течения его не перестанут и не спутаются, не расширятся и не сузятся; и все останется так, «как есть» и «предуказано», и в том случае, если правило исчезнет под давлением истины, что оно вмещалось в область, существенно не свою.

Здесь все принадлежит наблюдению и ничто исправлению.

«Свое» у каждого выражается прежде всего в силе, в напряжении. Здесь мы имеем ряд степеней, которые удобно выражаются рядом натуральных чисел:

... + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 ± 0 — 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 ...

Наибольшая напряженность в смысле возможности удовлетворить и в смысле постоянной жажды удовлетворения указывает на наибольшую степень самочности — самца в противоположении его самке и самки в противоположении ее самцу. Наибольший самец есть наичаще, наioxотнее и наимогущественнее овладевающий самкой; и наибольшая самка есть та, которая томительнее, нежнее и кротче других подпадает самцу. Под наслоением суеверий, страхов, в особенности предположений и пересудов у человечества образовалось совершенно неверное представление образа «настоящего самца» и «настоящей самки»; т. е. человечество — народы и единичные люди — совершенно неправильно осложнили наибольшую половую силу второстепенными, добавочными чертами, и притом не только психическими, но даже и физическими. В общем представлении романистов, драматургов, мещан и «общества» — это что-то огромное, шумное, голос громкий, манеры наглые, оскорбительные; «он» и «она» стучат, гремят, никому не дают покоя; что-то неудобное для всех, смущающее. «Нахал» и «разухабистая баба» — вот предполагаемо люди, от которых матери и отцы должны уберечь дочек; прятать подрастающих сыновей. Такие-то будто бы «соблазняют» и «совращают», насилуют и растлевают. Но было бы печальное потомство от сих пустых стучащих бочек; тогда как род человеческий, «плодящийся», «множащийся», вовсе, однако, не таков: жив, энергичен, неутомим, неистощим. Настоящие силы — не стучат. Настоящая сила скорее стелется, ползет. Не буйвол, ревуший в степи, есть господин степи, а ягуар, прячущийся в тростнике. Скорей полу-испуг, полу-догадку выразила народная мудрость, русская и китайская. Русские говорят: «В тихом омуте черти водятся», а о китайцах мне привелось прочитать, что у них будто бы есть поговорка: «Когда женщина походит на ангела, то берегись и знай, что в ней сидит дьявол». В обоих случаях старые люди, сложившие поговорку, как бы предупреждают молодых, указывая им не доверяться наружным признакам, предполагать за ними обратное внутреннее содержание. Поговорки эти, конечно, сложены не в отношении только пола, но они едва ли бы сложились в этой общей форме, если бы половая жизнь, половые образы, фигуры, играющие такую выдающуюся роль во всякой народной, общественной и частной жизни, стояли в резком противоположении тезисам этих поговорок. Очевидно — нет! И китайцы, и русские указали, что половая страсть не «ревет в поле», а скорее крадется в лозьях; что это что-то на вид «тихое» и иногда даже «ангелоподобное», по крайней мере у женщин. Но здесь мы должны войти в небольшое рассуждение. С первого же взгляда очевидно, что «наибольший самец» должен выглядеть, должен иметь все сопутствующие вторичные качества совсем иные, чем «наибольшая самка», — именно уже потому, что он противостоит ей, что он есть другой ее полюс! У очень мужественных мужчин растет большая борода: неужели же из этого мы заключим, что совершеннейшая женщина должна тоже иметь бороду или хоть те маленькие усики, которые иногда появляются у женщин?! Между тем предположение, что женщина-самка должна быть «разухабиста», — именно подобно предположению, что у Жанны д'Арк или Дездемоны, у Офелии и Татьяны росли усики. Конечно, это глупо, и в такой мере, что можно, отметив ее, и не останавливаться на опровержении.

Нет, самец и самка — они противоположны, и только! Отсюда — все выводы, вся философия и истина. Наибольшая противоположность мужчины и женщины и выразит наисильнейший в них пол! Т. е. чем менее «мужеподобна» женщина — тем она самочнее; как чем менее «женеподобен» мужчина — тем наиболее он самец. Паллада-Афина, «воительница» и «мудрая» — не замужня, не мать и вообще очень мало самка. В ней возраста нет; она не знала детства, не будет бабушкой. Ей, мужеподобной, — параллелен только женеподобный Ганимед, который никогда не будет отцом, мужем и дедушкой. Явно, что в противостоянии своем наибольший самец и наибольшая самка суть:

- 1) герой, деятель;
- 2) семьянинка, домоводка.

Один будет:

- 1) деятелен, предприимчив, изобретателен, смел, отважен и, пожалуй, — действительно «топает» и «стучает»; другая же:
- 2) тиха, нежна, кротка, безмолвна или маломолвна.

«Вечная женственность» — прообраз одной.

«Творец миров» — прообраз другого.

Есть какое-то тайное, невыразимое, никем еще не исследованное не только соотношение, но полное тождество между типичными

качества у обоих полов их половых лиц (детородных органов) с их душой в ее идеале, завершении. И слова о «слиянии душ» в супружестве, т. е. в половом сопряжении, верны до потрясающей глубины. Действительно, «души сливаются» у особей, когда они сопряжены в органах! Но до чего противоположны (и от этого дополняют друг друга) эти души! Мужская душа в идеале, — твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напирющая, одолевающая; но между тем ведь это все — почти словесная фотография того, что стыдливо мужчина закрывает рукой!.. Перейдем к женщине: идеал ее характера, поведения, жизни и вообще всего очерка души — нежность, мягкость, податливость, уступчивость. Но это только названия качеств ее детородного органа. Мы в одних и тех же словах, терминах и понятиях выражаем ожидаемое и желаемое в мужчине, в душе его и биографии его, в каких терминах его жена выражает наедине с собой «желаемое и ожидаемое» от его органа; и взаимно, когда муж восхищенно и восторженно описывает «душу» и «характер» жены своей, он употребляет и не может избежать употребления тех слов, какие употребляет мысленно, когда — в разлуке или вообще долго не видавшись, представляет себе половую сферу ее тела. Обратим внимание еще на следующую тонкую особенность. В психике женской есть то качество, что она не жестка, не тверда, не очерчена резко и ясно, а, напротив, ширится, как туман, захватывает собою неопределенно далекое; и, собственно, не знаешь, где ее границы. Но ведь это же все предикаты увлажненных и пахучих тканей ее органа и вообще половой сферы. Дом женщины, комната женщины, вещи женские — все это не то, что вещи, комната и дом мужчины: они точно размягчены, растворены, точно вещи и место превращены в ароматность, эту милую и теплую женскую ароматность, и душевную и не только душевную, с притяжения к которой начинается «влюбленность» мужчины. Но все эти качества — лица, биографии и самой обстановки, самых вещей — суть качества воспроизводительной ее сферы! Мужчина никогда «не наполнит ароматом» весь дом: психика его, образ его, дела его — шумны, но «не распространяются». Он — дерево, а без запаха; она — цветок, вечно пахучий, далеко пахучий. Каковы души, — таковы и органы! От этого-то, в сущности, космогонического сложения (не земного только) они и являются из всего одни плодородными, потомственными, сотворяют и далее, в бесконечность, «по образу и подобию своему»... Душа — от души, как искра — от пламени: вот деторождение!

•
○ *

В европейской литературе есть книжка, и даже, пожалуй, книжонка, из которой, как это ни неприятно, только и можно почерпнуть некоторые факты половой жизни: так как Европа, проникнутая христианским гнушением к полу, не допустила ни философов, ни поэтов заняться собиранием здесь любопытных фактов, и только «грязные медики», все равно копающиеся во всяких экскрементах, во всякой вони, болезнях, нечистотах, не брезгающие ничем, не побрезгали «и этим». Но, в сущности, даже и они побрезгали! О дифтерите, который убивает детей, все же они говорят не этим отталкивающим тоном, не с этим отталкивающим чувством, как о дающих жизнь половых органах и о самой половой жизни, половой деятельности. Например, мне было передано об одном парижском светиле медицины, который в сочинениях своих серьезно проводил ту мысль, что «женатые и замужние, если они, не довольствуясь имеющимся у них удовлетворением половой страсти, обращаются на сторону, т. е. изменяют — муж жене или жена мужу, — то они суть явно ненормальные люди, душевнобольные; и что, как таковые, они не могут быть оставляемы на свободе в благоустроенном обществе, а должны запираются на замок, в психиатрических лечебницах или же просто в тюрьмах». Любопытно, что, кажется, ни одного не было случая, чтобы с медицинской стороны предложено было так поступить с сифилитиками; и это нельзя объяснить только тем, что они дают хлеб врачам, а уже Фурье заметил, что «доктора очень любят, когда страну посещают хорошие лихорадки, тифы и т. п.»; нет, тут больше и печальнее: медицина, «христианская медицина», действительно не видит «ничего особенного» в сифилисе, считает его картиной здоровой структуры общества; а совокупления, и особенно когда они счастливы, обильны, когда они «приливают», как океанический прилив, — они считают «вырождением» и «патологией» и предлагают запереться от них обществу. Есть «крещеные люди»; но ведь есть и «крещеные профессии», и даже, наконец, есть «крещеные науки»: в их обществе очутилась и медицина, и это ничего, что ее столпами были тоже совершенно «крещеные», даже до погружения семи раз в купель, Фохты, Молешотты и Бюхнеры, не опознавшие себя младенцы...

Книжка, или книжонка, о которой мы говорим, — Крафт-Эбинга: «Половая психопатия». Паѵоѷ — значит «страдание»: то, от чего кричат, на что имеющие ее — жалуются. И хотя никто из описываемых в книжке лиц не «кричал» и не «жаловался» Крафт-Эбингу, но он собрал ставшие известными ему факты в книжку «о страданиях пола», не имея для этого даже того основания, какое имел бы механик, занятый давлениями, толчками и вообще действиями на вещественные массы, наименовать «патологической физикой» явления электричества, гальванизма или явления света, где эти массы отсутствуют.

Мне лично половая жизнь ни из рассказов, ни из книг не известна в большей степени, чем как это узнаешь случайно. Но я предположу извлечения из Крафт-Эбинга кое-что, что мне, однако, пришлось узнать, ибо, всегда эту жизнь интересуясь, я дополнительными расспросами, когда было можно, а также и просмотром куда следует, открывал подробности, опущенные у «испуганного» Крафт-Эбинга. Первый раз мне пришлось прочесть о наибольшей самочности лет 20 назад в известных «Записках» о своей жизни Н. И. Пирогова, нашего великого хирурга. Там, описывая разные свои переезды и поездки в начале служебной деятельности, он между прочим упоминает о встрече — сколько помнится, где-то в западном крае, около Риги или Пскова, — должно быть, с университетским своим товарищем. Именно, он у него остановился на перепутьи. Товарищ оказался женатым, недавно, — и на совершенно молоденькой женщине, лет 16-ти. В мимолетной встрече он ему жаловался, что хотя очень любит свою жену и доволен ее характером, но чувствует себя изнеможенным от ее постоянного желания совокупляться. Здесь нужно отметить и то, что сам он был очень молод и, следовательно, не изношен; и то, что в ту пору 30-х или 40-х годов «развращающего чтения» еще не было; или, по крайней мере, на него еще не могла натолкнуться женщина, столь юная, что она, очевидно, только что вышла «из-под крыла матернего». Здесь мы имеем таким образом естественное, не возбужденное, глубоко природное влечение в такой силе и напряжении, какому, во всяком случае, не отвечало тоже природное и молодое влечение молодого мужчины, но как самца — обыкновенного. Это наблюдение показывает, что «самочность» не есть постоянная величина, приблизительно одинаковая у всех, но что она варьирует: в одном «самца» более, «самки» более, чем в другом, и это не есть ни плод развращения, ни плод возбуждения или дурного воспитания. О следующем случае мне пришлось слышать: однажды в кружке женщин из «общества», среднего и скромного, зашли «суды и пересуды» о девицах и женщинах их круга; и некоторые очень осуждали таких-то и таких-то лиц своего пола «за их выдающееся нескромное поведение, развязность манер, речей» и пр. Тогда их прервала одна из слушавших, замужняя женщина: «Вообразите, все, о ком вы говорите, — скромные девушки, нимало не заслуживающие вашего порицания; но вот эти, и она назвала несколько скромнейших девушек и женщин, — сущие подлюги: я знаю от мужа своего, что те, о ком вы говорите дурно, — были и остаются невинными, несмотря на всяческое ухаживание мужчины, на все его усилия, а эти скромницы совсем напротив...» Мне позднее привелось узнать два случая, когда жены не только не удерживали своих мужей от ухаживания «с

последствиями», но толкали их на такое ухаживание, как бы любопытствуя через них о поле окружающих женщин и девиц; и разразившаяся гневом или, в всяком случае, порицанием — была, очевидно или может быть, из таких женщин. Здесь, однако, следует принять во внимание следующее. Очевидно, что эти «падавшие» женщины и девицы не «заготовили» же себе «скромности» на случай ухаживания, в предположении, что она понравится или привлечет: в общем — она ведь отпугивает, предупреждает самое начало ухаживания; очевидно, они ничего не думали, ничего не ожидали, но были действительно скромны и именно скромнее остальных; они были их женственнее, добродетельнее, и в меру этого самоочнее; были, так сказать, более нежны, ароматисты, более содержали в себе сладкого нектара; и... «упали» не оттого, что менее хотели сопротивляться, но оттого, что приближение и видимое желание мужчины возбудило в них ответный ток такой силы и напряжения, который повалил их: как мучнистость колоса тянет стебель его к земле, как отрывается и падает на землю самое налитое, сладкое, сахаристое яблоко, а не яблоко-сморчок, неотрываемое сидящее на своем стебле, кислое, жесткое, безвкусное. «Нахально вели себя», по укоризне собеседниц, бесполье, почти бесполье женщины и девушки; у них, верно, были и «усики» на губе, и «разухабистые» манеры, как у писарей; громкий и жесткий голос, мужицкая походка. Те же сидели тихо в уголке; не ходили — а плыли или скользили по полу; были застенчивы, конфузливы, стыдливы... Они были добродетельны: как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель — так главная добродетель в женщине, семьянинке и домоводке, матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица, рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, не угловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это — те, которых помнят; те, к которым влекутся; те, которые нужны человеку, обществу, нации; те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого. Часто они бывают и не красивы, но как соловей: ибо зато «поют, как никто»...

О следующем случае я имел случай расспросить: мне и еще одному писателю передавала пожилая женщина, что ее молодой друг испытывает то несчастье, на какое жаловался Н. И. Пирогову его университетский товарищ «Он недавно женат, сам молод, военный — и почти болен от жены, до бегства, до желанья развестись. Говорит, что ее могли бы насытить только три мужа. И удивительно — это такая милая дама. Он ничего не может сделать, потому что, ненасытная сама, она вечно его возбуждает, и он не в силах уклониться от исполнения ее желаний».

— Вы говорите, она приятная женщина?

— Чрезвычайно. Наблюдая ее в обществе, никак нельзя предположить, что у нее такой... исключительный аппетит. И какой голос: такого нежного, глубокого голоса я ни у одной женщины не слыхала!

«Голос»... но ведь это то, чего не подделаешь! Это уже не «кокетство скромностью», которую еще можно подделать: это — сама душа, вернее говорящая о сокровищнице сердца, о характере, чем взгляд, чем улыбка. Все поддельно, кроме голоса. «Задушевный голос»... И вот у такой женщины, которая, судя по отзыву мужа, носила в себе утроенную самоочность, — голос был «неги, какой я ни у кого не слыхала»: и шел явно от «души» — утроенно человеческой, небесной...

«Вечная женственность»... как совершенно другой полюс, как диаметрально противоположная вещь несокрушимо мужеству, напору, смелости, упругости, твердости самца... она есть только сердечная, умственная, бытовая, манерная, нравная фотосфера, распространяющаяся около утроенной, удесятеренной самоочности ее. Молчаливая, но с каким говором в душе! «Вечная молчаливица»: как кто-то сказал и о мужчинах-героях, что «они — прежде всего молчаливики».

Эта-то «вечная женственность», как проявление повышенной самоочности, и лежит объяснением в основе древнего факта, неразгаданного историками, — так называемой «священной проституции». «La sainte est toujours prostituée»[31 – Святая — всегда проститутка (фр.)], — пишет об египтянах в большой своей «Истории Востока» Масперо. Что за загадка? Каким образом глубокому и серьезному народу, каковы были египтяне, по свидетельству всех древних наблюдателей и новых историков, — как им пришло на ум религиозным именем «sainte» наименовать тех особых существ, тех редких и исключительных существ, которые неопределенно и беспредельно отдавались мужчинам, были «prostituée»? Неужели имя «sainte» мы могли бы кинуть толпящимся у нас на Невском «проституткам» — этим чахлым, намазанным, пьяным, скотски ругающимся и хватающим вас за рукав особам? Ну вот перед человечеством впервые стоят два понятия, два признака: «святая» — это понятие небесного, Божьего; и простой факт, что «всем отдает себя». И невинный человек, первозданным глазом взглянув на оба факта, должен сотворить их соединение или разъединение, т. е. сказать или «prostituée est sainte», или «prostituée est grande pécheresse», «великая грешница!» Вообразите: первый народ сказал — «prostituée est sainte»... Что же это такое? Не имел он вкуса, глаза? Не умел обонять, ничего не понимал в характерах человеческих? Но тогда «совокупность цивилизации египетской», сумма «всех прочих ее качеств» разила бы... как наша Невская проститутка, и тогда едва ли бы Масперо, Бругш, Ленорман стали изучать эту вонючую гадость. «Очень интересно»... Тут может покопаться медик, но что тут делать историку культуры?! Египетская культура приковала к себе внимание бесчисленных ученых, этих скромных и добродетельных тружеников, своим беспримерным изяществом, соединенным с глубиной и торжественностью:

Выхожу один я на дорогу.

Сквозь туман кремнистый путь блестит:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу

И звезда с звездою говорит.

В двух последних строчках написана как бы эпитафия над всей могилой Египта. Что-то пустынное... молчаливое... устремленное к Небу, религиозное... и, как тонко замечает Бругш, «не меланхолическое, но глубоко радостное в себе, восторженно счастливое при этой сдержанности языка и скромности движений!» Так это и есть на рисунках Египта: в необозримых изданиях, в необозримых фолиантах, где воспроизведено все нарисованное ими за четыре тысячи лет жизни, культуры, я встретил только один рисунок сбора винограда, где один, очевидно полупьяный, мужчина повис, обняв за шею двух тоже не весьма трезвых своих друзей, и «пишет мыслете» с ними. Сценка — полная реализма, какую я не встречал в рисунках греческой живописи; но и она — скорее милая, чуть-чуть смешная, но нисколько не нахальная. Сала, грязи — я не встретил нигде в этих бесчисленных фолиантах, грязи «сального анекдотца», кое-чего «во вкусе Боккаччио». Ничего, ни разу; и между тем сколько повторяющихся, как стереотип, фигур, где и «они» и «оне» с плодами и цветами, с

жертвами идут к громадной статуе Озириса, «Судии мертвых» — статуе «всегда cum fallo in statu erectionis» [32 — в положении возбуждения (лат.)], как грустно замечает архимандрит Хрисанф в «Истории древних религий».

И вот — «sainte prostituée»... Есть и рождаются иногда исключительные, редкие младенцы-девочки, вот именно с этой «вечной женственностью» в себе, с голосом неизъяснимо глубоким, с редкой задумчивостью в лице, или, как описал Лермонтов, —

...в разговор веселый не вступая,

Сидела там задумчиво одна,

И в грустный сон душа ее младая

Бог знает чем была погружена.

И она расцветает в sainte prostituée... как вечную податливость на самый слабый зов, как нежное эхо, в ответ на всякий звук...

Есть ведь «всемирные педагоги», ну — в желаниях, ну — в поэзии; есть «всемирные воины», как древние скандинавы; всемирные мудрецы — Сократ, Спиноза: как же не быть, естественно быть кому-то и «всемирной женой», всемирной как бы «матерью», всемирной «невестой»... Она «невестится» перед всем миром, для всего мира, — как ведь и все вообще девушки в 14—15 лет «невестятся» неопределенно перед кем, перед всяким, перед всеми (чуть-чуть «sainte prostituée» проглядывает). Из таковой врожденной девочки-девушки-женщины как бы истекают потоки жизни, — и ей мерещится, «будто я всех родила», «все родила»... И волосы ее, и очи, и сосцы, и бедра, и чрево... таковы, что первозданный невинный взгляд египтянина уловил и назвал и торжественно воскликнул, или скорее богомольно прошептал — «sainte». Масперо договаривает: «Египтянки из лучших семейств, дочери жрецов и знатных военачальников, достигнув зрелости, — отдавались кому хотели и сколько хотели, и так проводили много лет, что не вредило будущему их замужеству: так как по миновании этой свободной жизни их охотно брали в жены лучшие и знатные из воинов и священников». Почему не взять, если она «sainte»? Как не прельститься, если она «religieuse et sainte»? Как не надеяться, что она будет верной женой и преданной материнству матерью, если она уже испила все и насытилась всем, нисколько, однако, не истощившись — ибо истощаются торопясь, например «наши», а этим куда же было спешить? — и в естественные годы спокойствия и равновесия, безбурности и тихости она выбрала себе лучшего и одного. Он так же ее не ревнует, как она его, к тому возрасту молодости, когда он проводил жизнь, как и она: хотя, наверное, к этим «saintes» влеклись и пылкие, совершенно невинные юноши, первозданным взглядом своего возраста подмечая в них подлинную «sainteté», за которую все отдают. Однако Масперо не договорил (или не знал), что этих «saintes prostituées» было немного в каждом городе и всей стране: ибо вообще немного рождается в стране и городе, в году и десятилетия Василиев Блаженных, Спиноз, Малёбраншей, Кольцовых, Жуковских. «Не все вмещают слово сие, но кому дано» (природно, от Бога). Огромное большинство египтянок, без сомнения, имели инстинкт, как и наши: т. е. сразу же выбирали себе мужа — одного и на всю жизнь, или выходя за второго, третьего, четвертого... седьмого (беседа Иисуса с семимужней самарянкой), в случаях смерти или разлада, не более. Женщина, познавшая только семерых мужчин, когда ни закон, ни религия, ни родители ей не ставили предела и хотели и ждали от нее большего, — конечно есть умереннейшая в желаниях женщина, врожденно тихая и спокойная! Как наши «все».

Нужно только иметь в виду эту нумерацию:

... + 8 + 7 + 6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 ± 0 — 1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — ...

«Sainte prostituée» есть + 8 + 7 + 6... По мере приближения к низшим цифрам, к + 3, + 2, + 1, — тембр голоса грубеет, взгляд становится жестче, манеры резче, «нахальства больше», как сказали бы семинаристы. Появляются типичные их «поповские дочки», которые входят в замужество с мешком определенного приданого, и всю жизнь счастливы, составляя «приданое к своему приданому», не весьма сладкое для попа и диакона, но «ничего себе», «терпится». Наконец наступает «± 0». Обратите внимание на знаки и «+» и «—». Такие не мертвы; хотя абсолютно никогда не «хотят». «Кое-что» по части «+» в них есть: но оно связывается «кое-чем» по части «—». Таким образом, в них нет однолинейного тяготения — к «самцу»: но две как бы стрелки, обращенные остриями в разные стороны: к «самцу» — одна, а другая?.. Закон прогрессивности, как и то, что здесь все происходит только между двумя полами, указывает, что вторая стрелка и не может быть ни к чему еще направлена, кроме как к самке же. Самка ищет самки; в первой самке, значит, присутствует и самец: но пока он так слаб еще, едва рожден, что совершенно связывается остатками самки, угасающей самкой; которая, однако, тоже связана вновь народившимся здесь самцом. «Ни туда, ни сюда». Голос страшно груб, манеры «полумужские», курит, затягивает и плюет, басит. Волосы растут дурно, некрасивы, и она их стрижет: «коса не заплетается»; нет девицы, а какой-то «парень». Где здесь вечная женственность?»

...Сидела там задумчиво одна,

И в грустный сон душа ее младая

Бог знает чем была погружена.

Нет, уж об такой этого не скажешь: ходит на курсы, на митинги, спорит, ругается, читает, переводит, компилирует. «Синий чулок» с примесью политики, или политик с претензиями на начитанность. «Избави Бог такую взять в жены», и их инстинктивно не берут (хотя берут дурнушек, некрасивых, даже уродцев), ибо действительно «какая же она жена», когда в ней едва-едва «+ 1» самки, а то и вовсе «+ 0». Если бы, «паче чаяния», у нее и родился ребенок — она не сумеет вынуть грудь и накормить его; «не Мадонна, а вахмистр». И мужа ей совсем не нужно, она скучает с ним, убегая неудержимо в «общественные дела», в разные «организации», притворную «благотворительность», в основе же — в шум, беганье, возню, суету. Мужчина, «воин и гражданин» (стрелка самца), — уже полупробужден в ней; и только вот не растут усики. И она не умеет нести на себе по настояще-женскому женское платье: оно на нее не так надето, неуклюже, и все как-то коротит, без этих длинных и красивых линий, волнующих мужчину. Их и не любят мужчины. Но уже начинают любить женщины: «Какой славный товарищ эта Маша».

И, наконец, все переходит в чисто минусовые величины: «она» волнуется между своим полом, бросает страстные взгляды, горячится, чувствует себя разгоряченной около женщин, девушек. Косы их, руки их, шея их... и, увы, невидимые перси, и, увы! увы! — вовсе скрытые части, вся «женская тайна» — все их неизъяснимо волнует и тянет, тем сильнее, до муки, до страдальчества, что это так навеки закрыто для них — именно, именно для них-то и закрыто, открываясь только для мужчины, мужу. Танталовы муки: так близко, постоянно вокруг, даже и видится при небрежном раздевании, при купании; но невозможно внимательно взглянуть, не умерев сейчас же со стыда. Мировая преграда — в самом устройении вещей, в плане мира! «Ничего нет ближе локтя своего: но невозможно укусь!»...

Муки Тантала! — бесконечно отодвинутое исполнение! невозможно оно, не будет! — никогда!..

Слезы, тоска, мечты. Грезы. Стихи, много стихов. Философия, длинная философия! Кстати, и некоторое призвание к ней. «Вахмистр в юбке» усваивает легко и Маркса и Куно-Фишера, и вообще умственно, духовно, идейно, словесно, рабоче куда выше «слабого пола».

Закон этот, конечно, применим и к мужскому полу. Как он здесь выразится?

Там «пробиваются усики», здесь укорачивается борода — все это не в физическом, а преимущественно в духовном, нравном, бытовом, сердечном отношении, но отчасти также и физическом. Северные норманны, как их описывает Иловайский, — пожалуй, лучше всего живописуют первоначального самца, «+ 8», «+ 7» мужской прогрессии. «В мирное время, когда не было ни с кем войны, они выезжали в поле и, зажмурив глаза, бросались вперед, рассекая воздух мечами, как бы поражая врагов; а в битве они без всякого страха кидались в самую сечу, рубили, наносили раны и гибли сами, думая перейти по смерти в Валгаллу, которую также представляли наполненной героями, которые вечно сражались». Неукротимая энергия — как и у турок, потрясших Европу храбростью и войнами. Ранние войны латинян и вечная «междоусобная борьба» ранних эллинов тоже имеет в основе себя, вероятно, этого же самца, который не знает, куда ему деваться от сжигающего жара, — и кидается туда и сюда, в битвы, в приключения, в странствия (Одиссей и эпоха Генриха Мореппавателя). Все это первоначальное грубое ворочание камней культуры. Вулкан ворочает землю, по-видимому безобразя ее, разбивая ее, разрывая ее, но на самом деле это уже начало культуры, ибо это уже не есть недвижность мертвого материка. Островок культурнее материка, «Маленькая землица» всегда принимает первый луч Божий, разбитость, расшибленность чего-либо вообще есть первый шаг к культуре.

Но одно — разбить косную массу на куски; и другое — начать обрабатывать куски. Бой и шлифование — разные фазисы одного процесса, но требуют они совсем разных качеств.

Вот здесь-то, во всемирной потребности шлифоваться, и выступает роль + 2, + 1, ± 0 пола, —1, —2 его.

Борода начинает укорачиваться, пыль — опадать, а в характере, дотоле жестком, грубом, непереносимом для «ближнего», начинает проступать мягкость, делающая удобным и даже приятным соседство. Являются «ближние», и в территориальном и в нравственном смысле; является «родство», в смысле духовном и переносном, а не в одном кровном. Все это по мере того, как самец от высоких степеней «+ 8», «+ 7» переходит к умеренным и совсем низким: «+ 3», «+ 2», «+ 1». В этих умеренных степенях зарождается брак, как привязанность одного к одной, как довольство одною; и, наконец, появляется таинственный «± 0», полное «не-воление» пола, отсутствие «хочу». Нет жажды. Гладь существования не возмущена. Никогда такой не вызовет «на дуэль», не оскорбится, — и уже всего менее «оскорбит». Сократ, сказавший, что он легче перенесет обиду, чем нанесет ее, — тут в этих гранках; как и мировое: «Боже, прости им — не ведят-бо что творят». Вообще выступает начало прощения, кротости, мировое «непротивление злу». Платон Каратаев — тут же, около Сократа; как и Спиноза, мирно писавший трактаты и наблюдавший жизнь пауков. Все — выразители мирового «не хочу». «Не хочется»... Созерцательность страшно выросла, энергия страшно упала, почти на нуле (Амиель, Марк Аврелий). Мечты длинны, мечты бесконечны... Все существование — кружевное, паутинное, точно солнышко здесь не играет, точно это зародилось и существует в каком-то темном, не освещенном угле мира. Тайна мира. В характере много лунного, нежного, мечтательного; для жизни, для дел — бесплодного; но удивительно плодородного для культуры, для цивилизации. Именно — паутина, и именно — кружево, с длинными нитями из себя, завязывающимися со всем. В характере людей этих есть что-то меланхолическое, даже при ясности и спокойствии вида и жизни; меланхолическое безотчетно и беспричинно. «Мировая скорбь», «Weltschmerz» здесь коренится, в этом таинственном «не хочу» организма. Здесь цветут науки и философия. И, наконец, «± 0» разлагается в «+ 0» и «—0»: первый отмирает — в нем ведь ничего и не было? И остается «—0», который быстро переходит в «—1», «—2», «—3» и проч.

На низких, первоначальных степенях, «—0», «—1», мы наблюдаем это в форме известных двойных содружеств; не в форме товарищества, шумного и обширного, с забавами и «предприятиями», но всегда — дружба только двух, тихая, бесшумная. Если вы присмотритесь, то эти «два» стоят всегда в контрасте, духовном, бытовом, характерном и даже физическом: и один как бы дополняет другого. Есть взаимная дополняемость, и отсюда получается житейская гармония и спаянность. Жизнь, можно сказать, переполнена этими странствующими и стоячими диадами (сцепление двух), которые вообще всегда образуют красивое явление, привлекая взор всех тишиной, незамутненностью своей, — тем, что никому не мешают и явно довольны спокойным довольствием, — довольны своим существованием. Гоголь первый дал нам такую диаду в известном соседстве знаменитых «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Злой Гоголь их поссорил, но обыкновенно они не ссорятся, и один хоронит другого. Из-за чего им ссориться? Еще заметите это в живописи Тургенева: он нарисовал целый ряд таких диад — «Хорь и Калиныч», «Чертопханов и Недоюскин», отчасти Лежнев и Рудин (вода и огонь), кажется, еще несколько, много. Чаще всего один покровительствует, другой — покровительствуем, один — жесток, жесток, груб, резок, другой — нежен, мягок, податлив. «Точно муж и жена, мужчина и женщина». Но ничего нет, еще ничего нет. У Достоевского это выражено в идиллии «Честного вора», где этому слабому и бесхарактерному человеку, к тому же запивавшему, покровительствует трезвый, тихий и милый портной. Перефразируем наблюдение первых христиан: «У язычников самые добродетели их суть только красивые пороки», можно сказать, что у этих диад «самые пороки становятся как-то невинны». У других людей в воровстве сказались бы хищность, бессовестность; и на него ответили бы боем. Но у этих самое воровство добродетельно: «Честный вор». Да и в самом деле «честный»: до того кроткий, что его и обругать не придет в голову никому, не то что побить; но сам он до того мил и праведен, что от одного тихого укора — повесился. Воистину, «таковых есть царство небесное»... Делают ли что они — добро им, не делают — добро же. Не воруют — хорошо, а украли — тоже хорошо. Как-то безвредно, без «последствий». И любодействуют они — тоже хорошо, и не любодействуют — хорошо же. Впрочем, они почти никогда не любодействуют. «Не хочется». Ни Хоря, ни Калиныча, ни Чертопханова, ни Недоюскина, ни «Лишнего человека» (см. «Дневник лишнего человека») мы не умеем представить себе «с бабою» или «около

девицы». Эти диады, или пассивные одиночки, — до такой степени есть начинающиеся праведники, линии начинающейся христианской праведности, такой особенной, такой типичной, с кроткими глазами, с опущенными руками, с тихим взором, взором — длинным, задумчивым, что невозможно усомниться в том, что уже задолго до христианства в них началось христианство, или что Евангелие, само в этой же категории явлений существующее, встретившись с этим течением — слилось с ним, «обнялось» с ним, и они-то соединенным руслом своим и произвели то, что мы именуем «историей христианства», «историей христианской цивилизации», «историей Церкви». Я сказал «и Евангелие в этом ряду». И в самом деле, это — его откровенный глагол. «Бессеменное зачатие» — вот с чего оно начинается, с требованием признать его — оно выступило. Это есть то чудо, то «неизреченное», «не вмещающееся в разум», не бывающее и невероятное, о чем услышав все засмеются, так как это есть «дважды-два — пять» пола, и между тем без согласия на это «чудо» и «бессмыслицу» — вы не христианин, «не крещеный». А как только это приняли и этому покорились, как только уверовали в это половое «дважды-два — пять», так вы «христианин», «крещены», «в сынах спасения» и «Царствия Божия».

«— В Православную Святую Церковь веруешь?»

— Верую.

— И в Божию Матерь тоже веруешь?

— Верую.

— А ну, сынку, перекрестись.

Приходивший крестился. Тогда кошевой говорил ему: — „Ступай“».

Так совершался, по Гоголю, прием в Православную Сечь, эту азбучную общину мужиков-рыцарей.

«Бессеменное зачатие»... но что оно такое? Это «+0» пола, «—0» пола, или «±0» пола, как хотите определяйте, принимайте, но как только в половом месте вы поставили значущую величину, все равно единицу или дробь, поставили что-нибудь, — вы отвергли, ниспровергли Евангелие и христианство. Самая его суть и есть «±0» пола. В этом не «что-нибудь» его, а все оно. Церковь до такой степени на этом яростно настаивает, что ее невозможно ничем так оскорбить, как и действительно нельзя бы ничем ее так ниспровергнуть, как утверждением, намеком, предположением, что в И. Христе или Божией Матери было что-нибудь настоящее половое, а не только «схема», «очерк», да и то лишь словесный, «девы-женщины», «учителя-мужчины». «У Иисуса были братья» — сказано в Евангелии; «она не знала Иосифа, дондеже не родила (т. е. пока не родила) Иисуса». «Нет! нет! — восклицает Церковь. — Божия Матерь была монахиною, монахиною в существе и только без формы, и ничем иным она и не могла быть, потому что иначе и не началось бы христианство, как что-то совсем новое в мире!» «И эти братья Иисуса суть его двоюродные братья или что-то другое, а не родные братья: ибо у Божией Матери не могло быть детей, она — монахиня». Открывая Евангелие, конечно, видим, что как будто оно опрокидывает этот крик Церкви: сказано «братья Господни» и «дондеже не роди Иисуса». Но, вчитываясь глубже, больше, вчитываясь годы, «до седых волос», «до поседения», — видим, что втайне, не в буквальном смысле, а в духе своем Евангелие поддерживает этот крик Церкви, и даже именно оно и породило его собой, как вопль, как неистовое и страшно уверенное в себе утверждение!! Конечно, Божия Матерь — монахиня, как и рожденный Ею — монах же; без пострига, без формы, без громких слов, без чина исповедания, но в существе — таковы именно! Иначе зачем бы и говорить о «бессеменном зачатии» и подчеркивать потом, страстно и мучительно: «Не от похоти мужския и не от похоти женския» (зачат Иисус). Итак, «бессеменное зачатие» — это раз; и затем, зачатый так и Сам был бессеменен: это-то и есть новое и оригинальное, почему Его и нарекли «сыном Божиим», «богочеловеком», и приняли, и поклонились Ему — как таковому именно. Как только в образ Его, в Лик Его вы внесете семенность, семе-несение; так вы и разрушили, раскололи, уничтожили этот Лик. Согласились вы на него — вы приняли Христа, «нового Бога»; нет — и вы отвергли Его, вы — не христианин.

Но «бессеменность» в видимом, ясном, признанном очерке мужчины, в каком ходил Иисус, это и есть «±0» пола, то таинственное явление, какое не неизвестно в биологии. Понятен глубочайший интерес, глубочайшее волнение, с каким мы должны бы, ученые обязаны бы давно начать к нему приглядываться.

КОЛЕБЛЮЩИЕСЯ НАПРЯЖЕНИЯ В ПОЛЕ

Дабы у читателя не могло остаться сомнения в объективной верности моих наблюдений-размышлений, я приведу факты из медицины.

Наибольшее половое напряжение

«R. L., купец 36 лет, был консультируем мною в апреле 1899 г. по поводу частых возбуждений и следовавших иногда за этим семяизвержений среди дня, без всякого повода. Родители были вполне здоровы. L. — нормального, достаточно крепкого телосложения, с 29 лет женат. Сурово воспитанный в своей юности, уже с 12 лет стал тайно предаваться онанизму, считая в среднем один-два раза в день. 16 лет имел первое соитие, и с той поры имел весьма много половых сношений с самыми различными женщинами. Он допускает число половых сношений с одной женщиной, с которой был в связи, около 250—300 в год. В брачной жизни его половой аппетит, если можно так выразиться, был настолько велик, что жена его неотступно просила его для ее облегчения где-либо в ином месте удовлетворять свою похоть. Половое возбуждение особенно вспыхивало у него при работе. Во время занятий в конторе у него внезапно, моментально наступало, без какого-либо повода, состояние возбуждения, сопровождавшееся сильным волнением и дрожанием всего тела. Похоть была так велика, что он должен был бросать занятия, чтобы как можно скорее иметь соитие с первым встречным женским субъектом. Холодные души (ручным аппаратом Moosdort Hochhausler'a), применявшиеся по моему совету, лишь весьма редко могли ослабить его satyriasis[33 — похоть (лат.)], порой отдавая лишь на некоторое время приступы. Несравненно лучше действовал бром в соединении с лупулином, «геср. шпичучая бромистая соль» (Проф. Роллендер. «Половое влечение», стр. 80—81).

Наблюдения над половым влечением высоких степеней у женщин очень многочисленны. Я приведу следующие.

Д-р Гарнье сообщает следующий факт.

«Генриетте С. 31 год. С самого раннего возраста одна из мальчиков действовал на нее с непонятной возбуждающей силой. Выйдя замуж очень молодой, она не могла найти в супружеских отношениях удовлетворения своей почти беспрестанной потребности в половом акте. Она обзаводилась множеством любовников и приводила в глубокое отчаяние своего мужа, так как безнравственное поведение ее получило огласку.

Когда ее вдруг охватывала непреодолимая потребность полового акта, она пыталась бороться со своим желанием, но вскоре оказывалась до того всецело в его власти, что выбегала на улицу и принималась охотиться за самцом.

Но помимо таких непреодолимых импульсивных припадков — и в нормальном своем состоянии ей достаточно встретить крепкого, хорошо сложенного мужчину, чтобы почувствовать себя охваченной жаждой совокупления, одно представление о котором способно, впрочем, вызвать у нее сладострастный спазм; такие спазмы бывают у нее по шести и по семи раз в один и тот же день».

«Вот другой поразительный случай. Женщина с детского возраста испытывала необычайное влечение к половым наслаждениям.

Когда ей было всего 8 лет, на нее действовал возбуждающе вид совокупающихся животных, причем ее неудержимо влекло дотрагиваться до них.

В 17 лет она вышла замуж, за человека 36 лет, очень крепкого, объятия которого по нескольку раз сряду оставляли ее все же неудовлетворенной; случалось даже часто так, что после троекратных естественных сношений ей необходимы были лесбийские приемы для того, чтобы чувственность ее вполне насытилась.

В 49 лет, будучи уже матерью восьмерых детей, она овдовела. После двух месяцев абсолютного воздержания желания снова начали неотступно осаждать ее. Умом ее непрерывно владело одно — по ночам самые эротические сны, в бодрствующем состоянии самые сладострастные мысли и представления.

Побежденная ими, она поддалась рукоблудию и только таким образом могла бороться со своими беспрестанно томившими ее желаниями, не давая подозревать никому об этом половом возбуждении своем». (Скромность. В. Р.)

Д-р. Трэла сообщает очень интересный случай сильного полового влечения.

«Г-жа V., среднего роста, но очень сильного сложения, обладавшая очень приличным выражением лица, большой учтивостью в обращении и разговоре, большой сдержанностью в манерах, поступила ко мне в приют 17 января 1854 года.

Будучи спрошена обо всем необходимом, она превосходно отвечала на все вопросы, принялась за работу и, несмотря на свои 69 лет, делала все очень быстро и хорошо; всегда спокойно и ровно настроенная, всегда усидчиво работающая, она послушно отправлялась, когда ее звали, за стол или на прогулку.

Решительно ничто ни в наружности ее, ни в поступках не могло внушить, за все время ее пребывания в лечебнице, ни малейшего подозрения о ее ненормальности.

В течение целых 4 лет ни одного непристойного слова, ни одного жеста, ни малейшего движения, которое обнаружило бы волнение или раздражительность, или нетерпение. Она превосходно сознавала, что она в заключении, но злоупотребить свободой была абсолютно неспособна.

Всю свою жизнь, от ранней юности, она отыскивала мужчин и отдавалась им. Молодой девушкой она приводила в отчаяние своих родителей, подвергая их своим поведением позору и унижению.

Отличаясь самым послушным, самым приветливым и самым веселым характером, она краснела при всяком обращении к ней, опускала глаза каждый раз, когда оказывалась в многолюдном обществе, но стоило ей очутиться наедине с мужчиной — старым ли или молодым, или даже с ребенком, — она внезапно и мгновенно преобразовывалась, подымала юбки и нападала с самой дикой энергией на того, кто сделался предметом ее исступленной любви. В такие моменты это была настоящая Мессалина, но всего за несколько мгновений до того ее можно было принять за невинную девушку.

Иногда ей случалось натолкнуться на сопротивление и даже на серьезное внушение, но гораздо чаще она встречала добровольное согласие.

Несмотря на неоднократные приключения такого печального рода, ее родителям удалось выдать ее замуж, причем они надеялись, что это положит конец ее расстройству. Но для нее замужество явилось только лишним скандалом.

Она любила своего мужа неистовой любовью, но так же неистово она любила всякого мужчину, с которым случай приводил ее остаться наедине, — и обнаруживала в таких случаях столько предусмотрительности и ловкости, что сбивала с толку всякий надзор и очень часто добивалась, чего хотела.

Под первым попавшимся и тут же на месте придуманным предлогом она зазывала к себе то рабочего, отрывая его от работы, то случайного прохожего на улице, то молодого мастерового, то слугу, то мальчика, возвращающегося из школы.

Разговоры, которые она с ними заводила в подобных случаях, были до такой степени невинны, что всякий направлялся за ней вполне доверчиво, нисколько не задумываясь.

Неоднократно случалось, что такой гость бил или обкрадывал ее, — но это не мешало ей снова зазывать к себе.

Этот образ жизни она продолжала вести даже тогда, когда сделалась бабушкой.

Однажды она зазвала к себе мальчика 12 лет, уверив его, что мать его должна прийти к ней. Она дала ему конфет, целовала его, ласкала; но потом, когда она хотела раздеть его и начала непристойно прикасаться к нему, инстинктивная нравственность ребенка возмутилась: он ее ударил и убежал. Дома он все рассказал своему брату, молодому человеку 24 лет; тот пошел в указанный мальчиком дом и безжалостно побил скверную женщину, сказав ей на прощанье:

— В подобных случаях следует расправляться своим судом, чтобы не пачкать оглаской свое имя, имея дело с подобными особами. Надеюсь, что этот урок отобьет у вас охоту проделать еще раз подобное с кем-нибудь другим.

Во время этой сцены зашел зять женщины; он сразу догадался обо всем раньше, чем услышал слово, и сам стал на сторону того, кто учинил этот быстрый самосуд.

Ее заточили в монастырь. Там ее нашли такой доброй, такой кроткой и послушной — розовой и невинной, как молодая девушка, — что никто не хотел верить возможности того, чтоб она когда-нибудь могла совершить малейший проступок; ее решили освободить от искупления, так она завоевала симпатии и доверие всего населения монастыря ревностью, с которой она предавалась религиозным обрядам.

Но, едва очутившись на свободе, она снова начала по-прежнему скандалить. И так проходила вся ее жизнь.

Она отравила всю жизнь своего мужа и своих детей. Но они надеялись, по крайней мере, что на помощь ей явится время, что, когда она постареет, умерится пожиравшее ее пламя. Они ошиблись, однако. Чем более она предавалась этим излишества и чем более она тучнела, тем неудержимее становилось ее расстройство.

Непостижимо, каким образом при таких низменных склонностях и таких позорных привычках могла уцелеть такая кротость в выражении лица, такое спокойное достоинство манер, как мог сохраниться такой молодой голос и такая прозрачная ясность взгляда.

Когда она овдовела, дети не могли ее оставить жить у себя — для них она была предметом ужаса; они назначили ей пенсию и предоставили ей устроиться отдельно.

Когда она стала старухой, она вынуждена была оплачивать благосклонность, которую ей оказывали; и так как маленькой пенсии, которую она получала, ей для этих надобностей не хватало, то она работала с неутомимой энергией, чтобы иметь возможность заводить много любовников.

При взгляде на эту женщину, вечно бодро трудящуюся над иголкой, обходящуюся без очков в 70 с лишком лет, всегда чисто и опрятно одетую, с простой и честной наружностью, с открытым лицом, — никто никогда не догадался бы обо всех проделанных ею гадостях. Когда нам все это рассказали, мы совершенно не поверили бы, если бы не получили вскоре несомненных доказательств.

Мы видели некоторых из этих жалких негодяев, получавших от нее плату за свое мерзкое ремесло. Они являлись к нам рассказывать, как она трудолюбива, уверяли нас в ее безупречной нравственности, — и все это в надежде, что ее освободят и они снова будут получать свою плату.

При всем отвращении, которое нам внушали эти проходимцы, мы не могли удержаться, чтобы не вырвать у одного из них признание о подробностях их бесстыдной любви.

Эта презренная женщина, это чудовище сохранило до последнего дня жизни свое спокойствие, свою неизменную кротость и честную наружность. Она умерла 27 мая 1853 г., 73-х лет от роду».

Рассказ вполне поразительный, достойный долгих, многолетних размышлений. Что такое этот субъект? Несла в себе как бы трех человек, имела тройной запас жизни! Если «человек» есть зло, если «жизнь» есть зло — осудите ее. Другого мотива для осуждения она не дала заметить в себе.

Все приведенные случаи заимствованы из книги доктора Жафф Кофейлона. Наблюдения свои он сопровождает еще следующим, которое повторяется и в других книгах о том же предмете:

«В числе подобных женщин нередко встречаются такие, у которых сильнейшие половые стремления соединяются с проявлениями религиозного восторга. Они то посвящают себя чрезмерным подвигам благочестия, при самом строгом аскетизме; то разыскивают мужчин, потеряв сон, и произносят речи, в которых сквернословие смешано с мистическими идеями. Они напоминают, по своим манерам, богомолки, но при этом жестикация их бывает часто непристойна.

«Бред их, — говорит Бушери, — бывает то религиозный, то эротический; без малейшего перехода это следует одно за другим».

В том самом случае, в котором один наблюдатель нашел бы религиозную манию, — другой наблюдатель, если он явится свидетелем следующего припадка, будет иметь основание признать эротическую манию».

Последнее наблюдение необъяснимо никак с медицинской точки зрения: ибо отчего бы женщинам сильнейшего полового возбуждения не бредить: 1) вином, 2) картами, 3) базаром, толпой, улицей, 4) банями, трактиром, кабаком? По бытовой близости этих предметов должно бы быть так. Но этого никогда нет. И оттого нет, что, сблизенные в быту, они корнями лежат как бы в противоположных полушариях. Бред как явление, где наименее участвует преднамерение и сознание, всегда указывает корневую близость вещей, соединяет космологически-родственное, метафизически-родственное. Так же точно совершенно необъяснимы эти феномены и с аскетическо-христианской точки зрения — с точки зрения бестелесно-духовной, скопческо-религиозной: ибо, очевидно, если бы действительно религия заключала в себе плото-умерщвляющие идеалы, если бы она с полом не имела ничего общего и даже была бы противоположна ему, исключала бы его, — то повышение половой импульсивности сопровождалось бы безбожием, голизной и опустошенностью религиозного чувства, падением религии, упоминанием о ней, в бреде ли, наяву ли, никогда! Разное религия и пол — и нет их соединения в бреде, в

словах, в мысли! Но если мы допустим то, что пол и действительная истинная религия имеют не только корневую близость, но и корневое тождество, единство, слиянность или, точнее, целость одного и того же существа, то все эти феномены не только объясняются, но мы о них скажем, что «иначе и не могло быть»... При этом я совершенно допускаю, что «половой бред» в этих медицинских случаях есть «ерунда», как «ерундою» же является и религиозный бред этих субъектов: это уже не меняет дела и ничего не изменяет в заключениях. Ведь и обычный бред обычных сумасшедших есть, однако же, психический бред или логическая нелепость, все-таки тем не менее — логический, все-таки тем не менее психический, из этого моря, из этого океана взятый. Поэтому как только «эротический бред» путается с «религиозным бредом» — мы заключаем с неизбежностью, что «та капля» и «эта капля» — из одного моря! Иначе нельзя: ведь никто же лепет идиота не отнесет к кожным явлениям, маниакальные идеи не назовет феноменом перерождения мускульной ткани, и проч. Такой «абдекарабды» никто не скажет: но значит, и разъединить пол и религию было бы научной «абдекарабдою». Если «бредовые», т. е. нелепые, явления лежат тем не менее рядом, то очевидно, ясные и спокойные явления двух этих порядков текут не только рядом же, но это есть даже одна текущая река, одни воды, дающие в одной части спокойную и ясную религию, как наше отношение к Богу, как связь с Небом, как чувство Судьбы и Провидения, как мистику и трепет перед «миром Иным», «миром Еще», поверх эмпирической, наличной действительности; и в другой части влекущие к сближению, к совокуплению, к рождению детей, к жизни бесконечной здесь на земле... Только христианство могло отвернуться, или, как теперь очевидно, попыталось отвернуться от этого, и через это потрясти очаги рождения, разрушить недра мира, как бы проколоть иглой мировой зародыш, зародышевое начало мира, зародышевую сущность мира. Попыталось и не успело: ибо люди все-таки рождали, «во грехе» (с идеей греха) рождали, «в скверне» — но рождали. «Рождали», «рождали»... их проклинали, звали к другому (девство, монашество, аскетизм) — но все-таки они рождали и рождали: и в этом одном христианство, как выразился Достоевский, и «не удалось». А «не удалось» оно в этом одном, то «не удалось» — и во всем: ибо это-то и есть «все» его — сущность, основание и цель. Но уже постановка этой цели естественно вела к идее «конца мира», к распространению чувства, что «конец пришел», «конец близок» и даже «у дверей стоит»: ибо цель эта именно включала «конец мира», но не как существо и истину, а как зов, как пожелание, как черный идеал! Таким образом, «бессеменное зачатие», поставленное как «А» в Евангелии, уже содержит его «Θ» — конец, катастрофу, «падающие звезды» и «серный огонь с неба», и «восстание мертвецов», сих «граждан нового века», и «страшный суд». «Чем началось, тем и кончится»... Наоборот, «святое рождение» воскрешает древние, до-христианские Небеса: «мертвым» совершенно незачем исходить из могил, потому что земля не пустынна, на могилах выросли новые цветы, с памятью первых, с благоговением к первым, даже в сущности повторяющие в себе тех первых. Смерть есть не смерть окончательная, а только способ обновления: ведь в детях в точности я живу, в них живет моя кровь и тело, и, следовательно, буквально я не умираю вовсе, а умирает только мое сегодняшнее имя. Тело же и кровь продолжают жить; и в их детях — снова, и затем опять в детях — вечно! Только бы, значит, «рождалось», и — «я никогда не умру». Точно «снимаются сапоги»: «одни сапоги», «другие сапоги»... а «ходит в них — один». Этот «один некто» и есть «Адам» — «я» — «бесконечный потомок наш», меняющий паспорт, меняющий лица, ремесла и обитаемые страны, учащийся или хлебопашествующий, несчастный или счастливый, но — «один». Таким образом, смерть — у правильных субъектов и при правильной жизни безболезненная (склероз артерий, лопнувший сосуд и смерть даже без крика, без вдоха, без всякого ощущения) — есть просто способ вечно обновленного и, следовательно, вечно молодого, юного лица земли в сущности при том же ее обитателе, при одном жителе... При этом зачем же покойникам «выходить из могил», когда они преспокойно продолжают жить на ней, но не в старом и тягостном для себя самих состоянии, а в чрезвычайном счастливом состоянии полного мужества, цветущей юности и беззаботного детства! Что за счастье прожить 1 000 000 лет стариком: лучше прожить 60 лет + [60 x 3] + [60 x 3 x 3] + [60 x 3 x 3 x 3] и т. д. Т. е. жить «целым рядом» семей — уже на своих глазах, целой колонийкой — через 200 лет, целым селом — через 400 лет, целым народцем — через 1000! При этом взгляде — праведны усилия к накоплению земных сокровищ, обеспечивающих существование: больше скота, больше земли, больше плодородия, жатвы, посевов, больше домов, крепче города, больше труда и запасов (денег); и еще другое с равным напряжением усилие — воспитание: ибо только воспитанный человек живет хорошо, есть «счастливое я», «хорошее я».

При этом слиянии религии и пола только и является «благословенное рождение»; не в том поддельном и фальшивом виде, что оно «разрешено попом», а в том, что оно «угодно Богу», и притом из существа своего, по существу своему. Тогда неудержимость рождения становится понятной, как исполнение воли Всемогущего, Всеволящего. Тогда удерживать его никто не станет: рождается столько, сколько «хочется», и волна рождаемости есть волна этого «хочется», то поднимающаяся, то опускающаяся, не сдерживаемая в одном, не сдерживаемая в другом, — как молитва в чередованиях с отдыхом. Много рождается — хорошо, один рождается — хорошо, ни одного не рождается (у кого-нибудь) — это его индивидуальное несчастье, как скинутого со счетов человечества; но в общем и для самого человечества — и это хорошо! Все — хорошо, ибо все — безопасно: «нет» у одного возмещается «обилием» у другого; примеры, приведенные из нашего якобы «истощенного» поколения, показывают, до чего волна временами подымается высоко. Не надо статистики населения, ничего не надо: никакой заботы! Только бережным взором надо следить, истинные священники истинной веры должны бы следить, чтобы ни одна щепочка, ни одна соринка, ни одна злоба, ссора, ненавидение, случайное несчастное совпадение (неудачный брак, недостаточное число форм брака) не мешало чистым волнам этого «хочется», чтобы никто не нудил себя и ни к чему не нудил...

Душа, ее неземные предчувствия, ее метафизические тревоги, ее томление по Боге — все объясняется как врожденные дары, врожденные сокровища, если самая душа, вложенная в 1/2 из матери и в 1/2 из отца, через их половое слияние, есть в то же время «капля метафизического существа», капнувшая в земные условия через этот миг их слияния. Тогда, очевидно, есть два Неба: внешнее — на которое мы смотрим, и внутреннее — которым мы живем; и оно, тоже со звездами и солнцем, как бы выстилает внутренность нас, сопутствует каждой частице нашего организма, — физической в то же время, как и метафизической. Тогда есть два глаза — физический, такого-то устройства и из таких-то веществ, и метафизический — который видит. «Видит», «слушает», «живет» в нас метафизика, — запутанная вся в физику, в соки, кости, мускулы, нервы. Это и одно и не одно. Одно — в разделении, не одно — в слиянии. Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, которые не имели бы в себе «духовного начала». И как я, умерев, разделяюсь на смертную половину — вот что положат в могилу, и что во мне при жизни было «персть» и прах, ничто и могила, и на часть живую — вот что останется в детях: так во всяком волоске и кровинке есть «гроб» и «персть», чему — умереть, и эта часть кровинки меня не живет, а тянет книзу, если же она в глазу — то я ею не вижу и даже от нее происходят болезни; и есть в этой же кровинке часть, которая «к жизни», чем глаз видит, что поправляет начавшееся заболевание, что помогает врачу лечить: это ее «дух» и «жизненность», ее подъем и «вставание»... Как пол «встает» и «опускается» и это его суть: так, по типу этого, «встает» и «опускается» все в нас, в организме нашем, в душе нашей, в жизни нашей, даже в судьбе нашей! Таким образом, человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола, и своего, и универсального; что, впрочем, и понятно, иначе и быть не может, так как он весь ведь и составлен только из двух половинок, от матерного тела, от отцовского тела, отделившихся в половых их органах и в страстном половом акте. Ничего третьего,

ничего не полового там не было; и, следовательно, не откуда взяться ничему третьему... И даже когда что-нибудь делаем или думаем, хотим или намерены якобы вне пола, «духовно», даже что-нибудь замысливаем противоположное — это есть половое же, но только так закутанное и преображенное, что не узнаешь лица его. Так гусеница ползает, а бабочка летает, но обе — одно существо; куколка же и совсем лежит, как мертвая, — однако и это то же существо. Человек, из полового акта вышедший и из страстно-половых частиц сложенный, есть во всем своем «я», «целом» и «дробном» — половое же существо, страстно дышащее полом и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, торговле, но в самом чистом и святом виде, в самом нормальном — в семье. Торговля и политика — куколки и гусеницы; а мотылек, «душа» — семья, отец-мать, сын-дочь, брат-сестра, свекор-сноха, свекровь-невестка, тетки-дяди, деды-внуки, род, круг, родной народец.

Умеренные степени полового влечения

Это — те обычные, какие мы знаем и испытываем. Примеров их не для чего приводить. Лютер предполагал и предлагал двукратное или троекратное в неделю совокупление; но полагая, что не без причины «день седьмой суббота — Господу Богу твоему», я бы предложил или посоветовал всякой семье удерживаться в пределах одного недельного совокупления; дабы для других трудов жизни, для трения жизни, для скорбей и тягостей ее, всегда иметь бокал жизненности в себе наполненным до краев, и так именно, чтобы влага была дугою над краями. Пусть изливается, что не может держаться, что «через край». «Небо» должно быть именно в нас, густое, темно-синее, с налившимися звездами, с жгучим солнцем, полною луною: «вот-вот» просыплется и упадет; но не просыпай его, береги его. Тогда будешь нежен к людям, привязчив, памятлив, милосерд, словоохотлив, делоохотлив, труженик без усталости, работа будет не тяжела, скорбь не будет переходить в отчаяние и меланхолию, люди станут нравиться, природа — нравиться, будешь путешествовать, торговать, увеличивать имущество. И дети будут очень здоровы и очень талантливы. Мы должны помнить, что ко всему в мире мы привязываемся через семя свое; как всем в мире мы пользуемся для семени своего. Однако, чтобы не впасть «в пост», мы не должны выпускать из виду, что в мире до человека совокупления происходят редко, между тем ласки совершаются все время — и что в природе нет ничего нецелесообразного. Слабеет и холодеет человек, когда его бокал не полон: итак, пусть он и будет постоянно полон, т. е. совокуплению должно быть дано место тогда, когда внутреннее вино и гений вот-вот поднимается через край. Но все остальное и на все остальное в прелести мужской для женщины-жены и в прелести женской для мужчины-мужа — сохраняет свое место и имеет свое право. Остальные шесть суток дневной труд все-таки должен иметь себе награду в обаятельности, нежности, поцелуях, взорах, прикосновениях, ласках, и более всего, конечно, в словах, в речах, и носимое в чреве дитя может получить полноту даров только тогда, когда муж лелеет и ласкает чрево жены так, чтобы истома и сладкое волнение в нем никогда не прекращалось, никогда бы оно не замирало и не костенело, не мертвело. Можно так сказать, что как мать кормит ребенка по выходе из чрева молоком и дает тело ему из молока своего, так до родов она еще непосредственнее и прямее, «из кишки в кишку», кормит все его существо, кровь его, кости его, нервы его и присущую всему этому метафизику (вторая духовная половина всякой частицы тела) совокуплениями своими и вообще чревными трепетаниями; и по участию в них мужа можно даже продолжить и сказать, что эти девять месяцев оба они совместно питают ребенка, притом питают такими частицами внутреннего существа своего, которые несравненно драгоценнее, значуще и могущественнее, чем молоко, это сравнительно рациональное и земное вещество. Из молока цельного человека не выходит, а из семени — выходит; молоко не растет, не вырастает, а росинка семени растет в полного человека и живет в нем до 70 лет. Так природа расположила свои цели и средства. Полуимпотентная, полусодомическая (по отвращению к совокуплению) мысль, что: 1) совокупление-де должно ослабить силы матери, 2) когда эти силы нужны ребенку, — должна читаться наоборот: 1) когда матери так нужны силы для вынашивания плода, — 2) тогда муж должен дать их ей через совокупление. Ибо кому же, кроме совершенных лгунов и лицемеров, неизвестно, что в совокуплении, если оно предварительно желается женщиной, если она к нему предрасположена, — она получает силы, получает новую свежесть, получает расцвет в себя! Кому неизвестны анемичные, бледные, с хлорозом, нервные девицы до замужества: и что за фантазия повергать в некое подобие всего этого беременную женщину?! А между тем женщина 30-ти лет, с прерванными привычными совокуплениями, есть что-то еще более страдальческое и несчастное, нежели «девица 17 лет до совокуплений»: ибо известно, что вдовы страдают от недостатка совокуплений еще гораздо сильнее, чем девицы; а всякая беременная, покинутая ласками мужа, есть «соломенная вдова» на девять месяцев[34 — Проф. Роллендер, на стр. 78, закончив объяснение побочных действий совокупления на всю сеть органов женского тела и, между прочим, на питание, на отправление кишок (важнейшее, на кровь, он пропустил по невинному медицинскому неведению), говорит, впрочем, всякому известную истину: «Этим всем объясняется известный факт, что весьма часто случается, когда девушек, вступивших в замужество бледными, истощенными, уже через несколько недель нельзя бывает узнать: они превращаются в цветущих, дышащих здоровьем женщин, тогда как раньше все применявшиеся, самые разнообразные методы лечения ничего не могли поделать против их жалкого вида и худощавости». Вот такую-то гадость, такой опиум и мертвечину советуют «лекарственно» принимать беременной женщине моралисты (Толстой в «Крейцер. сонате», и за ним целые толпы писак).].

Что такое совокупление?

Боковой рост человека. В утробной жизни своей младенец, проживая в земных измерениях девять месяцев, в измерениях абсолютных проживает века... Абсолютными измерениями мы называем те единственно значащие для всякого измеряемого существа меры, какие проистекают из его собственного существа, из величины и количества перемен в нем. Земные меры — это меры по явлениям на земле: обернулась земля около оси — сутки, обошла земля около солнца — год. Явно, что для утробного младенца, который не видит ни солнца, ни земли, этих мер нет, потому что нет этих, для нас существующих, перемен. Для него есть перемены в себе: и вот то, что из маковой росинки он превращается в 7-ми фунтовое существо, из пузырька в человека — есть как бы миллиард лет! В первый год жизни ребенок лишь удваивается: сосчитаем прогрессирующие удвоения маковой росинки (зачатие) до 7-ми фунтового веса и объема (роды), и мы получим число «оборотов» этой росинки около себя, число лет ее! Не будет преувеличением сказать, что в утробной жизни своей младенец проживает столько лет, сколько вся природа прожила до его рождения, не менее! Но вот он родился. Темп развития сейчас же замедляется, но все еще очень быстро: в двенадцать месяцев ребенок удваивается, в следующие двенадцать он увеличивается еще на 1/2, потом в двенадцать на 1/4, на 1/8 и т. д.: чем далее — тем он медленнее растет. Ведь продолжай он развиваться с быстротой утробной жизни, и к 20-ти годам он поднялся бы выше Страсбургского собора, а к старости касался бы голову облаков!

Этого нет. Отчего?! Что же происходит? Вероятно, с того момента еще утробной жизни младенца, когда у него обозначаются половые органы, когда вообще выделяется в нем пол, в нем начинают на счет удлинения или линейного (вверх) роста отлагаться залого для будущего воспроизведения: и чем их отлагается более — тем все замедляется и замедляется рост. Но залого есть, потенции есть — капитал накоплен; но еще процентов не приносит, т. е. размножения нет. Есть только «позывы» к нему, мечты, грезы, наступающая

влюбленности, но без принудительного толчка. Однако отлагание «залогов» происходит тем интенсивнее, чем более замедляется рост. Если размножение искусственно задержать — то отрок необыкновенно сильно вытягивается кверху, проявляет «сильный рост», тот опасный «сильный рост», который в некоторых случаях заканчивается чахоткой, а во всяком случае сильнейшим расслаблением организма. Это едва ли происходило «в доброе старое время», когда дедушки и бабушки наши женили наших отцов в 15—16 лет и выдавали дочерей замуж 13-ти лет. Тогда «хлороза», «бледной немочи», «угроз чахотки» не происходило, ибо линейный рост «во благовремени» переходил в рост боковой: через половую систему проценты отложенных залогов, как и все новые, ежедневно новые отлагания — переходили приблизительно в еженедельные, или по два в неделю, совокупления: являлись дети, т. е. тот же самый человек, тот же индивидуум, но отделенный в частицах своего существа, которые теперь самостоятельно ползают по земле, по полу (дети). Что такое дед, отец и внучек? Переломившийся на три части великан ростом в дом, одной части которого 60 лет, другой 30 лет, третьей 2 года; и все эти части — разной свежести и одаренности. Обилие чрезвычайно возросло здесь, и прекраснейшим способом, гораздо лучшим, чем если бы землю наполняли два-три миллиона тысячелетних старцев высотой в колокольню Ивана Великого. Размножение и вот теперешний вид земли и человечества есть чудодейственное, мудрое, необыкновенно хитрое по тайне его и всемогущее преобразование неэстетичной картины великанов-стариков — в картину всевозможных возрастов, и оживленную, и медленную, в одном месте медленную, и в другом месте оживленную. Глядя на размножение, мы должны повторять библейское изречение, каким Бог сопровождает дни творения Своего: «И увидел, что все — хорошо, и сказал: — хорошо!»

Очевидно отсюда, какой метафизический и божеский смысл влит в размножение; аскеты — воистину пошлые аскеты, — так же мало в нем понимающие, как они не знают астрономии и течения звезд, не только говорят позорную дурь со своим противодействием ему, но еще и творят великий и страшный грех, отвергая Божеский Промысел, перепутывая планы творения, отрицают Бога, противятся Богу. Только по его великой глупости нельзя назвать его преступлением; ибо глупые — невинны; но в содержании своем и безотносительно к глупости — аскетизм есть не только грех, но до некоторой степени — весь грех, полный грех, целый грех. Что любовь, злоба, зависть, наши личные грехи в личных делах — сравнительно с этим всовыванием палки в колесо божественной колесницы, которая, конечно, палку ломает или ее переезжает... Но все-таки зачем это хотя бы и бессильное желание?

Законы о браке у христианских народов, все продиктованные аскетами, — или, когда они и светского происхождения, то все же несущие исторический привкус этих монашеских диктовок, остаток этих диктовок, уклон их, план их, — все суть обобщенные, коллективные, нормированные преступления, и даже не могут быть ничем иным как родившиеся от греха. «Боковой рост» нельзя у человека, остановившегося в вертикальном росте, удерживать более, чем на неделю: аскетизм говорит — «удерживай на три года» (эпитимьи), «удерживай навсегда» (монашество), «удерживай у солдат», «удерживай у студента», «удерживай «всегда, когда тебе (государству, светской власти) нужно или нравится».

Что привкус этого перешел даже в науку, даже в бесстрастную медицину, наконец даже к лютеранам, якобы «восставшим против католичества и извращений его», можно видеть, напр. из удивительного медицинского спора о том, что лучше — проституция или онанизм? на чем практически следует останавливаться «благодарным читателям» их советодательных книжек? Причем все в один голос кричат, что «брак следовало бы запретить мужчинам до 25-ти и девушкам до 20-ти лет», хотя сами же, в скотски глупых книжонках своих, всюду передают, что начинается онанизм обычно около 14—16 лет и редко позже[35 — См. д-р Форель: «Половой вопрос»; да и во множестве книжек, просмотренных мною для этой главы, мелькает этот совет. Совет онанировать (вместо проституции, угрожающей заражением) давали «ex cathedra» [с кафедры — лат.], на лекциях, некоторые профессора Петербургской медицинской академии студентам-слушателям, о чем мне сообщил отец одного студента, С. В. Б.-х.]... Как мороз стоит в крепкую зиму, так стоит этот столп христианской цивилизации: брак — это скверно, это — оскорбительно для всего чистого и невинного, гнусно для гимназиста и гимназистки, гнусно для студента, помеха солдату, помеха учебе, разорение для рабочего и бедняка; а проституция для всех этих состояний, для гимназистов, солдат, студентов, для разведенных, для вдовцов есть естественная и несколько не зазорная, к тому же дешевая и удобная форма полового общения. «Ведь потихоньку»... И соглашаясь, что «потихоньку» — стоят на этом поп, пастор, ксендз, ученый профессор и обычный врач, один «отпуская грех на исповеди», а другой «прописывая ванны» сифилитику, кто за пять рублей, а поп обычный за 50 копейки. И этому торят государственные мужи, «уже тайные советники» и «гофраты», помавая седующими главами: «Как, неужели же вы хотите допустить, чтобы гимназист в мундире (лет 18-ти детина, давно бреющий бороду) носил на пальце обручальное кольцо и... и... имел детей! — какое неприличие!!!». «Или чтобы гимназистка 16—17-ти лет отвечала урок математики у доски, имея на глазах всего класса и перед учителем беременный живот?!! О, позор!!!»... И невозможно сих старцев убедить, что ведь закон же (даже наш несовершеннолетний закон) позволяет брак 18-летнему и 16-летней, и что же за «позор», в чем позор гимназисту и гимназистке быть в «узаконенном состоянии»? А забота о детях, забота о будущем заработке и пробуждение всех сокровищ отцовского и материнского сердца сделали бы из юноши и отроковицы — людей прекрасных, с чувством долга в себе, с ответственностью в себе...

Нельзя ни в чем убедить. Оставим эти темы. Раз брак 69-летнего старца не «оскорбляет» юриста, попа, медика, не есть грех для церкви, не есть вред для государства и общества, а брак цветущих невинностью и силами 16-летнего и 14-летней есть «грех», «вред» и «отвратительная безнравственность» для всех их, то тут — могила, все кончено, «дважды-два = семь» и проч. Тут надо пройти и умереть цивилизации, культуре (культуре аскетизма), пройти целому циклу человечества; и начаться совсем новому летосчислению, чтобы люди вдруг начали слышать, понимать и видеть, что $2 \times 2 = 4$.

Оставим это.

Очевидно, сила бокового роста ответственна всегда силе вообще роста, силе крепости и внутренней деятельности организма. Она у отдельных субъектов не одинакова — и происходит эта неодинаковость, вероятнее всего, от энергии зачатия. Как-то верится, думается, что оно дает импульс всему; и тут применим стих Майкова о «стреле, летящей далеко», когда предварительно лук был «туго натянут». Высокое здоровье и красоту древних греков, палестинских евреев и теперешних мусульман можно, между прочим, объяснить тем, что муж посещает жену свою, живущую отдельно в своем шатре: тут совокупление происходит так нежно, ласкаясь, так свежо и, в заключение, так сладко и напряженно, с такой большой активностью в себе, как у нас случается, когда муж с заработка в недалеком городке или с ямщицей поездки возвращается в дом «на побывку». А несколько обломовский характер вообще русских, как племени, как массы, происходит едва ли не от «родительских кроватей», еженощного спанья вместе жены и мужа. При этом условии привычно все слёживается, формы приспособляются одна к другой, — детей рождается очень много в населении, но с невысокой жизненностью, вялых, анемичных, бесталанных, склонных к заболеванию. Известно, что детская смертность в России велика, как нигде. Нет бури, а все

дождичек. Между тем выходило из бури — талант, красота, сила, жизнелюбие. При «побывках домой» или при «посещениях шатра» (одной из жен), как и в священное установление «субботы», — как известно, начинающейся у евреев с появления первых вечерних звезд пятницы и, следовательно, центрально вмещающей в себя ночь с пятницы на субботу, когда «старое благочестие каждого еврея требовало родительского совокупления» (признание мне одного еврея), — во всех этих трех случаях разыгрывалась гроза страсти, и естественно она разыгрывалась во всех красотах своих, так запечатленных в «Песни Песней»: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих»... У нас все это проходит сонно. Нет священства, а только «нужда». Праздник не окружает совокупления, как у евреев их Суббота и у мусульман Пятница... Между тем совокупление должно быть именно не «нуждою», «сходил» и заснул... вовсе нет: оно должно быть средоточием праздничного, легкого, светлого, безработного, не отягченного ничем настроения души, последним моментом ласк, нежности, деликатности, воркованья, поцелуев, объятий. Но как у нас в старомосковскую пору новобрачных, даже незнакомых друг другу, укладывали в постель и они «делали», так и до сих пор русские «скидают сапоги» и проч., и улегшись — «делают», и затем — засыпают, без поэзии, без религии, без единого поцелуя, часто без единого даже друг другу слова! Нет культуры как всеобщего — и нет явлений, единичностей в ней, нет единичных праведных, благочестивых зачатий (кроме счастливых редких случаев).

Брак и семья в Европе органически, окончательно испорчены, и не расцветут, пока не отцветет Европа. Весь цветок Европы — черный, и белая роза вырастет только на ее могиле.

Замечательно, что единственная надежда здесь осталась в свободной любви, и как она гонится, какое против нее озлобление! Дети, рождаемые среди единственных сохранившихся цветов, выкидываются всею массою в воспитательные дома, и среди вообще человеческих детей они имеют то же положение, как наши проститутки среди женщин.

Отчего не сознаться, что над мусульманами, евреями и над Древнею Грециею и еще более над Египтом горело небо дорогого «ведовства» и «колдовства» — чудное небо других звезд, другой луны и солнца: откуда что бы ни исходило, а только там рождались лучезарнейшие младенцы, каких видел мир. Что-то другое — а уж дети там были хороши... Полновесны, полновидны, полнотелы, полнокровны.

Великое учреждение «субботы» желательно к исполнению каждому: вслед за «помни день субботний» и сказано поэтому — «чти отца и мать твою», каковых главнейшее почитание только и можно выразить через родительство же, новый родительский акт, через повторение в себе того акта, через который мои родители стали именно моими родителями. Они суть «мои родители» не потому, что пьют, едят, путешествуют, гражданствуют: а оттого, что мое «я» изошло из совокупления их. И как «почитание», например священника, естественно есть «духовное», ибо он «духовная особа», как «почитание» полководца естественно есть триумф, так точно «почет» или «почитать» родителей только и можно, совокупившись в память их (если умерли), в честь их, в славу их, в имя их, в радость им (если живы). Только лживо-«духовные» отношения христианства свели всякое «почитание» к низким поклонам и целованью ручки, к лживому заглядыванию в глаза и говоренью приторных любезностей. Конечно, древний Ветхий Завет, с живыми костями и живой кровью в себе, с животными в себе жертвами, знал почитание совсем другое. Если Бога «чтили» ягненком или теленком, — как могло прийти в голову «почет» отца словом? Конечно — жертвою же: и родителей почет, или, теснее, почет их родительский акт, произведший меня, — и можно было только возрадовавшись в новом своем родительском акте. Что это правильно, можно видеть и из того, что не так родители радуются, отдавая детей в ученье, не так веселы, видя начало их службы, не так счастливы — полным колоритом счастья — их успехам в жизни, славе их, молве о них, как эти родители радовались и радуются всемирно, во всех странах и во все времена вступлению детей в супружество, т. е. во сонм родительской же жизни, вновь родительской, повторно родительской. Церковь очень хорошо сделала, что устранила присутствие родителей на своем венчании: так как эта казенная приписка молодых к консистории никакого отношения к родительству и браку не имеет; в браке настоящую обрядовую функцию имеет только устройство «чертога брачного», т. е. ночной свадебный пир; хотя теперь это уже остаток древности, без мысли, без понимания, без красоты и торжественности, без традиционных свиданий в себе, в распорядке своем, в ходе своем. Но пиром выразилась встреча брака юных их родителями и всею общиною. Пир — всегда есть радостное. Итак: супружество детей есть радость и родителям: и, следовательно, «почитанием» родителей является, главным образом, вступление самих в супружество; и в нем, понятно, его центральные, существенные минуты.

Вот что означало собой древнее и священное заповедание: «чти отца и мать твою». Значило: «не оставайся безбрачным», «не оставайся бесплодным», «радуйся с молодою женою своею, с молодым мужем своим».

Закон — это всегда берег; но и берег заливаается наводнением, освежается наводнением; и закон был бы слишком пассивен, был бы безжизненным в безжизненном, если бы иногда он не нарушался. Было у евреев великое учреждение — утренние тамиды при Храме, т. е. «жертвы за грех», — по утреннему часу жертвы очевидно, за грех в ночные часы. Будь суббота мертвым законом, и она развратила бы уста и сердце израильского народа, как развратили сердце и уста христианских народов мертвые законы о браке, данные канонами: принудила бы уста ко лжи, сердце к лукавству, лицо — к лицемерию, а волю вызвав на дерзкое противление себе. Воздержание до ночи с пятницы на субботу было идеалом, звавшим к себе: но «затоплялись берега» субботы, и израильская молодая чета шла в храм и приносила в жертву двух горлинок в «очищение от греха». И грех очищался. Дети Иеговы — как звали и чувствовали себя все израильтяне — были опять невинны перед своим Небесным Отцом, и если они нетерпением и в следующую ночь нарушали субботу, умаляли субботу: опять — жертва, и опять — ничего. В Талмуде сказано, что частота совокуплений зависит: 1) от здоровья, 2) молодости и 3) работы. «В молодом возрасте супруги, если в то же время они имеют не занятым свое время (не устают на работе), совокупаются ежедневно», — сказано там. А благочестивый обычай евреев, установленный их равви, указал в первый год брака не брать молодого мужа в военную службу, т. е. если даже есть война, и принимать прокормление молодых на счет родителей три года: т. е. избавлять их от труда, работы, заботы. Таким образом каждая родительская семья, как и учреждения государственные (в Старой Палестине), предусматривала и так устроила силы молодого мужа, дабы всякие сутки ему хотелось войти и он мог войти в лоно их дочери. Ибо, по обычаю, первый год супружества проводился еще в родительском гнезде молодой женщины (приближенность жертвоприношений, магическая и физическая, через ум, слух, изредка и случайно, через виденье, к лицам, этих жертв желающим, и на алкании которых трансцендентно все в браке и держится, основывается). Каждый поймет, что один этот закон мудрее и любящее, чем все христианские законы о браке, впрочем вытекшие из ненавидения молодого и невинного счастья. Ибо все законы евреев — от обрезания и в духе обрезания, все законы христиан — от скопчества и в духе оскотнения.

Умалять субботу не следует: но у евреев был и «субботный год»; вот молодые в возрасте 13—16 лет и проходили, при обеспечении от

родителей, такой в своем роде «субботный год» брака, беспечально размножаясь. Столько именно отлагается в этом возрасте «залогов» в организме, что каждый день для юных становится «субботою»; это как бы «субботний» возраст, «субботние» силы. Об обилии семени: нельзя ни на минуту забывать, что как рост не останавливается, так не останавливается никогда, ни на час, ни на минуту, отделение в организме семени, раз что он перестал вертикально расти или замедлился в росте: и в течение 6 дней (по идее «субботы»), в 3—2 дня (по Лютеру) или в 1 сутки (у молодых и без дела), или, наконец, в течение нескольких часов (в приведенных из медицины случаях) семя выделяется внутренне столько, что совокупление становится невольным, томительно желательным, и угнетало бы душу, если бы не совершилось. Тогда, конечно, оно должно быть совершено, хотя «утренняя жертва» тоже должна быть принесена, потому что все же нечто отнято у субботы. Наконец, именно в медицине рассказанные случаи, которые не укладываются в норму никакого верного супружества (а нет супружества — без верности), для избежания лукавства и лжи в народе, чтобы не привить народу привычки ко лжи — вызвали у евреев два великих института: чрезмерное напряжение половой силы у мужа находило себе разрешение в благословенном по закону многоженстве, а чрезмерное напряжение половой силы у женщин разрешилось в институте священных блудниц, живших при Храме, вероятно в тех комнатках 3-этажного здания, которое окружало Храм и которое по христианским комментариям (Олесницкий — «Ветхозаветный храм») служило «для хранения священных сосудов»... Можно представить себе такое множество металлических щипчиков (для углей), чаш и ковшей (для жертвенной крови), что они заняли собой столько же помещения, сколько все товары — все товары! — в Московском или Петербургском пассаже!!! Ибо здание в три этажа, свободно облежавшее Храм, было даже больше Пассажа! Но, надеемся, в Ветхом Завете не было столько камиллавок, эфодов, столько ложечек и чаш. О камиллавах упоминаю потому, что остроумные христианские комментаторы, не зная, чем наполнить эти комнатки, предполагают еще, что в них хранились «священнические одежды». Их язык обжигает сознаться, их перо бессильно переписать в христианскую книгу из Библии то сведение, что при Храме постоянно обитали, как у нас живут при церквях «просвири» (старушки), — юницы израильские, не пошедшие, как все прочие, в замужество по неспособности к нему, а обрекшие в супружество себя не лицу, а всему священному народу. Все было из обрезания, все в духе обрезания. С этими-то блудницами, по повелению Божию, зачинал детей один из пророков, как об этом он рассказывает в книге пророчества своего — беря в «свидетели» двух священников храма. «Свидетели» были — как у нас при браке. Подобное совокупление с блудницами, ритуально обставленное («свидетели-священники»), не было очевидно порицаемо в пророке, «человеке Божиим» по взгляду народа и по действительности, а следовательно, таковое же с блудницею совокупление не порицалось и не могло порицаться и в каком бы то ни было израильтянине; оно не «марало» ни блудницу, ни приходившего к ней, как не марает никого наш брак, что видно именно из краткого ритуала («священники-свидетели»).

Через эти великие, величайшие учреждения, давшие бархатное и вместе каменное русло чрезмерным половым напряжениям в обоих полах, — навсегда было обеспечено здоровье народное от подовых заболеваний, заливших христианский мир и неустрашимых при христианской форме брака. Вода течет в ручье, в реке и в водопаде; и все три прекрасны, если каждый стоит особо и они не смешиваются вместе. Но при христианском узком, скопческом браке, водопад стал падать в ручей и разбил ручей; некоторые мужья пошли к проституткам, многие жены стали проституировать, сохраняя положение и лживое лицо и имя. Границы всего перемешались. Старцы женятся, юношам запрещен брак. Водопад все залил... А отделенно, как избыток сил у некоторых, этот водопад (со стороны женской) поил всякого усталого израильтянина, приходившего по торговым делам в Иерусалим, всякого странника из чужой земли, воина без жены, купца вне семьи и, наконец, вот самого пророка, который при свидетельстве двух священников и по повелению Иеговы вошел к блуднице — не для сожителства, не для брака в нашем смысле, но чтобы иметь с нею одно сношение, у нас именуемое типично проституционным.

И у нас от таковых заболевают: ибо на него нудит себя раба, нищая, кляча, торговка. У Израиля же никто от этого не мог заболеть, так как из девушек, из разведенных и из вдов в «блудницы» беспорицаемо шла наиболее полнокровная, у которой вино не доползало до краев чаши (тип всякого человека, тип супруга, супруги), но чудесным образом играло и ежечасно выкидывалось вон. Таков на острове Исландии есть чудодейственный гейзер, на который ездят смотреть путешественники, и никто в этот гейзер не плюет. И израиль не «плевал» на эту силу: но назвал таковых «супругами израиля» и поместил их в Храм.

Conjux totius populi, sacra conjux populi sacri[36 — Супруга всего народа, священная супруга священного народа (лат.)] — вот и все.

Все было от обрезания, все — в духе обрезания.

Линия безразличия в поле

Т. е. линия абсолютного покоя, ± 0 напряжения.

Я ограничусь следующими фактами, сообщенными д-ром Августом Форелем в его книге «Половой вопрос», СПб., 1906 г., выпуск 1.

«Молодой человек, наделенный довольно сильным половым влечением, в то же время весьма положительный и серьезный, женился, не имев до того никогда сношений с женщинами, на девушке очень доброй, спокойной, интеллигентной и порядочной. Жена искренно и сердечно любит своего мужа, но совершенно равнодушна в половом отношении — хотя его ласки доставляют ей большое удовольствие. При половом акте она не испытывает никаких ощущений; он кажется ей лишь грязным придатком любви. Несмотря на это, жизнь их протекала вполне счастливо» (стр. 150, случай 3).

«Ласки доставляют удовольствие», т. е. впечатлительность наружной половой системы есть: и кто бы эти ласки ни совершал, мужчина или женщина, очевидно, удовольствие будет одинаковым. Этой важной стороны не отмечает Форель, — тогда как в ней ясен переход к расширенным возможностям. Но вполне отсутствует позыв к мужскому семени: и этот-то биологический изворот парализовал удовольствие полового акта, в котором это семя воспринимается. Женщина обладает органом совокупления — но не для совокупления: оно не нужно, потому что семя не нужно. Поразительно и достопримечательно, что это биологическое «не нужно мне» перешло или, лучше сказать, отразилось во вкусе: отвратительно для меня». На это нужно очень расширить глаза: мы везде будем встречать это «отвратительно» по отношению к половому акту в обоих линиях: в содомии, в аскетизме.

Поразительно, но вполне понятно и вполне ожидаемо, что с падением полового инстинкта падает, так сказать, «домоводственность». Половой акт — безразличен, муж — не нужен. Тогда зачем же дом, хозяйство, в обширном смысле — «гнездо»? Явно, что их и «не нужно». Умерла или как-то внутренне парализована, еще точнее — чем-то связана половая страсть в женщине: и как в жене в ней

разрушена хозяйка и домоводительница.

«Второй случай.

Нормальный мужчина, с нормальным половым чувством, женился по любви на девушке из хорошей семьи, но несколько нервной. Невеста разговорчива, оживлена и, по-видимому, очень влюблена. Наступает свадьба, а с нею и первый холодный душ для новобрачных. Молодая жена видит в половом акте грубое оскорбление своих чувств; супружеские сношения ей противны. Для мужа это большое разочарование, но он спокойно рассудителен и потому решает вооружиться терпением. Чтобы избежать огласки, обе стороны мирятся со своими разочарованиями и стараются кое-как приспособиться друг к другу. Жена соглашается на половые сношения, а муж примиряется с ее холодностью. Появляются дети. Жена оказывается неспособной ни к ведению хозяйства, ни воспитанию детей. Муж, будучи очень занят, вынужден заботиться и об этом, но ему все труднее скрывать свое недовольство таким положением вещей, хотя для постороннего глаза это еще и незаметно. Он много зарабатывает, так что хватает на все» (стр. 148).

Таким образом, субъекты с половым безразличием бывают не только брачны, но даже у них и рождаются дети! Это нужно помнить, слыша иногда голоса даже брачных людей об отвращении их к половому акту: такой голос всегда звучит со стороны лиц, которые уже вошли в линию передвижения к содомии. Они выступили из категории своего пола, но пока остановились на черте безразличия!

«Третий случай.

Мужчина совершенно нормального крепкого телосложения, высокообразованный, очень даровитый и этически развитый; по странной случайности (?! В. Р.) смолоду лишен всякого полового чувства. Только от поры до времени у него во время сна появляются поллюции, которые он замечает проснувшись. Эрекция тоже бывает во время сна, но без всяких эротических представлений, которых у него, так сказать (?! В. Р.), никогда не бывало. Несмотря на высокое образование и зрелый возраст, этот человек не имеет понятия о половых отношениях, и все, что он слышал или читал об этом предмете, превратно понималось им или проходило для него незамеченным. Когда мне пришлось говорить с ним об этом, получилось впечатление, как если бы человека, страдающего дальтонизмом (неспособностью различать цвета), учили отличать цвета. В супружестве он видел лишь интеллектуальный и сердечный союз^{[37 – Основная точка зрения исторической церкви на брак («ради духовных целей», «ради духовной гармонии душ», «ради совместного стремления к нравственному совершенству»)]. Этот взгляд так упорен и, традиционно, так давно установился, что духовные писатели, даже под напором полемики, не в силах выговорить, написать: «Брак ради страстно-любовного совокупления», что составляет очевидность для 999 из 1000 человек, ибо составляет наличный факт жизни этих 999 из 1000 человек. В. Р-в.], и воображал, что когда люди женятся, то дети появляются сами собой. Женился он на очень образованной девушке, не очень интеллигентной, но в высшей степени стыдливой и скромной. Отношения, конечно, получились странные. Жена вскоре заметила недостаток мужа, а так как ей очень хотелось иметь детей, то это сильно огорчало мужа и она жестоко упрекала мужа^{[38 – Поразительно, и соответствует тому, что мы выше говорили о вечной женственности: «стыдлива и скромна» до степени, что это отмечается в медицинском документе («что ему Гекуба?»)], и параллельно этому, точнее, в основе этого, — в ней лежит сильнейший инстинкт материнства, плодоношения, чревонаполнения, и, следовательно, предварительнее всего — совокупления! «Стыдлива и скромна, потому что похотлива»; «рвется, молча и застенчиво, к фаллу пропорционально целомудрию» — вот формула! В. Р-в.]. Тогда ему мало-помалу стало ясно, что брак, пожалуй, и не совсем то, что он себе представлял. Но никакие советы насчет полового акта, разумеется, не помогли, и никакими способами не удалось в нем возбудить ни малейшего полового чувства. Тем не менее к жене он всегда относился с большим вниманием и любовью; хотя при всем своем желании не мог проявить к ней половой, т. е. чувственной, любовной страсти. Не желая огласки, она предпочитала терпеть.}}

Другой мужчина, тоже образованный, хотя и односторонне, отличался необыкновенной застенчивостью^{[39 – Впервые появляется качество девушки! Как это интересно, — просто содрогнешься читать! Мировая тайна, колодезь мировых секретов. В. Р-в.] и вел уединенную жизнь. В половом отношении он был совершенно равнодушен, и только изредка у него происходили ночные поллюции. Хотя половые отношения не были совершенно чужды его пониманию, но у него отсутствовало всякое желание их; и брак, подобно предыдущему, он представлял лишь в виде чисто интеллектуальной связи. Женился он на интеллигентной, довольно страстной девушке. С самого начала он стал вести себя с женой необыкновенно сдержанно, что до глубины души возмущало и огорчало ее. Правда, что такое поведение вытекало, главным образом, из его застенчивости и чисто девичьей конфузливости. Жена явилась ко мне за советом. Родные советовали ей развестись, на что она не могла решиться, жалея мужа. Пришел и муж ко мне. Я основательно просветил его и в довершение прочел ему порядочную нотацию за его поведение в отношении жены^{[40 – Совершенный дурак, т. е. доктор.]... Спустя некоторое время я сказал жене его, что ей придется духовно взять на себя роль мужа и, ввиду его застенчивости, сделать первый шаг в половом отношении. К сожалению, мне не удалось дальше проследить этот случай» (стр. 151—153).}}

Д-р Форель не подчеркивает здесь появления «неодолимой застенчивости», «чисто девической стыдливости» — симптомов вовсе не кажущихся только, но совершенно реальных — девушки. Между тем этот факт проливает свет на весь ряд этих явлений, определяя его как переход мужчины в девичество, из «+0» пола в «—0» его. Он, следовательно, выражается:

- 1) в молчании полового аппетита — вечной сытостью собою и в себе;
- 2) в чувстве отвращения к половому акту;
- 3) в неспособности совершить его, полной или почти полной (степени, ряд оттенков);
- 4) в сохранении вторичных (дополнительных) качеств супруга: влечения к психологическому или интеллектуальному общению с женщиной, постоянному и тесному, — что и бывает причиной заключения брака, в этом случае не плотского, а духовного, спиритуалистического;
- 5) в появлении вторичных же, дополнительных качеств девушки, выраженных более или менее, и при необращении в эту сторону внимания наблюдателя — не отмечаемых вовсе (застенчивость, но встречаются и другие).

Касательно «сытости собою и в себе» я должен заметить, что брак, супружество и даже половой акт, конечно, происходит у этих субъектов, но протекает не в половых их органах, а во всей организации, в общей организации, преимущественно же в крови. Брак и даже

акт супружества есть проникновение друг в друга и друг в друга мужской природы и женской природы. В данном субъекте, как и в каждом человеке, обе эти природы есть: так как он произошел не от одной матери и не от одного отца, но от соединенных матери и отца, от клетки мужской и женской. До 11—13 лет обе эти стороны или, точнее, части бывают связаны одна другой, и от этого недействительны; но с первого же дня зачатия и во все время утробной жизни и потом вонутробной, до пробуждения полового инстинкта, — совершается половая вибрация, как бы нажим и разжим гармоник, одна половина которой — женская, а другая — мужская, внутри самого организма; откуда и происходит его жизненность, живость, сила, сияние (младенчество, детство). Но с 11—13 лет та половина, которая соответствует наружным половым органам, получает перевес, противоположная же подсыхает, иссыкает, малится (хотя никогда вовсе не исчезает, ибо тогда человек умер бы); и женщину, которую ранее отрок находил внутри себя, — он теперь ищет вне себя, находит ее и вступает с нею в брак; и является внешнее половое слияние. Так бывает обыкновенно в 995 из 1000. Но в немногих случаях, в пяти из тысячи, ни которая половина до конца жизни не перевешивает — и внешний брак невозможен. Человек остается, в сущности, до конца жизни отроком. Наконец, в 1 случае из 10 000 (приблизительно) получает перевес не сторона, отвечающая наружным половым органам (которые в таком случае являются напрасно и не нужны данными этому субъекту, ни к чему у него не пригодными, подлежащими собственно полному, напр., хирургическому удалению), а сторона другая: именно девушки, несмотря на мужские половые органы, и мужчины — несмотря на женскую детородную систему.

Рассказанные случаи все и относятся к моменту этого перехода, суть начало этого перехода. Они образуют муже/девство и дево/мужество, полугомосексуальность или полусодомию, иначе могущую быть названной, за отсутствием физического общения, духовной содомией или духовной гомосексуальностью. Хотя, должен признаться, оба эти термина мне противны и неточны, и употребляю я их единственно для того, чтобы обозначить явления, о которых говорю. Это есть то удивлявшее еще в древности состояние людей, когда они не отяжелены общим бременем всех людей, общей заботой всех людей, всемирной рода человеческого нуждой — найти себе самку, «соответственную себе» (Бытие, II), самца, «соответственного себе», — «супругу», «супруга». Это — от века не «обрученные» люди, которые или не будут «супружиться», или, и поспружась, — будут вести жизнь, как девственные. Это «те, которые не осквернились с женами, понеже девственники суть», и число их исчислено в небольшую для судеб всего человечества цифру 144 000; «скопцы от чрева матери», предназначенные для «царства небесного», где «не посягают и не женятся» и «не будут иметь детей». Отвратительными медицинскими терминами и фантастическими, совершенно глупыми представлениями и сплетнями общества истина этого явления глубоко погребена под сором; и в то время как общество, ничего не знающее о таком субъекте лично, любит его как каким-то спокойным «ангелом», не знающим самых томительных человеческих забот и вместе с тем самых унижительных, ибо «отыскание» самки (или самца) себе всегда сопряжено с само-порабощением, с заискиванием, «ухаживанием», — то же самое общество, не зная глубины явления и не догадываясь, что к категории этой принадлежат всеобщие любимые и почитаемые лица, — рисует вообще и шаблонно, механически и машинно всю эту категорию людей «извращенными», «развратными», «больными», «уродами», чему, главным образом, способствовала ремесленная медицина и ремесленная юрисдикция. Врач с клистирной трубкой и пластырем и судья, всегда судивший кражи, убийства и подлоги, встречается с явлением, для которого недостаточно всех умственных сил Пастера, Шарко и друг., стали — один брызгать на него из клистирной трубки, а другой приговорил его в тюрьму; оба — «по профессии своей», по привычке своей, по традиции своей; проще же — оттого, что они никогда ничего другого и не умели делать ни с чем. Все это рассказано еще в басне о петухе, который,

Навозну кучу разрывая,

нашел зерно особой породы, вида и, спросив у него свойств ячменного зерна и не найдя их — разразился известным глубокомысленным рассуждением-бранью.

Самоотрицание пола; духовная содомия и аскетизм

Между тем это редкое явление, но совершенно естественное в текущем поле, явление \pm полового вожделения, оно-то и лежит малым горчичным зерном, из которого выросло дерево, затенившее ветвями своими целую землю и от плодов которого духовно питаются все народы.

Спешат ли в далекие страны вновь открытой Америки или древнего Китая посланцы папы, прозелиты веры, возможные мученики: знайте, это — девственники. Они никогда не женятся.

Спешит ли в духовную академию загасить лишнюю светскость, лишние земные интересы, излишнее увлечение наукой, а не святостью — строгий судья; и не спрашивая можно знать, что это есть лицо, никогда не осквернившее себя прикосновением к женщине!

Кто слагал дивные обращения к Богу? — Они!

Кто выработал с дивным вкусом все ритуалы? — Они!

Кто выткал всю необозримую ткань нашей религиозности? — Они, они!

«Особые силы духовные!..»

«Особая, небесная помощь!»

\pm пола и есть та свеча, о свете которой сказано, что «тьма никогда его не обнимет». Тьма чего? «Греха», «похоти», «вожделения к женщине», «скверны».

Это имя «скверна», как только оно где-нибудь прозвучало, до Р. Х. или после Р. Х., в Элладе или в Германии, в книге светской или в книге духовной, оно выразило обоняние муже/девы, осязание муже/девы, вкус его/ее, представление его/ее, воображение его/ее. Только это одно ощущение и кладет водораздел между + пола и \pm пола, размножением и содомией. Ничто еще! Или все другое — побочно, второстепенно, не непременно. «Вкусно!» — «Не вкусно!» И — больше ничего. Это — главное, почти — все!

«Все» это — «вкусно» и «не вкусно» — пронцает человека до глубины костей, до последней кишки, до самой малой артерии; объемлет

мозг его, зрение его, слух его, обоняние его. У духовного содомита это все уже другое, нежели у размножающегося, у многодетного самца.

Глаз у содомита — другой!

Рукопожатие — другое!

Улыбка — совсем иная. Обращение, манеры, все, все — новое!

Если хотите — он третий человек около Адама и Евы; в сущности — это тот «Адам», из которого еще не вышла Ева; первый полный Адам. Он древнее того «первого человека, который начал размножаться». Он смотрит на мир более древним глазом; несет в натуре своей более древние залоги, помнит более древние сказки мира и более древние песни земли. В космологическом и религиозном порядке он предшествует размножению; размножение пришло потом, пришло позднее, и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он — девонская формация; размножение — теперешняя.

От этих «более древних сказок» и «более древних песен», какие он несет в своей натуре, помнит и не помнит их, забыл и не совсем забыл, — все существо его какое-то терпкое, сопротивляющееся, устойчивое, необоримое. «И мгла (размножения) его не поглотит». Как ни мало их на земле во всякое время — так мало, что даже к «светопреставлению» наберется всего 144 000, — творчество их, начиная с двух мудрецов Греции, Сократа и Платона, необозримо по величине и не только устойчиво, но и совершенно вечно. «Девонская формация в человечестве заговорила». Почти всегда они консерваторы («девонская формация»), не любят нового, точнее — новенького, «современного». Все тянут назад, в глубь веков. Это говорит в них древняя песня, зовет к себе древняя песня, — их «рай» метафизический, «рай» в костях их, в крови их, во вкусовом их ощущении. Будет ли он композитором — музыка его будет особенная; будет ли он живописцем — картина его будет особенная; что философия их была особенная — об этом говорят Сократ и Платон, неудачный муж Ксантипы и вечный девственник, инок-старец античного мира. До него были дьячки и диаконы философии: но вот из садов Академии, точно с трикириями и в полном облачении, исшел великий архиерей метафизики. И все умолкло, преклонилось и восхитилось.

Муже-девы и их учение

Как человек с + 1 + 2 + 3 и т. д. полового притяжения чувствует в половом акте 1) здоровое, 2) нравственное, 3) полезное, 4) благородное, 5) прекрасное, — и отцы и матери чистейших девушек, в случае выхода их замуж за неспособного, гневно требуют расторжения такого брака, как гнилого и мерзкого, чтобы отдать вторично дочь свою за способного мужчину, который мог бы ее растлить и забеременеть, — а когда у дочери родится первый младенец, то, как я два раза наблюдал, деды трогательно носят при себе фотографию[41 — Об Д. И. Менделееве мне было передано, очень трогательно, что когда одна из дочерей его, выйдя замуж, первые годы не беременела, то отец выражал крайнее смущение, нервность и беспокойство, исчезнувшее с беременностью ее. В «Семейной хронике» С. Т. Аксакова это же рассказывает об отце женившегося молодого человека. Одна замужняя и бездетная дама, супруга высокоинтеллигентного доктора и сама высокоинтеллигентная женщина, передала мне, что на год 5-ый замужества отец прошептал ей как-то: «Что же, Н (ласкательное имя), ты не родишь нам с матерью внука». Вообще потомства все ждют не спокойно, а жадно; и как мы — «по образу и подобию Божию», то также ожидает, именно нетерпеливо ожидает Бог от всякого юноши и от всякой девушки детенышей. Этому-то Божескому ожиданию и отвечает волна страсти в нас. Все богословские книги не могут опровергнуть этой строки. А в ней — гроб монашества. В. Р.-в.] этого младенца (в одном случае младенец был снят голеньким), — так, духовные содомиты «и вообразить себе не могут» этот акт иначе, как позорным, глупым, скверным, грязным, обобщенно и отдаленно — греховным, противным Богу, безнравственным. То ожесточенное «я девица», которым отвечают полные, физические содомиты, когда медик и судья называют их мужским именем, данным при крещении, это самое ожесточенье и полная уверенность, будто с ними солидарен и весь свет, будто все люди «так же чувствуют», выражается у полусодомитов в ощущении гнусности полового акта. И это понятно. Вся та степень гнущения, какую нормальный человек (с «+ 1» пола) испытывает к воображаемому или действительному, к видимому или читаемому так называемому извращенному половому сближению мужчины и женщины или женщины и женщины, весь этот же ужас и мистический страх чувствует человек с «±» полового притяжения к естественному, т. е. вообще к бывающему совокуплению, к браку: «Нельзя поверить, чтобы кто-нибудь это делал без ощущения греха!» Никто не может перескочить через свою кровь: и что для нас — содомический акт, то для них — нормальный. Содомия есть «извращение» для нас, но и обратно — «наше» есть «извращение» для содомита. В бесчисленных сочинениях, светских и философских, но главным образом — в духовных, они убеждают, уверяют, клянутся, что это «гнусно», хотя все другие говорят, что это — «хорошо»; уверяют, что «никто этого не чувствует как хорошее», что «все этого стыдятся», когда никто этого не стыдится (открытое семейное положение, «откровенное» выдавание дочерей в замужество, «откровенная» женитьба родителями сыновей); твердят, будто «Бог запретил это», «не хочет этого», «плодитесь, множитесь» стоит на первой странице Библии. «Чувствуем, как девы», — говорят длинноволосые, с девичьими волосами субъекты; и, по крайней мере в духовной литературе, нет ни одного голоса, который разрушил бы это согласие, это единогласие, — почему можно заключить, что вся духовная литература течет от этого источника, ему одному обязана своим происхождением; и, словом, что «суть духовного» есть в то же время «суть содомского». Не говорю, что все духовные писатели искренни в этом утверждении, так как они множатся вообще как и мы, и вообще сословие не может принадлежать к этой редкой категории, но кто внутренне и не согласен с этим содомским вкусом — вынужден уже законом и традицией повторять то же; «приличие требует» не изменять духовному содому и хотя бы слово сказать в пользу библейского, естественного, всеобщего совокупления и ощущения этого совокупления. «И нам не нравится», — говорят десятидетный протоиерей и восьмидетный диакон; «И мы стыдимся — чувствуем противоестественность и греховность», — говорит приискивающий спешно и жадно для своей дочери мужа соборный настоятель.

Замечательно, что у двух наших писателей, которые «с ума бы сошли», если бы кто-нибудь их заподозрил в содомии (духовной), тем не менее встречаются слова, выражения, описания, бесспорно говорящие о присутствии у них обоих этого начала, этой стихии, по крайней мере в качестве прослойки души, веяния, горчичного зерна...

Вот любопытные отрывки:

«Нехлюдов, хотя и скрывал это от себя, хотя и боролся с этим чувством, ненавидел своего зятя. Антипатичен он ему был своей вульгарностью чувств, самоуверенной ограниченностью, и, главное, антипатичен был ему за сестру, которая могла так страстно,

эгоистично-чувственно любить эту бедную натуру, в угоду мужу могла заглушить все то хорошее, что было в ней»... Доселе — мораль; хотя где же набраться все «даровитых» зятьев?.. Можно любить и «кой-каких»: ведь любил же и оттенил все качества сам Толстой у Ник. Ростова («Война и мир»). Но вот слушайте дальше: выступает физиология, и Толстой произносит слова типичного уринга, каких не пришло бы на ум написать, не «написалось бы» по натуре ни у какого автора — только самца: «Нехлюдову всегда было мучительно больно думать, что Наташа — жена этого волосатого с глянцевиной лысиной самоуверенного человека. Он даже не мог удерживать отвращения к его детям. И всякий раз, когда узнавал, что она готовится быть матерью, испытывал чувство, подобное соболезнованию, о том, что опять она чем-то дурным заразилась от этого чуждого им всем человека» («Воскресенье» Л. Н. Толстого, гл. XXIX).

Эти слова о беременности, как «заразе чем-то», до того новы и необычайны во всемирной литературе, во всемирной мысли, и вместе они до того яркие, страстные, что и без моего подсказывания всякий читатель почувствует, что тут в фундаменте лежит какое-то мировое извращение, «поворот земной оси на другой градус»...

Там же, в «Воскресении», в части 3-й гл. III, описана содомитянка, без всякого подозрения автора о том, что он именно рисует, но портрет так полон, что просится к Крафт-Эбингу. Вернее, Эбинг никогда не написал бы своей глупой книжонки, узнай он это описание Толстого и догадайся в неповоротливом уме своем, что дело тут идет о его (мнимых) «пациентах»:

«Она (Катюша Маслова) восхищалась всеми своими новыми сотоварищами (политически-ссылными). Но больше всех она восхищалась Марьей Павловной: и не только восхищалась ею, но полюбила ее особенной почтительной и восторженной любовью. Ее поражало то, что эта красивая девушка из богатого генеральского дома, говорившая на трех языках, держала себя как простая работница[42 – Параллель этому — легкое, без страдания, без физической муки от трения, оставление древними христианками-девами родительских домов и всей обстановки богатства и удобства. Полусодомитки, т. е. полумужчины, — внутренне жестки; и потому жесткое снаружи их не «дерет» по коже, по вкусам и по душе. В. Р-в.], отдавала другим все, что присылал ей ее богатый брат, и одевалась и обувалась не только просто, но и бедно, не обращая никакого внимания на свою наружность[43 – Какая аналогия с инокинями, с монастырем! Явно, — одно вдохновение там и здесь! Но следите же, из какого, однако, родника физиологии бьет это вдохновение, и вся сумма этих вкусов, как антипатий и симпатий: в корне *Venus utriusque sexus* (см. выше), отвращающаяся от мужской похоти!.. В. Р-в.]. Эта черта: совершенное отсутствие кокетства, особенно удивляла и потому прельщала Маслову. Маслова видела, что Марья Павловна знала, и даже что ей приятно было знать, что она красива, но что она не только не радовалась тому впечатлению, которое производила на мужчин, но боялась этого и испытывала прямое отвращение и страх к влюблению[44 – Поразительно. Толстой чуть-чуть не договорил «всего дела»: «своя красота радует, но мужское влюбление пугает». Да ведь это весь очерк — Артемиды (богини луны) греческой, охотницы, блуждающей по лесам. Но «радующая красота» явно радует в отношении кого-то, п. ч. иначе это была бы какая-то онанистическая эстетика. Кого же? Да девушек, женщин! Марья Павловна не дошла немного «до точки», как не дошла и Артемиды. Еще шаг — и получилась бы поэтесса Сафо с о-ва Лесбоса. Артемиды — недоконченный или, вернее, переходный тип греческой мифологии. В. Р-в.]. Товарищи ее, мужчины, знавшие это, если и чувствовали влечение к ней, то уж не позволяли себе показывать этого, и обращались с ней как с товарищем-мужчиной. Но незнакомые люди часто приставали к ней, и от них, как она рассказывала, спасала ее большая физическая сила, которой она особенно гордилась[45 – Полная аналогия «пациенткам» Крафт-Эбинга! Если бы Толстой знал об этом совпадении! Если бы об этом совпадении знал Крафт-Эбинг! В. Р-в.]. «Один раз, — как она смеясь рассказывала, — ко мне пристал на улице какой-то господин, и ни за что не хотел отстать: так я так его потрясла, что он испугался и убежал от меня».

Она рассказывала, что с детства чувствовала отвращение к господской жизни, а любила жизнь простых людей, и ее всегда бранили за то, что она — в девичьей, в кухне, в конюшне, а не — в гостиной.

«— А мне с кухарками и кучерами бывало весело, а с нашими дамами и господами скучно, — рассказывала она. — Потом, когда я стала понимать, я увидела, что наша жизнь совсем дурная. Матери у меня не было, отца я не любила; девятнадцати лет я с товаркой ушла из дому и поступила работницей на фабрику[46 – Поразительные подробности... О, сколько аналогий с первыми инокинями... «Не любила отца»... Имеющие сами не рождать, «бессеменные» сами, — ничего не чувствуют к вертикальным степеням родства: детей — не будет, а родителей как бы нет. «Чужие» по направлению вниз и вверх, но зато удвоенно родные в связанности с однолетками, с друзьями (юноши), с подругами (девушки)... Лесбиянство — в духовной степени — этой Мар. Пав. выражается в том, что она уходит на фабрику не с «героем-юношей», не с «женихом» (обычная форма, обычный мотив, обычная тяга), а с подругой... Но уже поистине ее «подруга» есть ее тайный «жених»... Два шага бы вперед, в организации и жизни; и эта Мария Павловна, как древняя жрица Крита или Египта, пошла бы с этою «подругой» не на фабрику, а в храм Парсефены или Плутона («подземные» боги, боги «Аида»), с цветами, жертвами и мольбою: «Побрачьте нас, двух девушек... Ибо мужчин мы обе ненавидим» (*Dea Lunus*). Еще заметка: так вот где родник безумной роскоши, утопания в роскоши «напудренных маркиз» или разных «Клеопатр» всех веков, обычно окруженных любовниками (самцами). Близость к Лесбосу, «мужское в женском», «влияние Луны» отражается суровостью, «ненужностью вещей», «ненужностью имущества и обстановки» (всего, что «рождает Солнышко»)... Обратно: повышенная самочность и приближение к «вечной женственности», утончая нервы, увеличивая пахучесть, увеличивая «нектар» души и физики, порождает тоскливое желание весь мир обратить в «кружева и паутину», или обвить весь мир чем-то «кружевным», роскошью, негою... «Дворец не дворец» и «обстановка не обстановка»... Это — другой полюс монастыря: увы, столь естественный полюс! До чего разгадывается цивилизация! Как невозможно цивилизацию постигнуть без обращения внимания на вечную борьбу «полнобедренной» Афродиты и («Песни Песней») с худощавою Ашерою, которой в «жертву» сжигали детей... которой «ничего не надо», кроме кельи и ломтя хлеба, кроме «селетки» наших социал-демократов (см. у Степняка в «Подпольной России»: вечно едят, на «конспиративных пирушках», свою «селетку», не догадываясь, до чего это показывает их связь и с Ганимедом-Лесбосом, и с Ашерою-инокиней). В. Р-в.].

После фабрики она жила в деревне, потом приехала в город, была арестована и приговорена к каторге. Мария Павловна не рассказывала никогда этого сама, но Катюша узнала от других, что взяла на себя чужую вину[47 – Великодушие, сострадание, чисто «христианские чувства» и «христианские отношения»... Между тем по исповеданию она атеистка и, вообще, вне — всяких религий. Мы отсюда можем судить, откуда в религиях-то взялись все эти их типичные черты, будто бы «Богом заповеданные» и человеком только «принятые к исполнению». Нет, все от матушки-натуры: но только в «натуру»-то эту надо взглядеться и рассмотреть все ее разнообразные слои, «почвы», «подпочвы», «суглинок», «песок» и «среднее»... В. Р-в.].

С тех пор, как Катюша узнала ее, она видела, что, где бы она ни была, при каких бы ни было условиях, Мария Павловна никогда не думала

о себе, а всегда была озабочена только тем, как бы услужить, помочь кому-нибудь в большом или малом. Один из теперешних товарищей ее, Новодворов, шутя говорил про нее, что она предается спорту благотворения. И это была правда. Весь интерес ее жизни состоял, как для охотника найти дичь, в том, чтобы найти случай служения другим. И этот спорт сделался привычкой, сделался делом ее жизни. И делала она это так естественно, что все, знавшие ее, уже не ценили, а требовали этого[48 — Поразительно: полный очерк древней христианки! Но родник в том, что метафизически перерезаны вертикальные связи (с детьми и родителями) и метафизически же отросли такие толстые «ручищи» (вместо genital'ий) для «связывания» с «ближними», с «соседями», с «однолетками», что связь эта необорима, неубиваема, неустанна, не тягостна, и прямо «в пищу», «в насыщение» полусодомиток... Она вовсе не устает на помощи «ближнему», «в услужении» ближнему, духовным «братьям» и «сестрам», — и точно так же и по той же причине не устает, как sainte prostituée Египта не уставала, совокупляясь... Разные «призвания», и радость, восторг в исполнении мирового «служения»... Но из этого ясно, до чего «дево-мужи» и «муже-девы» необходимы в цивилизации, какую колоссальную роль в жизни играют эти «никогда не выходящие замуж», какая толща работы принесена ими на алтарь человечества. Между тем что такое «содом» по оценке юриспруденции, полиции? по оценке религии? наконец, «бесстрастной науки»? Предмет «серного огня», кутузки и дома умалишенных!!! И только оттого, что незамечены были переходные формы к содомии, да и она сама была постигнута не в психологии своей, не в таланте и чести, но под углом единственно и одного actus'a sodomicus'a, которого в 9/10 случаев и не бывает вовсе, а при «духовных содружествах», хотя они сопровождаются уже телесною любовью, иногда — телесным влюблением (тут — мириады степеней), этот actus отсутствует в 10/10 случаев... Все было проклято из-за действительно гнусного coitus'a per anum: которого или нет, или он есть только одна жилка, который-то «нерв», но главный и даже не значащий, в необозримом организме содомии, как необыкновенной близости, как «проникания лучами друг друга», как «щупанье небесными щупальцами» душ друг друга, как любовь и, наконец, (лунная) влюбленность особой с теми же genital'иями, одинаковыми у обоих влюбленных. Стоило бы медицине и юриспруденции плюнуть на эти «genital'ии», как «плевали» на свои genitalia «пациенты», подавляли их, хотели бы отрезать, они им были «не нужны», «не интересны», «мертвы», и никогда «не возбуждались»: и тотчас бы они поняли это явление, и сами обольщенно залюбовались бы роскошью плодов, приносимых им на стол всемирной цивилизации! Добавлю то, что все время, на всем пространстве этой книги, хотел сказать: что уже самая обыкновенная дружба, — между «Иваном Ивановичем» и «Петр Ивановичем», между «Ольгой Семеновной» и «Варварой Петровной», — простое их «симпатизирование» друг другу, но отличающееся от безразличия или равнодушного отношения к прочим окружающим, есть содомия в дробь 1/100, 1/1000. Но все-таки именно «бескорыстное», не «утилитарное» отношение близости на почве любви, на почве «почему-то нравится», и «нравится особенно и больше всех» — есть содомия, т. е. дробь содомии. Как только мы это признаем или об этом догадались, так поймем, что в сущности вся жизнь залита содомиею, проникнута ею, как сахар, опущенный в стакан чаю, тающий и еще не растаявший... И что как сахар придает вкус чаю, так essentia sodomica сообщает сладость, приятность, легкость, облегченность, связанность и «социальность» всей жизни... В. Р-в.]

Когда Маслова поступила к ним, Марья Павловна почувствовала к ней отвращение, гадливость; Катюша заметила это. Но потом также заметила, что Марья Павловна, сделав усилие над собой, стала с нею особенно добра и ласкова. И доброта, и ласка такого необыкновенного существа так тронули Маслову, что она всей душой отдалась ей, бессознательно усваивая ее взгляды и невольно во всем подражая ей. Эта преданная любовь Катюши тронула Марью Павловну, и она также полюбила Катюшу.

Женщин этих сблизало еще и то отвращение, которое обе они испытывали к физической любви. Одна ненавидела эту любовь потому, что извела весь ужас ее; другая — потому, что, не испытав ее, смотрела на нее, как на что-то непонятное и вместе с тем отвратительное и оскорбительное для человеческого достоинства»[49 — Ну, вот — и больше ничего не надо! Полное определение содомии по Крафт-Эбингу и друг. «Им это (половое сношение) непонятно и отвратительно» и кажется чем-то «оскорбительным для человеческого достоинства». Ретроспективно бросая взгляд на споры, изложенные в моей книге «В мире неясного и нерешенного», только теперь понимаешь их источник и пафос, и что спорившие о девстве и браке «никак не могли согласиться»: да спорили-то полусодомиты — сами этого о себе не знавшие — и обыкновенные люди. В. Р-в.]

Влад. Соловьев, в сумбурном, спутанном предисловии к своим стихам, высказывает несколько суждений, не связанных и несвязуемых между собою, но в которых слышится этот же крик «священного галла»:

«Стихотворения «Das Ewig-weibliche» и «Три свидания» могут подать повод к обвинению меня в пагубном лжеучении, не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? В ответ на это я должен сказать следующее: 1) перенесение плотских животнo-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая мерзость и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гоморра, «глубины сатанинские» последних времен); 2) поклонение женской природе самой по себе, т. е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру, — есть величайшее безумие (оба курсива С-ва) и главная причина господствующего ныне размягчения и расслабления; 3) ничего общего с этой глупостью и с той мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности («Вечного Девства»? «Вечной Девы»), — мерцавшей древним в их Луне-Астарте? В. Р.), как действительно от века восприявшей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них — нетленное сияние красоты».

Заметим, что «внесение женского начала в природу Божества», страстно отвергаемое, вызывает как продолжение свое столько же страстное отвержение в Божестве и мужского начала. Но тогда, во-первых, что же нам делать с выражением Слова Божия: «по образу Нашему сотворим его» (человека), «мужчину и женщину сотворили их» (Адама и Еву)?.. и, 2) не останется ли тогда Божество совсем без сущности, без содержания, отвлеченным именем и понятием? — применительно к которому нельзя не вспомнить спора средневековых номиналистов и реалистов, что «понятия бывают всякие» и все они «суть плод ума человеческого»... Бог не станет ли тогда уже слишком безвиден?.. Во всяком случае, на иконах Православия «Ветхий деньми» изображается в виде Старца, т. е. в определенно мужском образе... И это никого не оскорбляет, ни у кого не вызывает недоумения или спора. Будем продолжать цитату из Соловьева.

«Но чем совершеннее и ближе откровение настоящей красоты, одевающей Божество и Его силой ведущей нас к избавлению от страдания и смерти (N. В. — конечно, ценой избавления и от «зачатий и рождений», ибо что рождается — умирает, а что умирает — то раньше родилось. В. Р.), тем тоньше черта, отделяющая ее от лживого ее подобия — от той обманчивой и бессильной красоты, которая только увековечивает царство страданий и смерти (т. е. от обыкновенной красоты женщин, которая, соблазняя мужчин, оплодотворяется ими, вечно продолжает рождения и с ними заготавливает жатву смерти. В. Р.)... Из вечной красоты некогда выйдет спасение мира... выйдет, когда ее обманчивые подобия (обычная женская прелесть) исчезнут, как та морская пена, что родила простонародную Афродиту (по Платону — «простонародная Афродита» рождает детей, а Небесная Афродита, Афродита-Уrania — бесплодна, но зато

рождает образы, фантазии, философии, молитвы; т. е. это есть Aphrodita Sodomica в том особом сиянии сияний, как я здесь объяснял). Этой (курс. С-ва) мои стихи не служат ни единым словом»...

Рождению — ничего, ноль! Никакого зернышка вдохновения! Это и есть крик Содомы. «О, если бы я могла разбить детей твоих о камень», — говорит Афродита-Урания земной Афродите, — и в этом вся ее суть.

Мне только что принесли с почты брошюру «Брак и нравственная личность» некоего О. Фози, печатающегося в «Мирном труде», нравственно-просветительном журнале, издающемся в Харькове. На обложке написано насмешливое: «В. В. Розанову — как специалисту брачных вопросов, от автора». Я действительно «как специалист» в этом деле, отогнув где нужно, моментально учуял рассуждение типичной *mademoiselle* в скюртуке, мыслящей о половом акте точь-в-точь так, как судят с пафосом в бесчисленных излияниях субъекты, исповедовавшиеся Крафт-Эбингу, Форелю и другим. И так как на обложках своих трудов авторы не пишут своих фамилий, — как следовало бы — с женским окончанием а, а удерживают мужское ь, не пишут М. Иванова (Маша Иванова), а пишут М. Ивановъ (Михаил Иванов), то публика, ни о чем не догадываясь, все слушает и все внушается их рассуждениями, как чем-то общечеловеческим, обще-философским, обще-религиозным!

Автор с редкой для *mademoiselles* твердостью говорит, что сущность брака состоит, конечно, в половом общении, в совокуплении, а не в придатках к нему. «Нужно взять брак так, как он есть и каковым по самым естественным условиям своего существования всегда должен быть; и притом взять его не в отношении различных земных благ, которых через него можно достигнуть, а взять брак в его непосредственном фактическом отношении к человеку как непреходящей личности, и к осуществлению этой личностью своего понятия о цели жизни». И далее (тут речь автора показывает сама себя, и в своей духовной разумности, и в ясном органическом извращении, которое лежит под ней и направляет ее):

«Нужно взять неизменяемую часть брака, которая заключается, во-первых, в акте чувственного единения супругов и, во-вторых, в поддержании рода как естественном значении брака, как его внутренней целесообразности. И нужно взять человека как носителя идеального нравственного начала в самой своей природе и непосредственное отношение человека к раскрытию себя в мире по этому началу — как нравственной личности. Взяв так все дело, только и можно будет получить догматическое решение вопроса. Ибо здесь брак с самого первого же момента должен фактически оказаться или в совершенно отрицательном положении, или, наоборот, он будет всем своим содержанием только утверждать истинные начала жизни. В первом случае он уже имел бы право на безусловное существование; во втором случае, т. е. если задача каждой человеческой личности заключается в том, чтобы раскрыть в мировом бытии себя как нравственную личность — явить в себе образ Бога, — тогда естественный брак как в самой половой функции, так и в необходимых следствиях ее — есть дело, фактически несоответствующее истине[50 – Природа превозмогает! Автор, конечно, знает, что на той же странице Библии, где сказано радостный глагол о человеке, что он есть «подобие и образ Божий», сказано ему и заповедь: «Плодись, множись, наполни землю». Но *mademoiselle* кричит на него: «Не вижу, не читаю, не знаю!», «образ Божий и нравственный закон» несовместим с «плодитесь, множитесь», ибо я — нравствен, и не могу, отвращаюсь размножаться». В. Р-в.]. Здесь через родовый акт общения идеально нравственное начало природы человека всецело поглощается бессмысленным чувственным материальным процессом организма[51 – Да вовсе не «бессмысленным», а прекрасным и духовным, этическим и метафизическим. Не пора ли сказать философствующим *mademoiselles*, что половая деятельность, которая никем (кроме совершающих) не зрима, никем не осязаема, о которой не говорят, не пишут (сознают дурное и грех в писании), явно и есть умопостигаемая область, чисто духовная область, носящаяся, как пар и свет, только в мысли, воображении и желаниях; что это есть, таким образом, самый спиритуалистический мир. В. Р-в.] и человек из своей разумной всегдашней жизнедеятельности сводится на степень простого животного существования[52 – Вот дурак: да чем животные плохи?! Египтяне их почитали за святых, и мы тоже считаем их безгрешнее людей. Между тем у животных самец и самка не могут даже встретиться, чтобы сейчас же самец не начал особенным образом ласкать и нежить самку, т. е. они находятся в постоянном, непрерывном половом возбуждении. И — невинны. Урок мудрецам и мудречихам. В. Р-в.]

Все это необходимо должно быть именно так, если только не принимать брак в понятии христианского таинства, где он является орудием борьбы человека с его нравственным несовершенством, — школой воздержания[53 – Скажите, пожалуйста! Писал бы уж прямо: «мы настоящие христиане — *mademoiselles*, и мужчин-язычников нам вовсе не надо». В. Р-в.] и полного освобождения супругов из-под власти материальных начал, — хотя[54 – Хорошо это «хотя»... Логика говорит: «Нет брака без совокупления», а натура кричит: «Не хочу совокупления, не могу». В. Р-в.], конечно, и христианское таинство не уничтожает собственного постоянного качества брака и его фактического значения для нравственного начала, ибо никто не может изменить природу вещи. А потому, если где-либо в мире существует зло не как простой естественный недостаток добра, т. е. несовершенство, а как активная злая сила, как прямое отрицание нравственного добра, а вместе с ним и вечного смысла бытия и Бога, то брак есть сосредоточие, центральный пункт для этого зла[55 – Ну, вот это хорошо, потому что прямо. Попики так решительно не говорят, все виляют. И «таинство», и «скверна». Г-н Фози не виляет, и говорит, что брак есть борьба с Богом, т. е. конечно с христианским Богом, с И. Христом; и что уж если в нем есть «таинство», то — сатанинское. Но ведь отсюда уже прямой вывод у автора и авторов такой мысли, что Ветхий Завет, благословляющий чадородие, есть завет человека с Сатаной, а Библия — сатанинская книга: с чем согласно тех христиан, которые позволяли себе обрезать себя, приобщались как к братьям своим к состоящим в Ветхом Завете евреям — сжигали на костре, как служителей Сатаны и детей дьявола. У нас, в России, был один случай такого сожжения, в Византии — множество таких случаев, целая эпоха. В. Р-в.]. Здесь дьявол борется с Богом, добро и зло враждуют за свое значение в мире человека. Кто победит?

В суждениях по вопросу о браке нередко указывают в качестве действительного его основания на те поставленные задачи и часто весьма высокие намерения, которые будущие супруги желают видеть и думают осуществить в своей совместной супружеской жизни. Но тот наличный факт, что брак существует и всегда может существовать помимо каких бы то ни было посторонних целей, с ясной очевидностью показывает, что они не только не служат для брака его естественным основанием, но даже можно сказать, что с чисто внешней стороны дела они вовсе и не обязательны для него. Никакие благородные начинания человека сами по себе никогда не были бы в состоянии создать никакого брака в точном смысле этого слова, если бы не было дано в действительности фактической возможности брака (мой курс.). Но независимо от всех подобных мотивов и вообще различных целей, которые могут преследовать вступающие в брак, последний сам по себе всегда должен иметь какое-либо основание по отношению к самой возможности его существования как такового. И брак, действительно, имеет это свое основание, и именно в заложенном в физическую природу организма инстинкте рода, без которого как не могло бы никогда возникнуть никакого брака, так и заключенный помимо его брак потерял бы для

человека всякое значение, ибо оказался бы не имеющим никакого смысла содружества двух, а не трех, четырех, десяти и т. д. лиц. Пусть чисто физическая сторона брака будет играть совсем незначительную роль в супружеской жизни, а при заключении брака пусть ей отводится самое последнее место, или даже пусть она умышленно совсем игнорируется — все это, однако, ничуть не изменяет и не может изменить того положения, что основу всякого брака в действительности составляет все-таки родовой акт, а не что-либо другое, ибо только чрез него получает свою реальность инстинкт рода[56 — Как все точно и верно. Это — самое строгое рассуждение о браке, какое я читаю за много лет. В. Р-в.]. «Брак на всех ступенях органической лестницы, начиная водорослью и кончая человеком, представляет одно и то же явление, это слияние двух существований, в ближайшем смысле двух клеточек, в одну»[57 — «Жизнь растений». К. Тимирязев. Примеч. г-на Фози.]. И если как в истории, так и в настоящее время встречаются иногда неумные попытки создать для человека брак на других фантастических началах, а именно на началах простого содружества мужчины и женщины, то такие попытки всегда признавались и признаются аномалиями: ибо единственная, самой природой осуществляемая цель всякого брака, есть поддержание жизни своего рода, каковая цель здесь положительно отрицается. Только дети дают исключительно возможный разумный смысл брака для естественного человека. А так как этот разумный смысл брака не может быть осуществлен никаким иным путем, кроме супружеского сожителства, то поэтому-то все попытки создать брак на иных началах и нужно признать аномалиями[58 — Классическое, по точности, рассуждение. Его надо прямо переписывать в трактаты о браке, отстранив виляющие семинаристские тетради. В. Р-в.].

Что касается брака как определенной внешней нормы жизни, которую иногда по недоразумению[59 — Вот! В. Р-в.] также указывают в качестве истинной его сущности, то, хотя она и связана непосредственно с родовым актом, однако, находится в постоянной зависимости совсем от других побочных причин: социальных, моральных, от высокой или низкой степени нравственного, умственного и даже физического развития человека. Для человека, напр., на первой ступени его развития брак положительно не связан ни с какой, той или другой, обязательной для него формой жизни; тогда как для современных культурных народов, и тем более для христиан, брак является не только нерасторгаемой связью двух лиц, но и обставлен массой всевозможных обязанностей, налагаемых и поддерживаемых социальными законами и современной жизнью.

Вследствие такой своей изменчивости и совершенно условной зависимости, вообще никакая форма брачной жизни, сама по себе, не составляет и не может составить действительной основы брака.

Итак: 1) данный в самой природе организма инстинкт рода, который является начальным моментом всякого брака или непосредственным побуждением к нему, 2) дети — которые служат конечным завершением, последним моментом в браке, и, наконец, 3) физическое единение супругов, родовой акт, который связывает между собой начальный и последний моменты и, таким образом, как бы дает возможность браку перейти из потенции в действительность, — вот все три момента, из синтеза которых слагается все реальное содержание брака как такового. Причем уничтожение одного из этих моментов непосредственно влечет за собой разрушение всего брака[60 — Как все точно. Но автор должен согласиться со мною, что у христиан никакого брака нет: ибо 1) ни бездетность, ни отсутствие родового акта (когда один супруг бросил другого) у христиан не расторгает брака. «Была форма: что же от нее отломалось, если супруги не совокупляются и не могут совокупляться? Брак остался». У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть форма; а миряне договорили: «формальность». Эта-то суть и разрушает или растлевает европейскую семью. В. Р-в.] если не в факте его бытия, то во всяком случае в факте его естественного значения. И если, теперь, мы хотя немного вдумаемся в это трех-моментное реальное содержание брака, то увидим лишь одно, что он по своему существу является чудесным фокусом[61 — Вот, сказал же истину: что «христианство рассекло чудесный фокус всей живой физической природы». Только это одно, — и можно закрыть все книги и не читать больше, как можно было бы и всем писателям бросить перо, и сосредоточиться только на этом одном вопросе: «мы исповедуем религию, рассекающую узел бытия; — с Богом мы? или против Бога?» Но тот же последовательный автор говорит: «Узел этот борется с нашим Богом, и утверждает злое начало в мире». Только крупинка отделяет его от сознания: «Боже, прости мне грех мой: всю жизнь я положил на борьбу с Тобю и на служение злу»... Недаром мерещилось с начала нашей эры, что когда-нибудь настанет «светопреставление», т. е. «переставление (источников) света», истины. В. Р-в.] всей живой физической природы. Именно здесь — самое естественное, а не искусственно вызванное, природное органическое влечение; и, вместе, самое интенсивное, доступное для физического организма, чувственное раздражение, которое одно только и бывает причиной всех последующих действий в форме ощущения приятного и неприятного; наконец, в потомстве, в подержании жизни рода, как исключительно в последствии только родового акта, брак становится положительно полезен и необходим для существования человечества[62 — Вот сказал же истину: «Мы отрицаем полезное и необходимое для существования человечества», «мы враги человека и человечества». Если бы так точно говорили, спор давно был бы окончен. В. Р-в.]. В этом именно фактическом содержании брака и заключается все его действительное значение для естественного человека, и вне этого значения брак лишен для него всякого смысла.

Но если одного органического начала и одного самой природой осуществляемого значения брака было бы вполне довольно для человека как живого организма, чтобы он мог вступать в брак, то для человека новой духовности это явилось уже недостаточным. Особенно эта недостаточность ощутилась в сознании христианских народов и побудила их стремиться изменить самую физическую природу действительной основы всякого брака — родового акта. Они начали отыскивать и выдвигать на первое место все то, что так или иначе может обнаружить в содержании брачной жизни идеально нравственную природу личности и, наоборот, — подавить то, что свидетельствует о человеке как грубом, чувственном животном. В частности, в качестве истинного содержания этой новой жизни человека указывается преимущественно на любовь супругов, которую и выставляют как необходимое условие всякого нормального брака. Вместе с тем значительно умалывается в собственных глазах супругов самостоятельное значение физического общения их, и даже наивно мечтают свести в будущем это отправление организма если не на положительное «нет», то, по крайней мере, поставить по отношению к нему самого человека как бы в страдательном, неизбежное для него положение[63 — Каково чудовищное давление содомии! давление на совершенно уже нормальный брак, на совершенно нормальных супругов! «Приятно» и «есть чудесный фокус всей живой физической природы», коему мы «несчастно подчинены», законом «неизбежности обречены исполнять его»!!! О, духовно-содомская цивилизация: и она смеет свой пафос возводить в закон! в «нравственное правило»! в «нравственность и святость», наконец! В. Р-в.]. И поистине странно: люди как будто никак не хотят понять, что все это весьма прекрасное, высокое само по себе и ценное в жизни человека, относится вовсе не к самому существу брака, не к его материальной органической основе, которую хотят изменить, а имеет всегда в виду только известное содержание возникшей новой брачной жизни супругов. А потому, если здесь и происходит какое-либо изменение по отношению к основе брака, то исключительно чисто внешнее — именно со стороны отношения к нему человека как нравственного существа, а не просто как живого организма. Сам же по себе брак, по всему своему фактическому содержанию — как всегда и раньше, так и теперь, — остается по-прежнему исключительно материален. Совершенно верно, что человек может, конечно до

некоторой степени, умалить для себя значение физического общения, но из этого вовсе не следует еще того, чтобы вся основа брака — родового акта — в существе своей природы необходимо тотчас же изменилась. И совершенно справедливо то мнение, что содержание брачной жизни всегда может быть поставлено каждым человеком на нравственные начала жизни, но совершенно ложна та надежда, что будто бы отсюда должно неизбежно измениться и все фактическое отношение брака к нравственному началу природы человека. Супруги только могут выработать себе известный идеал своих нравственных отношений друг к другу, к детям, вообще к окружающим их людям, но переменить фактическое содержание брака и его фактическое значение для нравственного начала — это не в их власти, как и вообще не в чьей власти. Само подобное ожидание будет точно так же наивно, как то, если б люди, изменяя, улучшая наличное содержание социальной жизни человека, через то самое надеялись в существе изменить и самый организм человека, как единственно реальную основу всего социального строя жизни, так что в конце всего социального развития организм человека мог бы обходиться, напр., совсем без пищи. Но очевидно, что все таковые надежды могут существовать только в мышлении человека, а достигнуть их практического осуществления возможно не иначе как в расстроеном воображении самого же человека. Но если люди часто упорно не хотят понимать и различать всего этого сами добровольно, то тогда их заставит и действительно заставляет принять истину о браке жестокая в этом случае правда действительной жизни, та правда действительности, а не воображения, всякий раз каждому индивидуальному сознанию через горький опыт собственной его жизни определенно и решительно показывает, что никто и ничто не изменит реальной органической основы брака.

Сколько бы люди ни фантазировали и ни идеализировали относительно условий возможности существования брака в будущем, в частности сколько бы ни возвышали нравственное содержание брачной жизни — они все-таки с роковой неизбежностью именно горьким своим опытом всякий раз будут вынуждены всегда признавать одно: что брак фактическим своим содержанием, вне каких-либо условных целей — всецело покоится на одном материальном начале. И сама любовь супругов, которая выставляется в качестве истинного мотива к браку и истинного его содержания и которая вытекает непосредственно из привязанности, расположенности одного лица к другому, есть не что иное, как в точном смысле индивидуализированное органическое же влечение, или, лучше, она есть просто опоэтизированная половая страсть. Идеализуя брак, она представляет его для человека не в действительном его виде и значении: это безусловно должно отразиться одним вредом как на внутренней жизни самих супругов, так и на всем историческом течении жизни. Это хорошо и подтверждают многие литературные типы, которые в большинстве случаев оказываются совершенно неспособными к жизни именно потому, что слишком далеко ушли в своих мечтах от действительной правды и приняли мираж любви за истинную любовь. Последняя нисколько не нуждается собственно в браке для своей реализации и могла бы остаться в форме содружества, знакомства, духовной связи. Ибо истинная идеальная любовь вытекает не из привязанности или расположения лица к другому, а из нравственного самоопределения человека действовать именно так, а не иначе, и иметь своим предметом не одно или несколько лиц, а всех людей — без различия и при всех условиях их жизни. Мало этого, идеальная любовь даже никогда и не может создать никакого брака, ибо она имеет своим основанием-источником то самое высшее нравственное начало природы человека, которое фактически в корне отрицается всем содержанием брака[64 — Типичное рассуждение дево-мужчины: как они восторженно любят, в то же время гнушаясь всем половым! Читатель, отвернув назад несколько страниц, прочтет медицинские примеры этого, которых я взял малую крупицу. В. Р-в.]

Замечательное[65 — Отсюда начинается «святое святых» духовных содомлян, от Платона до нашего времени: «Грех! преступление!» Точь-в-точь это то ощущение к нашему, какое всемирно у нас существует к ихнему: «Противоестественно! грех, беззаконие!» Ну, кто же может перешагнуть через свою организацию: труднее, чем перепрыгнуть через свою тень! В. Р-в.] и достойное глубокого внимания явление, что когда люди хотят показать самое тяжелое преступление человека против себя же самого как нравственной личности, то они обыкновенно такое преступление приурочивают к акту полового общения, т. е. к тому, что по природе своей представляет совершенно естественное отправление физического живого организма. И психологически такое понятие оказывается вполне верным, ибо позор преступления этого отправления действительно бывает для личности самым тяжелым, и, что особенно важно, не совне налагается на человека, а изнашивается человеком изнутри же самого себя[66 — Здесь везде вместо «нравственная личность» надо читать «наша содомско-девственная природа». Я тоже нравственный человек: но от юности, от 17 лет, когда впервые совершил этот акт, и затем в двух супружествах, как и в актах (немногих) вне супружества, не чувствовал ни малейшего угрызания совести, никакого греха, ничего позорного! Просто не могу этого понять. В. Р-в.]. Если же к этому часто прибавляется еще жестокая кара со стороны общества[67 — То-то: вот происхождение детоубийства у христиан! Из бессемности, из муже-девства. Автор, очевидно, имеет в виду не венчаные сожития и рождающихся от них детей. Кратко и резко: каждый «духовный отец» за недоданные ему (за венчание) 25 рублей повелевает несчастной матери умертвить своего ребенка, и заставляет общество заставить ее привести в исполнение свою волю. В. Р-в.], то она может служить здесь только подтверждением справедливости[68 — «Справедливости»... Справедливо детоубийство! О, какая правда, что на таких, как вы, когда-то был просыпан серный огонь с неба. В. Р-в.] личного собственного суда человека над самим собою. Между тем на первый взгляд в высшей степени странна такая бы то ни была возможность самого появления у человека мысли, что им совершается здесь какое-то преступление, или вообще что-то такое недолжное для него: потому что родового акта, при совершенной своей естественности, даже можно сказать иногда некоторого рода потребности физического организма[69 — Слышите признание содомлянина: «Иногда некоторого рода потребности организма», и то с убавкою: «можно сказать даже»... Просто он не верит, что это всех нас потребность, и описывает родового акта как (ему) неоткрытую Америку. В. Р-в.], есть в то же время дело чисто интимное, личное. Оно совершается всегда тайно, скрыто, а следовательно, как по отношению к себе никакого чужого вмешательства не допускает, так и само в свою очередь ничьих чужих интересов непосредственно не затрагивает[70 — Вот! какую же надо иметь подлость, какой грех в себе носить, какое злодеяние, чтобы осудить этот «никого не касающийся акт и никого не затрагивающего» младенца от него! Но проклятые содомляне, содомляне юриспруденции и содомляне клира, пустили борзых собак, чтобы растерзать этих невиннейших девушек и невинных детей! О, до чего глупо сюсюкал Достоевский о помещике, затравившем собаками мальчика: как будто все население Воспитательного Дома в благочестивой Москве — не есть «затравленные собаками дети», но только собаками, выпущенными не от помещика и не со псарни, а из-под золотых маковок Москвы и от духовных наших отцов. В. Р-в.]. И от такого сознания человеком преступности родового акта ничуть не спасает его ни гражданский институт брака, ни даже церковное таинство брака: они только ограждают человека от покаяния перед людьми, но не спасают и не могут спасти человека от покаяния перед самим собою, как нравственной личностью[71 — Вот! «И при церковном таинстве — позор». Что ж это «таинство» делает и для чего оно нужно?! В. Р-в.]. В законном супружестве нет только юридического суда общества, ибо юридическая правда здесь вполне удовлетворена; и потому возмущенный материальным процессом половых отправлений нравственный дух человека значительно умиротворяется, но только именно умиротворяется, нравственные же мучения личности в форме стыда все равно, как и вне брака, сопровождают и теперь каждый родового акта общения. Собственно при законном супружестве в сознании каждого человека происходит совершенно тождественное тому,

должен был переживать каждый солдат, убивающий безвинного человека на войне[72 – Договорился: совокупиться («интимный, никого не касающийся акт») — то же, что убить (другого! отца чьего-то, сына, мужа!). Нет, на головы этих содомитов конечно надо изливать серный огонь. В. Р-в.]: ведь сознание солдата, что он убивает людей ради защиты своей родины или защищая добро, вовсе не уничтожает в нем нравственного сознания того, что он все-таки совершает преступление, ибо убивает человека — личность; и что гораздо лучше было бы, если бы возможно было совсем избежать этих кровопролитий. И никакие высшие интересы, оправдания не в силах изменить «убийство в себе», т. е. сделать его не убийством, не преступлением, а положительно добром. Точно так же никакие исполнения гражданских постановлений относительно брачной жизни и никакие церковные освящения брака никогда не в силах изменить фактического значения физиологического акта брака для человека как нравственной личности. Сам по себе родовой акт останется навсегда таким же, каким он дан и вне законного супружества. А потому исполнение его все равно всегда будет вызывать у человека «стыд» — и не у отдельных только личностей, а вообще у всех людей. Как самый дикий человек, живущий исключительно материальными интересами жизни, так и самый культурный, обосновывающий свою жизнь и деятельность на высших началах бытия, как развратник, так и высоконравственная личность, — все без исключения здесь уравниваются. Все они одинаково — будут ли некоторые состоять в законном супружестве, а другие в незаконном сожитии, или предаваться тайным порокам — безразлично все скрывают это органическое отправление и стыдятся его как недостойного для себя действия. Наркотические вещества употребляют, между прочим, с этой целью — самозабвения нравственной личности, чтобы все происходило более нечувствительным образом для нравственного сознания человека[73 – То-то христиане напиваются допьяна перед совокуплением (рассказ мне о купцах в Ельце), и то-то у христиан столько наследственного алкоголизма! Всё плоды «нравственного закона личности». Да провалитесь вы с вашей «нравственной личностью», которая несет убийство, пьянство и разврат! Совокупление всегда должно быть в трезвом виде и при пустом желудке, т. е. не ранее 2-х часов после еды. В другом виде совершать его безнравственно. В. Р-в.]. Вообще же нравственный стыд не уничтожается ни при каких условиях родового акта. Ни тогда, когда он является в виде дополнения и реализации любви, ни в том случае, когда процесс его становится целью сам по себе, как наслаждение. Стыд одинаково присущ обоим моментам и тотчас следует за отправлением, в виде реакции на то нервное и психическое возбуждение, которое предшествует ему. И снова человек, как только совершит этот позорный для него акт, чувствует всем своим существом, что «он наг», и спешит «прикрыть наготу свою», и старается «спрятать куда-либо лицо свое от Бога», ходящего в нравственном сознании человека. «И открылись глаза у них обоих» в момент грехопадения, «и узнали, что наги они; и сорвали листьяв смоковницы и сделали себе опоясание., И услышали голос Предвечного Бога., и скрылись человек и жена его от лица Предвечного Бога среди деревьев сада. И воззвал Предвечный Бог к человеку и сказал ему: «Где ты?» И сказал (человек): «Голос Твой услышал я в саду и убоился, ибо наг я, и скрылся». И сказал (Бог): «Кто возвестил тебе, что ты наг?»... Вот слово Библии. И в момент грехопадения в глубине каждой человеческой души раздается высший голос, спрашивающий: «где ты? где твое нравственное достоинство?» «человек — владыка природы и образ Божий, — существуешь ли ты еще?» И тут же дается ответ: «Я услышал Божественный голос и убоился возбуждения и обнаружения своей низшей природы: я стыжусь, следовательно, существую, не физически только существую, но и нравственно: я стыжусь своей животности, следовательно, я еще существую как человек»[74 – Автор хитрит, притворяясь не знающим, что сопутствовавшие грехопадению слова и действия никакой связи с родовым актом не имели. Адам и Ева застыдились, еще не совокупившись, девственные! Но вот что надо заметить: пожалуй, крошечная застенчивость (не стыд, не «грех») и появляется по окончании акта, решительно и абсолютно отсутствуя в течение его и перед ним. Что же означает застенчивость после? Естественную жажду покоя, составную часть которого составляет скрытость, неосязаемость и невидимость. «Отдохни, усни» в отношении половых органов — и только. Сами же супруги после этого пожимают друг другу руку, или ласково проводят рукой по щеке, или крестят друг друга. В. Р-в.]

Вступающие в брак безусловно хотят, конечно, смотреть на себя как на высшие существа, подобно тому, как прародители, вкушая от запрещенного древа, через то самое думали приобрести себе всеведение Бога. Но в действительности оказывается, что как те, так и другие находят в себе только одну физическую природу животных, и вследствие этого у них тотчас же открываются глаза, и «узнают, что они наги», и спешат «прикрыть наготу свою», желая этим внешним способом скрыть от себя обнаруженное ими теперь свое несомненное родство со всем остальным животным миром, ибо физическая нагота только может увеличить тяжесть их обманутого ожидания и через то усиливает их душевную муку. Стыд охватывает всего человека, и он уже не смеет открытыми глазами взглянуть в лицо другого человека, хотя бы и своего сообщника, и потому они прячут свои взоры даже друг от друга, избегая смотреть друг на друга[75 – Что за низкое подозрение! ничего подобного не бывает. В. Р-в.], и тотчас становятся друг другу в тягость[76 – Что за клевета на брак. О, психика содомства! В. Р-в.]. В тягость делаются им теперь и все другие лица[77 – Клевета, клевета! Напротив, все радуются, поздравляют, новобрачные делают визиты, т. е. всех хотят видеть, и сознают, что их также все другие люди желают видеть. Поэзия новобрачия (первых и естественно частых совокуплений) и обычаи новобрачия трогательны и всемирны; и, конечно, говорят совершенно обратное изложенному содомскому ощущению! Как бы следовало собрать эти лучшие человеческие обычаи; для них не нашлось ни Киреевского, ни Рыбникова, ни Шейна! В. Р-в.], от которых они спешат тоже укрыться, чтобы не узнали об их падении, ибо во взорах каждого человека[78 – Года три назад в «приложениях» к «Новому Времени» был напечатан рассказ Вильде: в нем, в первой же главе описывалось, как новобрачные едут на пароходе, — и что «все пассажиры его старались чем-нибудь услужить им, быть им полезными!» Вот правда! Я знаю родителей, которые, получив сообщение о беременности замужней дочери, — сейчас писали поздравление зятю. Что же, упрекали они его, как за стыдное, за совокупление, получившее результат? Или он имел причины «убегать от лица Господа и от людей» за плодоносное совокупление? Конечно, ничего подобного, всё — напротив! Д. И. Менделеев волновался, тосковал и тревожился, пока его замужняя дочь не забеременела. Да и весь род человеческий так чувствует, испытывает, говорит. Особенную и глубокую сторону родового акта составляет то, что он вовсе ждётся духом человеческим, сердцем человеческим, воображением человеческим, гаданием человеческим не для себя одного (coitus ad me), но и для ближних, родных, соседей, отдаленно — для всех, или, ласкательнее, «для всех бы»; Богом же он восхотелся и потому «благословился» для всех высших и лучших его созданий, для всего одушевленного мира! Вот — истина, и прямо ощущаемая, и изваянная в Библии! Но посмотрите, с какой настойчивостью и как уверенно содомиты-девы проводят свое извращенное вранье о деле, фактически им вовсе не известном! Точь-в-точь, как уверенно «духовные отцы», древних времен и нынешних, тоже проводили эту несчастную мысль, и, наконец, вдолбили ее несчастному человечеству! В. Р-в.] они слышат тот же голос Бога (нравственного сознания). Вместе с тем, каждый из сообщников родового акта, если только они не имели в виду грубого физического наслаждения, но внесли в него хотя небольшую долю чистоты своей нравственной личности, тотчас же по совершении его теряют все то уважение и благоговение, каким раньше они были проникнуты друг к другу[79 – Что за подлая мысль: «благоговение и уважение» (очень точные слова) увеличиваются после этого! Читай трогательное письмо г-жи Гончаровой, вышедшей замуж за Дантеса, в месяцы ее беременности, к мужу. Это благородно и нежно, как сонеты Петрарки к Лауре. Характерное одно слово я услышал от простолюдники, которую скорее растлил, чем соблазнил, купеческий сынок: «Меня подруги уговаривали ему отдаться, но я не хотела,

пому что он был мне противен. Я ненавидела его (слова буквальны). А когда случилось и он сделал со мной, — то потом я за ним бегала». Ей в эту пору было 15 лет. Вот факты: да и всякий брак распался бы через год-два, если бы половой акт не связывал мужчину и женщину взаимным «благоговением и уважением», сейчас же сказывающимся на пятый-седьмой-десятый день. В. Р-в.]. Это тяжелое чувство стыда ощутительно и продолжается целые дни, месяцы и даже годы[80 — См. выше факты из Крафт-Эбинга о самоощущениях содомитов в браке: эти самые признания и они делают! Не нужно дополнять и говорить читателю, что брак вовсе исчез бы с лица земли при этом «многолетнем стыде» супругов от своего совокупления. Да поверьте же, г. г. содомиты, пожалуйста, поверьте, что решительно ничего подобного и ни с кем не бывает, — кроме одних вас. В. Р-в.], и много надо человеку усилий, чтобы привыкнуть к этому отпавлению организма; однако совершенно безразличного отношения к нему он никогда не достигает. Последнее, собственно, и невозможно для человека по самой его природе[81 — Прямо — крик природы содомской! «Нет! невозможно! не верю!» В. Р-в.] как нравственной личности, и по самой природе родового акта как чисто животнo-органического отпавления, которое в самом своем процессе является не только отрицанием, но и даже, пожалуй, временным убийством нравственного начала личности; ибо нравственная личность человека совершенно теряет себя здесь, в высшей степени чувственном материальном процессе органической природы! Человек добровольно сходит здесь с трона своей божественности и погружается и даже положительно отождествляется с слепой неразумной материей[82 — То-то и хорошо: делается, как цветок, дерево и звезда, как ягненок или кроткий телец. Чего же тут стыдиться?! Даже И. Христа католики символизируют в виде ягненка, а мы Святого Духа — в виде голубя. В. Р-в.]; и, вследствие этого, неизбежно теряет в себе образ Бога, нравственное начало своей природы, — и как бы делается исключительно просто физической живой вещью мира. Это безусловно справедливо, что образ Божий в человеке, который состоит в свободе и разумности[83 — «Свободна и разумна» алгебра: но образ Божий не похож на алгебру. В. Р-в.], а выражается во всегдашней активной деятельности — в осуществлении человеком себя — как нравственной личности, — здесь, в родовом акте, во время страсти, уничтожается. В родовом акте личность поглощается органическим процессом, и происходит слияние личности человека со стихийными началами природы[84 — Как прекрасно! так же, как обоняние цветка, как вкушение от виноградной лозы, как любование на звездное небо, — но только глубже и внутреннее. Все, все, что сказал Лермонтов в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» — все это действие на душу целостной природы повторяется, но глубже, в действии на человека родового акта и его сопутствующих обстоятельств, любви и семьи. Да и понятно, ибо акт этот есть узел природы. В. Р-в.]. И если верно, что все высокое получает свое начало из идеальной природы личности, а злое заключается преимущественно в подчинении нравственной личности материальным началам жизни, то здесь, в родовом акте, зло торжествует свою полную победу[85 — Какое безумие! В. Р-в.]. Брак в самой своей основе является центральным пунктом всей борьбы[86 — Напротив, центром гармонии! Родовой акт есть столько же материальный (семя, яйцо), сколько и духовный (семя с душой в себе, яйцо с душой в себе, с талантом, с гением!). В родовом акте увенчивается любовь, и он есть первый камень хозяйства, дома, экономики. Чудное и святое соединение мужчины и женщины! В. Р-в.] между чисто материальными грубыми интересами жизни, плотью, и идеальными запросами и стремлениями нравственной личности человека; и нигде еще нравственная личность человека не может совершить столь глубокого акта своего падения[87 — Безумие и богохульство! Вот где и как подрывается Ветхий Завет. В. Р-в.]. И потому-то именно с половым актом связано непосредственное чувство стыда как реакции духовного начала против ее порабощения и принижения со стороны животной материи. Это чувство стыда есть не что иное, как отрицательное отношение нравственной личности к порабощению ее материальным началом. Человеку стыдно подчиняться материальному влечению организма, ему стыдно быть тождественным простому животному[88 — Добавляйте: «Стыдно человеку дышать — стыдно, что у него есть кровообращение». В. Р-в.]. Сама по себе животная материя не может быть злом, как не может быть и добром: она именно безразлична с точки зрения чистой нравственности. А потому и сходство человека со всем остальным животным миром, которое всегда было очевидно для него, — ничуть не могло бы само по себе служить к уничтожению человеческого достоинства. Сознание своего сходства с животным, как в различных отпавлениях организма, так и вообще в наличных условиях физической жизни, всегда, конечно, присуще человеку. Однако это сознание никогда не может оскорблять человека, и именно потому, что все то, в чем, собственно, по самой природе заключается сходство человека с животным, представляет из себя не что иное, как только необходимые условия для существования человека как нравственной личности[89 — Очень все точно и разумно. Но, поистине, и в фунте земли или песка уже есть добро, — ибо, как сказал какой-то схоластик, «нет ничего прискорбнее небытия». В. Р-в.]. И человек, несмотря на свое очевиднейшее внешнее сходство по конструкции своего организма со всем животным царством, тем не менее все-таки в то же самое время всегда сознает себя стоящим несравненно выше животного мира и совершенно даже отличным от него: ибо он один, будучи нравственной личностью, может властвовать над стихийной частью своей природы. Вот эта грань, которая лежит между человеком и животным, и уничтожается в родовом акте, где человек не только не осуществляет себя как особое идеальное начало в мире, а, наоборот, становится совершенно на противоположную сторону: он утверждает себя, как животное, подобное всем прочим животным[90 — И хорошо. Хорошо уже потому, что смиренно. Автор кричит: «Нравственная личность! нравственная личность», но ведь она сама — из нервов и мозга, а мозг и нервы — от звезд, от стихий; и, словом, Космос есть великая утроба, в которой и из которой родилась «нравственная личность». Все связано «шестью днями творения». Да и, затем, у какого разбойника нет «нравственной личности»: ибо он и разбойником мог стать по «нравственной свободе» в себе, по сей «божественной, одному человеку присущей свободе». Что же, автор прикажет мне больше любить мазуриков и шулеров, чем овец, коз и коров? Да никогда! В. Р-в.]. И у человека теперь, вместо прежнего сознания возможности своего превосходства пред животным, возникает мысль уже о своем положительно осуществившемся духовном родстве с животным царством[91 — Тут только поэзия. Не понимаю, зачем автору выходить из природы? Этого-то он нигде и не доказывает, а потому только стучит словами. В. Р-в.]. Раньше это родство только мыслилось или заключалось как бы в потенции. Теперь же человек реализовал его, и именно чрез ощутительную для него потерю своей разумности в страсти полового акта, а чрез эту потерю своей разумности — и в фактическом отождествлении себя со всем остальным неразумным животным миром. Переведенное при посредстве полового общения из потенции в действительность, родство человека с животным миром и дает о себе знать самым чувствительнейшим образом в факте стыда, как о явлении недостойном человека и не должном быть. Человеку теперь стыдно не за свое просто внешнее сходство с животным миром, а за положительное родство с ним. Стыд, сопровождающий всякий раз родовый акт, ясным образом показывает человеку, что хотя он сходен в своей жизни как организм со всеми животными организмами природы, однако никогда не должен делать этого сходства положительным родством, а, наоборот, должен строить свою жизнь на началах себя как нравственной личности. Человек не просто животный организм, но плюс еще нечто другое, высшее содержание, образ Бога[92 — Все это — забвение, что там же, где сказано об «образе и подобию Божиим», сказано и «оплодотворяйтесь, размножайтесь». Несчастливая книжность, несчастная интеллигентность сделала то, что человек мыслит себя «подобием Божиим», когда строчит газетную статью или брошюру, а не когда носит на руках больного ребенка, не когда мать кормит его грудью, не когда родители зачинают его. Проклятое скопчество, родитель сухой и суетной интеллигентности. Нет, явно надо переменить все мотивы религиозности, всю мотивировку отношений к Богу и связи с Ним. В. Р-в.], и если человек отдает себя во власть материального процесса, природы, то и это высшее его начало смешивается с ним и как бы

относится к нему. Думать же, что половой акт можно хотя бы через миллион лет одухотворить[93 – Да он вполне духовен и сейчас: половой акт рождает из себя море мысли и воображения (младенца с душой), и оно же, т. е. воображение и мысль, обволакивает этот акт в поэзии, между тем как физический глаз и физическое слово (голос) не смеют его коснуться. Совокупление есть наиболее духовный акт — не то что пошлая, базарная политика. В. Р-в.], сделать не плотским, а проявлением высшего начала в человеке, возможно только в наивной фантазии человека.

Человеку хочется верить, что нравственный стыд, обнаруживаемый в акте супружеского сожительства, зависит вовсе не от природы его, а от того психического настроения человека, с которым он относится к браку. В силу такого хотения человек надеется, что с течением времени люди настолько внутренне нравственно возвысятся, что уже никакого стыда супружеских общений тогда быть не может, а следовательно, прекратится и та нравственная мука самих супругов, которая необходимо связана с этим стыдом[94 – Содомские мечты, нам вовсе не нужны. И теперь во всех своих составных частях акт этот прекрасен. Чтобы его сделать привлекательным для человека, ради обеспечения размножения, природа и ее Создатель соединили в нем все самое лучшее, как разнообразно прекрасное соединено и в цветах растений. Что он для всех, кроме *mademoiselles* в шуртках, прекрасен, видно из воображения человеческого, которое его любит и представляет не в другом, нежели как он существует, виде, — не трансформирует его, а берет в реальности. Он бы никогда не воображался, не мечтался, если бы хоть в какой-нибудь части был дурен, отталкивающ. И в этом направлении единственное «нравственное совершенство» должно заключаться в том, чтобы не лгать более, а сказать ту правду, какую всякий носит в себе. В. Р-в.]. В частности, сам по себе акт сожительства, согласно этим мечтаниям человека, должен, с течением времени, если уж не превратиться в какое-то таинство, от выполнения которого человек будет получать только одно чувство глубокого нравственного удовлетворения, то, во всяком случае, по отношению к родовому акту супруги станут в полное безразличие его для них как нравственных личностей, и он будет совершаться, в крайнем случае, точно таким же образом, как, напр., совершается пищеварение в желудке[95 – Какое гадкое сравнение: кто же мечтает или воображает о кишках и их движении? Между тем благородные и изящные греки в религиозных процессиях носили изображение небольшой фигурки мальчика с очень большим органом, который несшая его жрица приводила в движение, поднимала (Геродот). Имели же греки вкус и эстетику? В. Р-в.]. Однако осуществление подобной, хотя и благородной, надежды человека возможно лишь в построениях богатой фантазии самого человека, и никоим образом не в действительной жизни. Супружеское физическое единение, до какого бы минимума мы ни доводили его чувственную сторону[96 – Ну, вот, договорились: «Импотентный брак есть наш идеал»; «Наилучший брак есть тот, в коем супруги не хотят друг друга, где чувственность отсутствует». Но медицина подстерегает философа-моралиста и с хохотом комментирует: «Да это и бывает — у содомлян! Они не хотят или почти не хотят другого супруга». Я же говорю, что весь этот «идеал нравственного супружества» коренится в яме Содома. Побочно сделаем заметку, что на этом-то содомодевственном идеале брака коренится и европейская теория развода: «Они не живут друг с другом, жена сбежала от мужа, муж кинул жену», — жалуется мир. «Тем лучше», — отвечает Содом, — ибо они теперь не совокупляются». Или: «Они ненавидят друг друга, дерутся». — «И отлично, — успокаивается в душе содомит, — если дерутся — значит, не совокупляются, а совершенствуют в себе нравственную личность». В. Р-в.] для себя, всегда необходимо требует и будет требовать для возможности своего осуществления высшего подъема животного начала, и обязательно на счет принижения жизнедеятельности духа — нравственного начала[97 – Изображения — сперва в виде опыта, животных, а затем и человека — в этом слиянии должны составить одну из важных проблем искусства. Решительно, человек не бывает в этом слиянии отталкивающим: иначе нельзя понять глубокой, до гроба, привязанности друг к другу супругов. Но у нас встречающиеся изображения этого акта («порнографические картинки») все en masse [в массе своей — фр.] — гнусны, подлы, отвратительны до непереносимости для глаза. Почему это?! Только по тому одному, что изображаемые — всегда мужские и женские проституты и проститутки — люди последнего и подлого состояния, люди, сотворяющие этот акт без нежности и любви, кощунники акта, а не праведники акта. Лет 12 назад мне пришлось случайно видеть и долго рассматривать, в одном дорогом издании, снимки рисунков в этом положении, снятые со стен Помпеи, где изображенные — очевидно *cives* и *matronae* [почетные граждане и матроны — лат.]. Прекрасные и вдохновенные лица их — счастливы невинным счастьем, и все зрелище не включает в себя ничего отталкивающего, на что было бы тяжело смотреть. Я был поражен зрелищем, как чем-то совершенно новым для себя и неожиданным. Красоту здесь составляла невинность. Вот передача невинного совокупления, которое, конечно, есть, и без него брак был бы метафизически невозможен, оно составляет его метафизический корень, метафизическое основание (сравни проблему Канта: «Как возможны синтетические суждения a priori» с моей проблемой: «Как возможны совокупления без укора, стыдливости и греха, — совокупления как правда?») — составит великую задачу гениев кисти, резца и музыки. Я думаю, первое придвигание сюда заключалось бы в собирании эмпирического материала. При развитии теперь фотографии «для себя» возможно было бы юным супругам сохранять на будущее, на старость, изображения своего счастья в молодости — в ласках, в приближениях к акту, в самом акте. Наивность, чистота и непосредственность этого in facto [фактически — лат.] — передалась бы in imaginem [изобразительно — лат.]. Мы бы стали привыкать, мы бы стали признавать, мы бы перестали удивляться невинному здесь. Мы бы имели *imagines matrimoniae* [изображения супружества — лат.], когда (до сих пор) имеем одни только *imagines prostituae* [изображения разврата — лат.]. В. Р-в.]. Мало этого, оно всегда требует для своего осуществления такого нервного органического возбуждения, которое необходимо должно закончиться оскорбительной для личности потерей себя, — иначе говоря, оно необходимо должно быть страстным; и уничтожить эту страсть в родовом акте — значит уничтожить весь акт. А потому как бы таинственностью, мистичностью ни обставляли люди физическую сторону брака и какими бы благородными порывами души ни объясняли необходимость сожительства, все равно — в собственных глазах самого человека родовый акт навсегда останется недоленным, ибо он, как всякая другая страсть[98 – О, дубинное рассуждение: да разве можно «без страсти» написать стихотворение? Разве «без страсти» писал Шекспир «Лира», Пушкин — «Годунова», Лермонтов — «Мцыри»? «Без страсти» писал только Херасков; и даже эта брошюра написана не «без страсти», не «без жара», и только грустно, что не с супружеским жаром, но с дево-содомским. В. Р-в.], всегда совершается и может совершаться на счет принижения моей свободно-разумной нравственной личности. Думать же, чтобы супружеские отправления были проявлением духовного начала и являлись, например, только осуществлением мечтания о будущем ребенке, конечно, можно, — но человеку суждено будет в самом благоприятном случае остаться при одних мечтаниях. Он вместе с этими мечтаниями должен допустить раздражение организма или через воображение, или еще каким-либо иным образом, и тем возбудить в себе страсть полового чувства. Мечтания, которые предшествуют родовому акту, служат незаметным к нему переходом, и они или вовсе не вызовут половой страсти, или (непрерменно и неодолимо. В. Р.) сами будут (якобы. В. Р.) грязны. Здесь можно говорить не о перемене природы которого-либо начала, а только о границах того и другого, причем если бы для материального начала оставлен был всего один пункт его самостоятельной, а не служебной жизнедеятельности, то и тогда он остался бы со всеми своими характерными чертами и ничуть не изменился бы в своем содержании оттого, что сфера идеального начала гораздо обширнее. Чем больше человек употребляет энергии на раскрытие себя как носителя идеального высшего нравственного бытия, из которого только единственно и может выходить все чистое, идеально-разумное, тем более он суживает самостоятельное активное

значение органического начала — плоти[99 — Комическая дилемма: или «идеальное начало» и — импотенция, или же потенция, и тогда — крушение идеального начала. Конечно, мир не мог бы существовать, если б эта дилемма была реальна. Очевидно, «образ Божий» извращенно чувствуется девственниками. В. Р-в.]; но само по себе, в самом своем существе, материальное начало ничуть не изменяется в духовное, или, наоборот, при обратном значении — духовное изменялось бы в плотское. Жизнедеятельность плотского начала только может насильственно подавлять такую же жизнедеятельность нравственного, идеального начала природы человека, что особенно и заметно в кульминационном пункте жизни плоти — плотском соединении двух лиц. Здесь органическое животное начало требует от человека, нравственной личности, чтобы он не только перестал жить высшими своими интересами, но и положительно забыл, что он разумно-свободное существо, имеющее своей целью раскрыть себя как нравственную личность. И человек, действительно, под давлением половой страсти теряет самообладание, самосознание и всецело как бы отождествляется с чисто материальным отправлением своего организма. Иначе и не может быть: ибо при малейшем возбуждении сознания личности к его постоянной активной разумной деятельности — необходимо тотчас убивается страсть, а вместе с нею и самый родовый акт[100 — Удивительно все по точности мысли, по строгости рассуждения: это лучший трактат о браке, какой я читал, единственно научно правильный. Но «натура взяла свое»: и все идеалы автора извращены. В добавление и объяснение верных наблюдений автора скажу, что та «потеря сознания», которая происходит в последний момент родового акта, не есть, конечно, исчезновение «куда-то» души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человек умер бы), а есть всего этого переход — в семья. Весь дух человека, все его личное «я» проникает сиянием семья: отчего в дитяти и отражается весь «дух» его родителей, их таланты, гений, благородство. Из этого объясняется пониженная духовность и у детей «преизбыточествующих» гениев: они не способны совершить акта с требующимся «забвением себя», с «потерей сознания», т. е. во время акта душа их остается в голове же, и семья в утробу матери переходит обездушенным, только животным, только ферментом биологического зачатия. В. Р-в.]. А потому и фантазировать о полном подавлении страсти в супружеских сношениях всегда возможно, но только достигнуть этого в действительности, по самой природе вещей, невозможно. И для того, чтобы ребенок появился в действительности, а не в воображении только, — человеку необходимо нужно на время подавить все свои возвышенные благородные чувства, мечтания, и спуститься в наличные условия его происхождения, и неизбежно перенести на себе ту нравственную муку, которую влечет за собой родовый акт. Только человек с извращенной внутренней природой и который фактически живет в разврате, — только такой человек может спокойно переносить (хотя только сравнительно спокойно) акт половых отправлений[101 — Подобный образ нам дан Достоевским в лице отца братьев Карамазовых. Примеч. г. Фози. — Автор может подозревать, что я теперь Ф. П. Карамазов: но не был же я им в 17 лет, не был им, когда писал «Место христианства в истории»; но и в то время, и вообще никогда я «муки», «позора» и «греха» в половом соединении не чувствовал, а, наоборот, чувствовал всегда, что «все зело добро сотворил Бог», — согласно всем православным. В. Р-в.]. Иначе говоря, в действительности происходит как раз совершенно обратное тому заблуждению, по которому чем нравственнее личность — тем менее ею чувствуется недолжность половых отправлений. Действительность говорит нам совершенно обратное, т. е. что развитие нравственного сознания человека, в силу которого он уже теперь не может приступать к родовому акту с грубой целью физических наслаждений, оно-то и служит единственной причиной нравственных мучений человека в браке. Стыд в более сильной степени появляется именно только у людей неразвращенных, и, наоборот, полное отсутствие стыда может свидетельствовать вовсе не о высокой степени нравственного развития человека, а только о полном его нравственном падении. На потере стыда и высшего нравственного сознания собственно и держится половая функция организма, тогда как развитие нравственного сознания человека ведет к полному ее уничтожению[102 — Вот! «Импотенция и скопчество есть наш христианский идеал». «И с прекращением рождаемости — мы успокоимся». Но чем человечеству сходить в могилу, лучше вы, содомитяне, в нее сходите. В. Р-в.]. «Я стыжусь, следовательно, существую не физически только, но и нравственно; я стыжусь своей животности, следовательно, я существую еще как человек»[103 — В. С. Соловьев. «Оправдание добра». Примеч. г. Фози.]. Отсюда — надежда человека, что с течением времени люди перестанут стыдиться акта физических общений, есть в существе дела надежда на то, что придет время, когда люди будут жить исключительно по физическому определению жизни, т. е. будут заключать весь интерес жизни в органических отправлениях их животной природы, а не в нравственном развитии человека как свободной и разумной личности, а следовательно — это надежда на полное его нравственное падение[104 — Ну, а как же это у евреев, добрый автор? У евреев, которые, приступая к акту, т. е. в самую секунду «входа» в жену, совершают ритуально исповедание: «Се, исполняю Твою святую заповедь». Неужели все евреи находятся в «бесконечном нравственном падении»? В. Р-в.]. Только тогда, когда человек с течением времени обратится в простую, физическую, хотя и живую вещь наличной действительности, он может спокойно переносить акт полового общения, который в этом случае явится полным вырождением подлинной природы человека как преходящей вещи, как животного. Но эта надежда в отношении ко всему человечеству в его совокупности представляет сущий абсурд, ибо если в нравственном отношении отдельные люди, хотя бы и большинство, идут по пути регресса, то весь-то исторический процесс развития человечества, независимо от случайных отклонений, идет по пути прогресса нравственного развития человека; и на основании этого с полной основательностью можно предположить, что брак с течением времени, если не для большинства, то для некоторых личностей, не только потеряет положительное значение, но и сделается для них совсем нравственно невозможным[105 — Вот! Хороша мечта. «Наши семинарские тетради и наш содомский идеал мы сбережем и осуществим ценою погубления всего человеческого рода». Да это, конечно, и есть завет и стимул монашества. Не прав ли я, давно начав крик: смотрите, это идут погубители человечества, злодеи в образе ангелов, пантеры в образе овец! В. Р-в.]... В совершенном браке, в котором до конца осуществляется внутренняя полнота человеческого существа... деторождение делается и ненужным[106 — Хорошо! Какая прелесть!! В. Р-в.], и невозможным... Совершенный брак есть начало нового процесса, не повторяющего жизнь во времени, а восстанавливающего ее для вечности[107 — Для могилы. В. Р-в.]...

«Внешне физическое деторождение является как естественное последствие недостигнутого в настоящем совершенства и как необходимый путь для его будущего достижения» (В. С. Соловьев). «Ведь недаром же сама природа сделала так, что это дело и мерзко и стыдно, а если мерзко и стыдно, то так и нужно понимать» (Л. Н. Толстой)[108 — У Л. Толстого есть какая-то личная и семейная тайна, на которую намек содержится в разговорах его с г. Тенеромо. Когда зашла речь о детях его, и что они — неспособны, то Л. Толстой привел некоторую философию, и, сославшись на одного своего ребенка, сказал, что ему есть что сказать о его рождении, но он разве скажет это в секунду смерти, — «вот перед тем как юркнуть под крышку гроба». Слова не оставляют сомнения в чрезмерной постыдности этих слов (мировая застенчивость), этого признания, — и я опасаюсь, не по части ли это «девственных идеалов» великого писателя земли русской. Во всяком случае, «Крейцера соната» есть сплошь рыдающая натура муже-девы, «осквернившейся с женщиною» лишь по положению «женатого» человека, когда «noblesse oblige» [положение обязывает — фр.]. В. Р-в.]. Между тем люди питают странную надежду, что если и не теперь, то, по крайней мере, в будущем это по природе мерзкое и стыдное не уничтожится совсем, а только сделается чистым, возвышенным[109 — Нельзя не поблагодарить доброго, патетического и честного архим. Михаила (ныне старообрядческого епископа) — единственного монаха, который по переводе из Казани в Петербург, начав рассуждать в печати о браке, сказал громко: «Половое

слияние все и до дна чисто». За это дети, нынешние и будущие, должны воспитать ему хвалу. Он — не в детоубийцах, хотя и монах. В. Р-в.].

В оправдание брака весьма нередко можно слышать указание на рождение детей, в которых, действительно, заключается весь естественный смысл брака; но в то же самое время сама по себе эта ссылка на детей все-таки едва ли не более чем странна. Оправдывать брак детьми для человека будет решительно все равно, как если бы какой-нибудь морфинист стал оправдывать свою привычку тем болезненным, ненормальным, но приятным состоянием организма, которое непосредственно вызывает морфий в человеке[110 — О, гады, о, детоубийцы, Ироды, Скублинские... Приравнять деторождение к морфинизму!.. В. Р-в.]. Если бы подобное рассуждение и было вполне убедительно-состоятельно для самого морфиниста и могло бы для него служить действительным основанием в приеме морфия, то оно оказалось бы совершенно несостоятельным для нормального здорового человека, ибо кому же в самом деле желательно быть хотя, может быть, и в приятном, но все-таки в болезненном состоянии? Точно то же самое нужно сказать и относительно детей как естественного следствия родового акта: может быть, и они суть нечто если не ненормальное[111 — Дети — ненормальность!.. Но это, конечно, неодолимое убеждение содомита. «Натура кричит». В. Р-в.], то во всяком случае и не соответствующее истинным целям жизни человека. — И действительно, если мы возьмем человека не как только простой живой организм и не в физическом определении его временной земной жизни, а человека как носителя высшего идеального начала и в его абсолютном вечном содержании жизни, то дети здесь окажутся не только нежелательным явлением, но положительно фактически не отвечающим истинным задачам жизни человека. И, прежде всего, они всякий раз отрицают за человеком всякое абсолютное, вечное содержание его собственной индивидуальной жизни[112 — Да индивидуальная-то жизнь украшается детьми. «Честь отца» — палладиум для детей; он благороднее, нежели палладиум государства — «слава гражданина». Гордость матери сыном — выше, священнее, чем слава его перед толпой. Богатство отца лучше, благороднее, чем богатство скопца-финансиста. В. Р-в.], обращая человека в простое средство осуществления неведомых ему каких-то мировых целей общего бытия. Потомство необходимо заставляет человека рассматривать себя уже не под точкой зрения его личной ценности, а под точкой зрения его временных условий существования в пределах наличной действительности. Фактически в появлении каждого следующего поколения человеческого рода свидетельствуется не о чем другом, как именно о том, что я, как определенная индивидуальная личность, сам по себе не имею ровно никакой безусловной цены и не имею никакого своего личного вечного содержания жизни, которое я мог бы осуществить во всей своей жизни; и потому-то и явилось это следующее поколение, которое должно заменить меня и в котором я думаю хотя немного смягчить нелепость моего личного бытия[113 — Такое же глупое рассуждение, как следующее: «Я ем в пятницу пирог с грибами, а в понедельник ел с капустой. Отчего я не остановился на пироге с капустой? Увы мне: еда пирога с грибами обращает в совершенное ничто пирог с капустой, и тогда для чего же его пекли?!» В. Р-в.]. Но это новое поколение само, в свою очередь, обречено на такое же бессмысленное временное существование, как и мое личное существование, в чем оно и не замедлит быть обличено следующим за ним поколением. И жизнь всего человеческого рода теперь представляет собою картину лишенной в своем существовании всякого смысла смены одних поколений другими, среди которых отдельное самостоятельное «я» совершенно исчезает. В естественном следствии брака — потомстве — последующее поколение прямо и непосредственно упраздняет своих предшественников, и обличает их в бессмысленности их временного существования, и обнаруживает пред ними всю иллюзорность их личной жизни, каковой они всегда живут в своем собственном сознании[114 — До чего все глупо! Был Авраам и угощал Бога, в виде трех странников посетившего его. И родился от него Исаак. От Исаака — Иаков, которого опять посетил Бог и боролся с ним в ночи! Ведь это не одно! С потомством приходит разнообразие и обилие моего отношения к миру: лично я не в силах охватить науку и войну, культуру и религию, хоть живи вечно, хоть будь семи пядей во лбу! Но я размножился: и в детях, внуках, в сотом поколении я тысячею рук работаю в человечестве, я обоняю все запахи мира, делаю все профессии, я раб и царь, гений и безумец. Какое богатство сравнительно с каким бы то ни было личным существованием! Да и вообще неужели виноградная лоза беднее виноградной ягодки! Неужели яблоня, приносящая ежегодно плоды, не богаче и не лучше единичного яблока? А священное «Дерево Жизни» в Апокалипсисе приносит плоды 12 раз в год!! В. Р-в.]. Потомство именно реальнейшим образом свидетельствует сознанию каждого человека, уже самим фактом своего появления, о бесцельности личного существования своих предшественников, обнаруживая каждому человеку, что он по своей жизни вовсе не безусловная личность, а простая физическая вещь мира, ограниченная в своем бытии наличным физическим существованием и предназначенная служить только средством всеобщего процесса жизни... Никакого иного значения для человека как личности брак иметь не может». Фози.

•

о *

Все это рассуждение г-на Фози, представляя вообще квинтэссенцию Платоновой мудрости, девственной мудрости, христианской мудрости, церковной мудрости, в высшей степени драгоценно точностью языка и решительностью искренних суждений. «Яблочко созрело», — и чем возиться с семинарскими тетрадками, лучше было разобрать его одного. В «тетрадках» ничего другого нет, кроме здесь изложенного, — но все лишь запудрено, замалевано, подслащено. Мышьяк с сахаром. Но лучше иметь с ним дело без сахара.

Передвижение пола из положительных в отрицательные тяготения

Противородовые идеи не могут возникнуть без противородовых инстинктов; а таковые единственно встречаются, и притом бесспорно встречаются, на той точке текущего пола, где он из влечения к гармонизации с противоположным анатомически полом (сопряжение, супружество) переходит во влечение к слиянию со своим полом. В этой точке перехода является, всегда на момент, полное отрицание пола; пол, и свой и чужой, ощущается как совершенно ненужное, лишнее, придаточное; чему не отвечает внутри никакой психологии, никаких идей. Это глубоко спокойное состояние можно сравнить с состоянием детства и раннего отрочества; или, точнее, детство и раннее отрочество суть фаза в жизни каждого человека, когда он переходит этот пояс, названный нами духовной содомией[115 — Совершенно тупоголовое предположение Шопенгауэра, что содомия устроена самую природою в интересах рождения сильного потомства, и потому встречается в возрасте отроческом, когда семя не созрело, и в возрасте дряхлом, когда оно полусгнило, опровергается: 1) тем, что сущность содомии заключается в поглощении, положим старцами, семени именно самого цветущего возраста, от которого родились бы наилучшие дети, и 2) что активная содомия, кроме случаев личной порочности, не очень частых, встречается как врожденный факт, обнимающий жизнь человека во всех его возрастах. Впрочем, эта гипотеза знаменитого философа до того не отвечает всем фактам, что нет нужды усиливать ее опровергать. В. Р-в.], чтобы затем вступить или в обширное поле сопряженности с противоположным полом, или в необширное, но глубокое, терпкое, старое озеро слияния со своим полом. Д-р Форель («Половой вопрос», стр. 282) приводит результат опроса, произведенного у 3 916 мужчин, причем оказалось, что из них 94,6% чувствовали влечение к противоположному полу, 3,9% чувствовали совместное или периодически меняющееся влечение к обоим полам и 1,5% — к слиянию со

своим полом. Эта последняя категория получила в науке название «урнингов». Обычная теория, что это суть особи «с мужским телом и женским мозгом и душой», есть более имя и описание, нежели объяснение. Очевидно, объяснение этого явления лежит в недостающей полной теории пола, которая наравне с этой аномалией объяснила бы и прочие. Но совершенно очевидно, что для выработки, или, лучше сказать, для открытия этой теории, этого объяснения, изучение урнингов и особенно исповедания их представляют страшно важный материал. Как есть электричество положительное и отрицательное, как в математике есть положительные и отрицательные величины, с «0» между ними, как есть движение вперед и назад и точка покоя, — так явление пола, в зачатии сплетенного из двух полов, из материнского, т. е. женского, и из отцовского, т. е. мужского, есть непременно в каждом организме и в каждый момент его жизни мужеженское, и от этого текущее, вибрирующее, лучащееся, причем 1) ни индивидуум на протяжении своей жизни не остается тождественным себе самому все время, 2) ни все индивидуумы сходными между собой. Пол в нас дрожит, колеблется, вибрирует, лучится. То материнская сторона преобладает, то отцовская, то обе стороны в гармонии (детство), то которая-нибудь в подчинении, исчезании, умирании (время нормальной половой деятельности, когда человек ищет пополнить в себе замирающую сторону пола). Старческое влечение к полу, иногда выражающееся в безумных проступках-припадках, есть поглощение жизни и ее источников почти умирающим: это тот глоток воздуха, который делает утопающий, вынырнув на секунду из воды. Это глубоко жалкие явления, едва ли наказуемые, от которых просто надо беречься каждому и беречь, охранять других. Это — *dementia non individui, sed generis humani*[116 — помешательство не индивида, но рода человеческого (лат.)]. Оставим, однако, это все. Мы здесь не строим теории пола. Но чтобы показать читателю, что пол есть именно текущее, и притом перетекающее из положительных величин в отрицательные, мы должны указать на один случай рассказа Крафт-Эбингу пациентом и вместе врачом факта перерождения, им испытанного уже в зрелом возрасте, из мужчины в женщину. Таким образом здесь мировой процесс передвижения, совершающийся во всем человечестве, случайно задев и совместившись началом и результатом в одном субъекте, — дал полную свою картину, которая могла быть рассказана. Случай этот я считаю более удивительным, чем всякая «Вавилонская башня», и могущим для философии и науки дать более результатов, чем раскопки Ниневии или Персеполя. Вот этот рассказ об удивительном превращении:

«Я родился в Венгрии в 1844 г. Долгое время я был единственным сыном своих родителей, так как остальные дети оказывались нежизнеспособными[117 — Вообще разительно и любопытно индивидуальное происхождение аномалий пола. Вот бы поработать науке... Хоть бы начать собирать кой-какие наблюдения. Я раньше думал, что, напр., во время беременности родители допускают между собою содомический акт, как случай и забаву, — и тогда рождается содомит. Но это, очевидно, поверхностно: происхождение «урнингов» беспросветно глубоко и таинственно. Скорее, оно происходит от пролетания уже родителей по тому отсеку мирового круга или мирового эллипсиса, по коему движется весь пол, *summa sexus* (колесо Иезекииля). Содомия — в афелии и перигелии этого эллипсиса, в его сужениях, в «носики» мирового яйца; а рождение («норма») в боковых длинных его сторонах. Всякий человек — естественно в «какой-нибудь» точке эллипсиса; родители «содомита» — в его боковых длинных линиях, — но там, где линия начинает склоняться к «носику». Сами родители поэтому плодородны; но уже в них есть неощутимый «толчок» к содомии, который в детях продолжается далее и реализуется. Но и это только «может быть». Темь, темь и темь... В. Р-в.]. Лишь впоследствии родился брат, который жил довольно долго.

Я происхожу из семьи, в которой часто являлись нервные и психические страдания[118 — Можно предположить, что не страдания были основой и причиной последующего феномена пола, а что этот феномен, бурно пробиваясь к осуществлению, сотрясал «нервными и психическими страданиями» ту органическую среду, в которой появился. Ибо пол — всегда центр, всегда — зерно. В. Р-в.]. В детстве я был очень красив, с роскошными светлыми локонами и прозрачной кожей. Я был послушный, тихий, скромный мальчик, и меня охотно брали в любое дамское общество, не опасаясь, чтобы я чем-либо его шокировал.

При весьма богатой фантазии — этого постоянного врага моего — довольно быстро развились мои способности. В 4 года я уже читал и писал; память моя простирается до 3-летнего возраста. Я играл всем, что попадало мне в руки, — оловянными солдатиками, камушками, ленточками. Лучше всего я чувствовал себя в доме матери, где все было — мое. У меня были два-три товарища, к которым я относился хорошо, но так же охотно встречался и с их сестрами, которые относились ко мне, как к девочке, что сначала не стесняло меня.

Я был на пути к тому, чтобы совершенно превратиться в девочку. Я знал, однако, что это не подобает мальчику. И я старался поэтому играть с мальчиками, подражал во всем своим товарищам, старался перещеголять их удалством, что и удавалось мне. Не было такого высокого дерева, на которое я не взобрался бы. Девочек я старался избегать, так как мне не следовало заниматься их играми, и меня злило, что они считали меня равным себе.

В обществе взрослых я был, однако, всегда одинаково скромен и одинаково желанным гостем. Меня часто тревожили фантастические сновидения: мне снились дикие звери, которые однажды заставили меня бежать с постели, причем я не проснулся. Я всегда был одет просто, но красиво, и поэтому полюбил вообще красивую одежду. Мне помнится, с детства у меня явилась склонность к женским перчаткам, которые я надевал часто как мог. Однажды, когда мать кому-то отдала пару своих перчаток, я очень сердился. На ее вопрос я ответил, что лучше бы она мне их подарила. Меня подняли на смех, и с тех пор я остерегался говорить о своем пристрастии к женским вещам[119 — Вещи, и особенно платье, человек создает по натуре своей, в сущности — из природы своей: и мальчик с девичьим сложением невольно ищет женских вещей. В. Р-в.].

Особенно радовала меня маскарадная одежда, т. е. женская. При виде таковой я завидовал ее обладательнице[120 — Как все незаметно, как невольно, как «мало-помалу». В. Р-в.]. Я с наслаждением смотрел на двух молодых людей, замаскированных женщинами. И тем не менее сам не рискнул бы одеть женского костюма, боясь насмешек. В школе я был весьма прилежен, учился лучше всех[121 — Высокие способности, никакого понижения их. В. Р-в.]. Родители всегда внушали мне, что первое в жизни — это долг[122 — Нравственная, не распущенная семья. В. Р-в.], и показывали сами пример. Посещение школы было для меня удовольствием, так как учителя были снисходительны, а старшие ученики прекрасно относились к младшим.

В это время мы покинули родину, так как отцу пришлось уехать. Мы отправились в Германию. Здесь господствовал строгий режим, отчасти среди учителей, отчасти среди учеников, и надо мной снова стали смеяться вследствие моей женственности[123 — Все невольно и мало-помалу. Какая же «патология» (страдания, болезнь)?! В. Р-в.].

Мои товарищи дошли до того, что они называли моим именем девушку, похожую на меня, а ее именем меня называли. Так что я ненавидел

эту девушку, с которой подружился потом, когда она вышла замуж. Моя мать продолжала красиво одевать меня, и это было мне противно, потому что это вызывало вечно насмешки. Я очень обрадовался, наконец, когда меня одели в настоящую куртку и настоящие брюки. Но и тут начались новые терзания. Костюм стеснял меня у половых частей, в особенности когда сукно оказывалось влажным. А когда портной примерял мне брюки и прикасался к половым частям, дрожь пробегала у меня по телу. Это ощущение было для меня невыносимо[124 – Мне случайно пришлось узнать, что экземпляры содомии в брюках и экземпляры содомии в юбках абсолютно не переносят дотрагивания до органов, по крайней мере лицами противоположного пола, и именно дрожат при этом и чрезвычайно страдают; как равно и сами они никогда до них не дотрагиваются. От этой непереносимости касания — у них никогда не возникает онанизма. В. Р-в.]. Затем приходилось делать гимнастику, и я не мог проделывать упражнений, которые и девушкам нелегко даются. Во время купания меня мучила стыдливость: мне стыдно было раздеваться, хотя я это делал очень охотно; в то же время это доставляло мне удовольствие.

До 12-ти лет я чувствовал слабость в крестце. Плавать я научился поздно, но зато настолько хорошо, что мог совершать большие туры. До 18-ти лет у меня было женоподобное лицо, и лишь с этого времени начался у меня рост бороды, так что я несколько успокоился. Приобретенная на 12-м году и излеченная на 18-м году паховая грыжа очень стесняла меня, особенно при гимнастике. Сюда с 12-ти лет присоединились, при долгом сидении и в особенности при вечерней работе, зуд, трение и дрожание, начиная с penis'a до крестца. Это затрудняло сидение и стояние, усиливаясь при простуде. Но я решительно не предполагал, чтобы это имело связь с половой сферой.

Так как никто из моих товарищей этим не страдал, то я ничего на этот счет не знал, и мне приходилось напрягать до высшей степени терпение, чтобы переносить это, тем более что живот вообще часто стеснял меня.

В половых вопросах я еще вообще был совершенно несведущ, но уже на 12-м, 13-м году я чувствовал, что мне приятнее было бы быть женщиной. Мне гораздо больше нравилась ее фигура, ее спокойная походка, в особенности ее одежда[125 – Мне пришлось знать одну девушку, по крайней мере полусодомитянку, которой очень нравились вообще красивые дамы, и она волновалась и наслаждалась этою красотой, расспрашивала о таких дамах, покупала «примерные карточки». Все это было начиная от 14-ти лет; когда же у нее самой начали вырастать груди, образовался бюст, то вот у себя этих признаков женщины она не выносила. И когда раз она была внезапно снята (в домашней фотографии) в домашнем платье, без корсета и с заметным выделением грудей, — то, отказавшись взять снимок, с отвращением произнесла: «Не могу видеть у себя эти отвратительные куски мяса» (о грудях). Вот родник, что содомитянки-хлыстовки-скопчихи отнимают (вырезают) у себя груди. Тут не религия родила физиологический факт, а физиологический факт содомии родил из себя религиозную секту — хлыстовство и скопчество. В. Р-в.]; но я опасался думать об этом, хотя знал, что не убоюсь бы кастрационного ножа для достижения своей цели. Если бы мне пришлось ответить, почему я предпочитал женскую одежду, я сказал бы: меня неодолимо влечет к этому; быть может, я и казался самому себе скорее девушкой, ввиду удивительно нежной кожи, особенно лица и рук. Среди девушек я был желанным гостем. Хотя и мне нравилось их общество, но я избегал их, потому что мне приходилось пересиливать себя, чтобы самому не казаться женственным. Однако в душе я завидовал им. Особенную зависть вызывала у меня подруга, которая получила длинное платье[126 – Поразительно! Вот врожденный gallus древности. Но до чего тупы медики (см. Пеликана: «Медицинское исследование о скопчестве»), которым ни разу не пришло на ум соединять скопчество религиозное с этим фактом в натуре человечества, что некоторые в нем рождаются предназначенными к оскоплению, суть ex nascente [по происхождению — лат.] религиозные galli. В. Р-в.] и ходила в перчатках и со шлейфом.

Когда я на 15-м году совершил путешествие, одна дама предложила мне переодеться девушкой и выйти с нею погулять. Несмотря на все желание сделать это, я не согласился, потому что эта дама была не одна. Я с удовольствием смотрел в это время, как в одном городе мальчики ходят в блузах с короткими рукавами и обнаженными руками. Одна разодетая дама показалась мне прямо богиней; я был бы счастлив, если бы она прикоснулась ко мне своей рукой; я с завистью думал о том, с какой радостью оделся бы в эту прекрасную одежду.

Тем не менее я прилежно занимался, окончил реальное училище и гимназию в 19 лет, хорошо выдержал экзамен на аттестат зрелости. Я помню, на 15 году я впервые высказал своему другу желание быть девушкой. На вопрос, почему именно, я ничего не мог ответить. На 17-м году я попал в общество кутил; я пил много пива, курил, заигрывал с продавщицами. Последние охотно знакомились со мною, но относились всегда ко мне так, словно и я сам был в юбке. Уроков танцев я не мог посещать.

Я мечтал о том, как счастлив я был бы, если бы я был девочкой. Я вспоминаю с чувством нежности о красивом друге с женоподобным лицом и темными локонами[127 – К истории литературы и вообще культуры. Кто же не обращал внимания, что лицо Рафаэля, безбородое и такое нежное, есть прекраснейшее лицо девушки; и почти так же прекрасно, как лицо Рафаэля, лицо *terribile dictu* [страшно вымолвить — лат.] Чернышевского (см. чудный его портрет в «Вестнике Европы», октябрь 1909 г.), проводившего в «Что делать» теорию о глупости ревнования своих жен: на самом же деле, конечно, теорию о полном наслаждении мужа при «дружбах» его жены, причем муж втайне, в воображении, уже наслаждается красотой и всеми формами жениного «друга». Значение Чернышевского в нашей культуре, конечно, огромно. Он был 1/2 — уринг, 1/4 — уринг, 1/10 — уринг. В. Р-в.]. Мне помнится, я очень желал, чтобы мы оба были девушками.

Будучи студентом, я, наконец добился однажды *coitus'a*. *Hoc modo sensi, me libentius sub puella concubuisse et penem meum cum cunno mutatum maluisse*[128 – Следуя привычным ощущениям, я с удовольствием лег под девицу и предпочел бы поменяться с нею детородными органами (лат.).]. Девица, к своему изумлению, должна была обходиться со мной, как с девушкой, на что она охотно согласилась (она, видимо, была еще неопытна и не смеялась надо мною).

По временам я бывал дик, но чувствовал всегда, что я при этом только маскируюсь. Я пил, буянил, но все же на уроки танцев не мог являться, боясь выдать себя. Дружба моя была искренняя, без задних мыслей. Особенно радовался я, когда товарищ маскировался дамой или когда я мог оценивать дамские костюмы на балу. Я отлично понимал в этом деле и постепенно начинал даже чувствовать, как женщина.

Два раза я покушался на самоубийство вследствие несчастных связей. Однажды я без всякой причины не спал 14 дней, много галлюцинировал, говорил в бреду с живыми и мертвыми.

Была у меня и подруга, знавшая мои склонности; она одевала мои перчатки, но обходилась со мной, как с девушкой. Я понимал женщин лучше всякого мужчины, и когда они узнавали это, со мной обходились, как с подругой. Я не переносил сквернословия. Вечно мне

оставалось непонятным одно: я знал, что у меня женские наклонности, но знал ведь и то, что я — мужчина; я сомневался лишь, нравилась ли мне когда-нибудь женщина, помимо моего желания быть таковой и помимо попыток к совокуплению, которое, между прочим, не доставляло мне удовольствия.

Изучение акушерства давалось мне с трудом (я стыдился за девушек-пациенток и сочувствовал им). Во многих случаях я выказывал себя опытным врачом. Совершил в качестве вольнопрактикующего врача поход. Верховая езда, которая была мне противна уже во время студенчества, тяготила меня, так как половые части вызывали при этом более женственное чувство.

Я постоянно полагал еще, что я — мужчина с неопределенными чувствами. Я никогда не чувствовал себя удовлетворенным, испытывал вечные огорчения, витал между сентиментальностью и дикостью, которая по большей части была аффектирована.

Своеобразно шло дело с моей женьбой. Охотнее всего я вообще не женился бы. Но этого требовали мое семейное и общественное положение. Я женился на прекрасной, энергичной женщине из семьи, где процветало женское господство. Я был влюблен в нее настолько, насколько может наш брат: то, что он любит, — он всем сердцем любит; невесту любит со всей свойственной ему женственной глубиной, почти как жениха. Я рассчитывал, что брак излечит меня. Но уже в первую брачную ночь я чувствовал, что я функционирую, как женщина с мужским строением.

В общем мы жили счастливо и в мире, около двух лет были бездетны. Затем, после тяжелой беременности, родился мальчик, который и до сих пор меланхоличен. Потом второй — вполне здоровый, потом третий, четвертый, пятый. Все расположены к неврастению[129 — Худо выходят дети. Вне «предназначения»... Но случай особенно важен тем, что полу-«девушка» даже зачала в девушке: слабо и почти с отвращением. В. Р-в.]. Так как я не находил себе нигде места, то я часто посещал веселое общество, много работал, делал эксперименты, оперировал. Свои супружеские обязанности я, во всяком случае, выполнял, но без всякого удовлетворения. С первого coitus'a и до сих пор мужское положение при этом мне противно и слишком тягостно.

Охотнее я занимал бы положение жены. Мы жили вместе, пока сильное заболевание ревматизмом не заставило меня разъезжать по различным курортам. Одновременно я стал до того анемичен, что почти каждые два месяца мне приходилось принимать железо. Часто меня мучила стенокардия, затем развились односторонние судороги в подбородке, шее, носу — гемикрания, судорожные сокращения грудных мышц и диафрагмы. Три года тому назад меня поразило чрезвычайно сильный припадок артрита.

Еще до этого припадка я принимал горячие ванны. При этом случилось раз, что я вдруг почувствовал перемену, словно я был близок к смерти. Я собрал последние силы, выскочил из ванны, но почувствовал себя совершенно женщиной с libido. Позднее, когда явился Extr. cannabis ind[130 — Экстракт конопли для введения (лат.)], я принял три-четыре дозы, потом принял дозу гашиша, — у меня явился судорожный смех, своеобразное чувство в мозгу и глазах, миллиарды искр, проникающие от мозга через всю кожу. Но я все же еще мог заставить себя говорить.

Я вдруг увидел себя с ног до груди женщиной; я чувствовал, как раньше в ванне, что половые части видоизменились, что таз расширился, груди увеличились, ненасытная похоть поработила меня. Тут я закрыл глаза и, по крайней мере, не видел измененным лица. Врач, казалось мне при этом, имеет вместо головы гигантскую картошку, у моей жены была на туловище луна. Но все же я был еще настолько крепок, что, когда оба они вышли на несколько минут из комнаты, я тотчас записал в свою записную книжку мою последнюю волю.

Кто опишет мой ужас, когда я на следующее утро почувствовал, что совершенно превратился в женщину, когда я при хождении и стоянии чувствовал вульву и груди!..

Когда я, наконец, встал с постели, я чувствовал, что со мной произошло полное превращение... За время этой болезни у меня была масса галлюцинаций слуха и зрения[131 — Все это — не причина, а последствие громадного преобразования! «Звенит в ушах», «искры из глаз сыплются», когда человек, в сущности, пролетает, — но внутренне, организационно — миллиарды миль, межзвездные пространства!! В. Р-в.], я говорил с мертвыми и т. д., я видел и слышал дух родных[132 — Поразительно! И прямо чудо! Ведь он, в самом деле «умерев» и «воскреснув», слышал голос мертвых, и чувствовал все, и женское, родство. «Во мне будто легионы ходят и пролетают звезды», мог бы он о себе сказать. В. Р-в.], чувствовал себя двойственной личностью, но все-таки не замечал еще, что мужчина угас во мне. Изменение моей психики было счастьем, так как меня поразило удар, который при прежнем моем настроении оказался бы для меня смертельным.

Так как я часто еще смешивал явления неврастения с ревматизмом, то я не оставил пользоваться ваннами, пока кожный зуд усилился до того, что я бросил всякую наружную терапию (я становился все анемичнее от ванн) и закалял себя, насколько возможно было. Но женская, внедвигавшаяся в меня мысль осталась и до того окрепла, что я носил только маску мужчины, в действительности же во всех отношениях чувствовал себя женщиной, а воспоминания о прежнем исчезли. Окончательно подорвала мое здоровье инфлуэнца.

Status praesens[133 — Настоящее состояние больного (лат.)]. Я высокого роста; седая борода; становлюсь сутуловатым; после инфлуэнцы утратил четверть своей силы. Лицо, ввиду порока клапанов, несколько покрасневшее; хронический конъюнктивит; скорее мускулист, чем тучен; левая нога имеет варикозные расширения, часто немеет; утолщения не заметно еще, но склонность к этому есть.

Маммилярная область заметно выдается; живот имеет форму женского живота, ноги имеют женственное строение, икры — также, то же самое надо сказать о руках. Могу носить женские чулки и перчатки 7 3/4—7 1/2. Также без труда ношу корсет. Вес колеблется между 168 и 164 фунтами. В моче нет ни белка, ни сахара; мочевиная кислота выше нормы; цвет мочи прозрачный. Стул по большей части правильный; если же стула нет, наступают все женские припадки запора. Сон плохой, подчас неделями сплю кряду лишь 2—3 часа. Аппетит хорош, но в общем желудок перенослив не больше, как у здоровой женщины, и на острую пищу реагирует тотчас кожными высыпаниями и жжением в мочеиспускательном канале. Кожа белая, гладкая; невыносимый зуд в ней явился около двух лет назад, за последние недели ослабел, обнаруживается еще в коленном суставе и в мошонке.

Склонность к потению. Испарения, которых раньше почти не было, носят теперь характер довольно сильных женских испарений, особенно внизу живота, так что мне приходится еще больше женщины следить за чистотой (душу платок, пользуюсь душистыми мылами,

одеколоном).

Общее самочувствие. Я чувствую себя женщиной в образе мужчины. Если я иногда и чувствую еще форму мужчины, то данный член все же чувствуется женским, например, penis как клитор, мочеиспускательный канал как уретра и вход во влагалище (он кажется мне постоянно влажным, хотя и сух); мошонка — как labia majora[134 – большие губы (лат.)]. Словом — я всегда чувствую вульву. А что это значит, может знать лишь тот, кто сам это испытал. Вся кожа на всем теле воспринимает ощущения, как у женщины; я не могу ходить без перчаток, потому что руки не переносят ни холода, ни жары. В такое время, когда не принято, чтобы мужчины носили зонтик, я чувствую крайне неприятное ощущение в коже лица.

Просыпаясь по утрам, я несколько минут не могу очнуться, я словно ищу самого себя, а затем является насильственная мысль, что я — женщина. Я чувствую вульву. И я встречаю день глубоким вздохом, зная, что предстоит опять все то же. Не шутка чувствовать себя женщиной, а вести себя, как мужчина. Я все должен снова изучать. Ножи, аппараты — все, все решительно — я чувствую года три совершенно иными, и, при изменившемся мышечном чувстве, должен заново знакомиться с ними[135 – Поразительно! — изменилась душа с изменением пола. Не ясно ли, что душа есть только функция пола, что пол есть ноумен души, как своего феномена. Точнее, пол — невидимый, бесцветный, неосязаемый — есть сотворяющий душу и тело с его формами. И пошлые медики пропустили этот случай, это «открытие радия», которое они описали равнодушно, как полицейско-судебный случай или как «куръез». Болваны, — при встрече с Сократом они записали бы только: «Весит 4 пуда 10 фунтов». В. Р-в.]

Все мне удалось, за исключением некоторых деталей. Зато острой ложкой работаю гораздо лучше. Противно мне то, что при исследовании женщин я слишком сочувствую им. Некоторое время меня мучило насильственное чтение мыслей у обоих полов, с чем и теперь приходится бороться.

Три года тому назад я еще бессознательно смотрел на мир женскими глазами. Такое изменение явилось почти внезапно в отношении n. opticus[136 – зрительного нерва (лат.)] к мозгу и сопровождалось сильной головной болью.

Я был у женщины, страдавшей половым извращением. Тут-то я вдруг увидел, что в ней произошло такое же превращение, как и во мне, т. е. что она чувствует себя мужчиной. И в сравнении с ней я чувствовал себя женщиной. Она не знала еще о своем состоянии.

С тех пор все мои чувства проявлялись в женской форме. К церебральной системе почти непосредственно присоединилась вегетативная, так что все припадки носили женский характер. Чувствительность всех нервов, особенно слухового, обонятельного и тройничного, возросла до нервозности. Стук окна заставлял меня содрогнуться; не абсолютно свежая пища вызывала у меня трупный запах.

Но зато со времени этого превращения я легче переносил зубную боль и мигрень и меньше страдал при стенокардии. Удивительно: я чувствовал себя робким, слабым существом, но в случае угрожающей опасности был хладнокровен и спокоен, как и при тяжелых операциях.

Как ни малы были мои грудные соски, но я все же чувствовал их женскими грудями, — сорочка, сюртук, блуза стесняли меня и производили теперь неловкость. Таз казался мне совершенно женским. Я чувствовал давление в талии. Каждый месяц у меня в течение 5 дней были все molimina (сопутствующие регулам недомогания), как у женщины; только кровей не было, хотя было ясное ощущение, будто отходит жидкость, будто половые части опухают. В последующие затем два дня является весьма сильное ощущение; все тело охвачено чувством потребности в оплодотворении, оно пропитано им, как сахар пропитывается водой, или как мокрая губка. Очевидно, сначала нуждающаяся в любви женщина, а уж затем — мужчина; оттого, мне кажется, скорее имеется стремление к зачатию, чем к совокуплению[137 – Вот глубокий ответ всем моралистам, которые, судя девушек за детей, всегда кричат, что они родили по «развратному влечению» к совокуплению: тогда как, наоборот, они совокупаются в силу неодолимой потребности к зачатию! Совсем разная оценка факта: из имморального он переходит в глубоко моральный, в исполнение воли Божией и закона природы. В. Р-в.]. За последние три года я чувствую себя во время совокупления пассивно, как женщина, иногда даже с женским ощущением эякуляции. Чувствую после этого себя утомленным и оплодотворенным, как женщина, — иногда даже нехорошо, чего не бывает у мужчины. Несколько раз совокупление доставило мне такое наслаждение, что я ни с чем не могу это сравнить. Это — приятнейшее, наиболее сильное чувство, которому все может быть принесено в жертву. В этот момент женщина есть одна лишь vulva, поглотившая всю личность...

За последние три года я ни на одну минуту не переставал чувствовать себя женщиной. Теперь я уже привык, и мне не так тяжело. Но это в спокойное время. Когда же является потребность в половом удовлетворении, положение становится невыносимым. Чувствуется жжение, теплота, напряженность в половых частях (при отсутствии эрекции, половые органы как бы выходят из своей роли). В это время крайне трудно работать, невозможно ни сидеть, ни лежать, ни ходить.

Брак наш, за исключением минут совокупления, производит такое впечатление, будто совместно живут две женщины, из которых одна маскируется мужчиной. Когда у меня не являются описанные периодические molimina, то является чувство беременности или полового пресыщения, которого мужчина не знает. При эротических сновидениях преобладают явления, какие снятся женщинам. Все это ужасно тяготит, и уж лучше быть или сделаться бессильным. Будь я холостой, я давно кастрировал бы у себя яички, мошонку и детородный орган[138 – Какое поразительное признание, до конца и глубины объясняющее религиозное оскотление («галлы» древности, наши «скопцы», «белые голуби»)! И медики, коим правительственно предлагалось объяснить скопчество (см. монографию д-ра Пеликана), не воспользовались этим и такими фактами. Впрочем, в медицине, кажется, вовсе нет литературы об «андрогинах», не помню ни одной диссертации. Полное неведение, но совершенно младенческое. В. Р-в.]. К чему все это женское ощущение удовольствия, когда зачатие невозможно? К чему все эти побуждения женской любви, когда для удовлетворения опять необходима женщина? Как тягостны эти женские испарения! Как унижает мужчину пристрастие к одежде и украшениям! Да и вообще, как тяжело, когда прежнюю индивидуальность приходится чувствовать лишь как маску, чувствовать себя всегда женщиной! Когда мужчина, пользующийся общественным доверием и авторитетом, должен возиться со своей, хотя бы только воображаемой, вульвой!

Помимо того приходишь в замешательство, когда кто-либо случайно заметит женское проявление чувства. Я помню, как испугался

однажды, когда моя жена сказала знакомой даме, что я отлично понимаю в женских туалетах. Помню, как была поражена одна светская дама, когда я указал ей на неправильное воспитание дочери, и при этом письменно и устно изложил ей все, что может чувствовать женщина (впрочем, я сказал, что узнал все это из писем). Теперь, когда дочь оказалась действительно хорошо воспитанной, эта дама питает ко мне еще большее доверие.

Надо еще заметить, что я с тех пор стал чувствительнее к температурным колебаниям, к эластичности кожи у пациентов, к напряжению внутренностей у них, и что во время вскрытий и операций разные жидкости легче проникают у меня через кожу. Каждое вскрытие причиняет мне боли, каждое исследование проститутки или женщины, страдающей болями, тягостно мне. Я вообще нахожусь теперь под сильным влиянием симпатии и антипатии. Духи влияют на меня разно. Так, напр., фиалка и роза причиняют мне беспокойство, другие запахи противны мне, иланг вызывает у меня непреодолимое половое возбуждение. Прикосновение женщины кажется мне однородным; coitus возможен потому, что жена моя несколько мужественнее меня, обладает более плотной кожей, и все же это скорее лесбосская любовь.

При этом я чувствую себя всегда пассивно. Если я ночью не могу спать от возбуждения, то мне удастся заснуть лишь, si femora mea distensa habeo, sicut mulier cum vir consumbens[139 – Если бедра мои расставлены, как у женщины, совокупляющейся с мужчиной (лат.)] или если я ложусь на бок; но при этом ни рукав, ни постель не должны касаться груди, иначе я не засну; точно так же и живот не должен быть прижат. Лучше всего я сплю в женской сорочке и в перчатках, ибо у меня легко зябнут руки. Приятно мне также в женских панталонах, так как они не прикасаются к половым органам. Больше всего мне нравилась женская одежда во времена кринолинов.

Наибольшее удовольствие я получил от знакомства с дамой, которая страдала неврастенией и которая после последних родов стала чувствовать себя, как мужчина.

С тех пор, как я объяснил ей значение этого чувства, она старается воздерживаться от coitus'a. Глядя на нее, мне легче переносить свое состояние. Будь она мужчиной, а я молодой девушкой, то именно она была бы избранницей моего сердца. Но теперь она была не то, что раньше; она — элегантно одетый господин, несмотря на груди, прическу и т. д.[140 – Удивительно! Прямо прилагать в виде картинки к «Истории религий», как иллюстрацию финикийской Venus Barbatus. И поразительно, что здесь преобразование наступило после родов. В. Р-в.] Она говорит кратко и отчетливо; ей не нравится все, что меня забавляет. Свое горе она переносит с достоинством, находит утешение в религии и выполнении долга; она не любит женского общества и женских бесед, а также не любит сладостей.

Что касается основных изменений, какие я заметил в себе со времени полной effeminationis (превращения в женщину), то они таковы:

1. Постоянное чувство, что я — женщина с головы до ног.
2. Постоянное чувство, что у меня женские половые органы.
3. Периодичность ежемесячных molimina.
4. Правильно возникающая женская похотливость, но без влечения к определенному мужчине.
5. Пассивное женское ощущение при совокуплении.
6. Женское ощущение при воображении совокупления.
7. При виде женщин чувство принадлежности к ним.
8. При виде мужчин женское отношение к ним.
9. При виде детей — тоже.
10. Изменившееся настроение, значительно большее терпение.
11. Удавшаяся мне, наконец, покорность судьбе, чем я обязан только церковной религии, — иначе я давно наложил бы на себя руки...

У меня не все сказано, но я не в силах здесь продолжать свои размышления и углубиться еще более в самого себя... Я надеюсь, что раз я выполняю свои обязанности врача, гражданина, отца и мужа, то я вправе причислить себя к разряду людей, заслуживающих не одного лишь презрения. Наконец, я хотел изложить результат моих воспоминаний и моего размышления, чтобы доказать, что при женском образе мыслей и чувств можно быть врачом. Я считаю крайне несправедливым закрывать женщине путь к медицине. Женщина подчас угадывает чутьем там, где мужчина, несмотря на диагностику, бродит впотьмах, особенно в женских и детских болезнях. Если бы зависело от меня, то каждый врач должен был бы несколько месяцев проделать effematio. И тогда он лучше понимал бы ту половину человечества, от которой он происходит. Он умел бы ценить величие женской души и постигал бы жестокость судьбы ее»...

«Спустя три года, — пишет Крафт-Эбинг, — этот субъект прислал мне новый status praesens своего образа мыслей и чувств. Он существенно соответствует прежнему. Физически и душевно он чувствует себя, совершенно как женщина, но его мыслительная способность осталась нетронутой и предохраняет его от rapanoia. Фактически не произошло существенных перемен в состоянии этого, все еще практикующего врача до 1900 года».

Такой же случай превращения из одного пола в другой — так сказать, физиологический кусок религиозных культов Сирии — Крафт-Эбинг рассказывает относительно женщины:

«Госпожа X., дочь важного чиновника. Будучи девочкой, X. имела решительные наклонности к спорту мальчиков. Пока она носила короткие платья, она бегала по полю, взбиралась на скалы. Ее решительно не интересовали наряды и украшения. Только раз, когда ей сделали платья мужского покроя, она испытала большую радость. Она также была чрезвычайно довольна, когда ей пришлось раз в

спектакле изображает мальчика. В остальном, однако, ничто не обнаруживало homosexual'ного прерасположения. До свадьбы (21-го года) она не запомнит случая, когда у нее явилась бы склонность к особе собственного пола. Так же безразличны были для нее и субъекты мужского пола. Когда она стала взрослой, у нее было много поклонников, которые льстили ей, но тем не менее она никогда не задумывалась о различии полов. Различие для нее состояло только в одежде. На единственном балу, который она посетила, ей нравились лишь остроумные беседы и хорошее общество, но не танцы и не танцующие[141 – Прямо наши 60-е годы! Вся тогдашняя «буря» вышла из стакана homosexual'ности. См. выше о Чернышевском. В. Р-в.]. Менструации без боли явились на 18-м году. Госпожа X. чувствовала, что менструации нечто ей несвойственное, тягостное. Обручение со статным, богатым господином, решительно не знавшим женской натуры, было для нее делом совершенно безразличным. К браку она не чувствовала ни симпатии, ни антипатии. Супружеские обязанности сначала причиняли ей страдания, затем стали тягостны. Никогда у нее не являлось при этом чувства сладострастия, но она с течением лет родила 6 детей. Когда супруг, во избежание дальнейшего деторождения, пользовался coitu interrupto, она чувствовала себя оскорбленной в своем моральном и религиозном чувстве.

X. становилась все неврастеничнее, грустнее, чувствовала себя несчастной. Гинекологическое лечение и различные ванны не доставили ей никакого улучшения. На 36-м году у нее однажды явился апоплексический удар, и она пролежала два года, испытывая тяжелые неврастенические страдания (бессонница, давление в голове, сердцебиение, психическая подавленность, чувство нарушения физического и умственного равновесия до чувства угрожающего умопомешательства и т. д.). В течение этой болезни произошло удивительное превращение в ее душевном и физическом чувствовании. Разговоры навещавших ее дам о любви, туалетах, модах, хозяйстве, слугах — были ей противны. Ее даже угнетало то, что она сама — женщина. Она не могла решиться взглянуть на себя в зеркало. Прическа и туалет ужасали ее. К удивлению окружающих, ее нежные и красивые женские черты лица получили мужское выражение, так что она скорее производила впечатление мужчины в женской одежде. Она жаловалась своему домашнему врачу, что менструации стали ей чужды, вызывают у нее тяжелое настроение, что запах менструальной крови стал ей отвратителен, но она не может прибегнуть к духам, потому что и они противны ей.

Она почувствовала теперь удивительное превращение во всем своем существе. Она заметила приток физической силы, и, проделав гимнастические упражнения, ей казалось, что она помолодела. Она поражается тому, как изменилась ее мыслительная способность; у нее явился совершенно новый способ выражаться, соображать быстро и метко, самый выбор слов совершенно не женский. У нее, столь набожной и строго нравственной женщины, явилась даже склонность ругаться.

Она упрекала себя в том, что ведет себя, думает, чувствует совсем не как женщина.

Затем она почувствовала превращение в теле. К своему изумлению, она почувствовала, что груди исчезают у нее, что таз ее сузился, что кости становятся массивнее, кожа грубее и плотнее. Она не могла уже носить ни браслетов, ни колец, ни серег, ни веера. Камеристка и швея заметили, что от г-жи X. чувствуется как бы другой запах, что голос ее стал ниже, грубее, мужественнее.

Когда пациентка встала, наконец, с постели, оказалось, что она совершенно утратила женскую походку; она буквально должна была принуждать себя к известным жестам и движениям в своем женском костюме; она больше не в силах была переносить шлейф. Прежняя жизнь в качестве женщины казалась ей теперь чуждой, несвойственной ей, и она не могла больше играть роль женщины. Черты лица становились все мужественнее. В животе явились совершенно чуждые ощущения. Она жаловалась врачу, что не чувствует больше внутренних половых органов. Область срамных частей, казалось ей, увеличилась, она часто ясно чувствовала, что у нее имеется penis и scrotum. Так же ясно обнаружилась мужская похоть.

Все это сильно угнетало ее, и ее грусть доходила до того, что она боялась помешаться. Врачу удалось успокоить ее, и пациентка постепенно снова достигла равновесия в своем новом, чуждом состоянии. Она старалась исполнять свои обязанности матери и хозяйки. Интересна была поистине мужская сила воли, которую она при этом обнаружила; прежняя слабохарактерность совершенно исчезла.

Для своего мужа X. была неразрешимой загадкой.

Врачу она жаловалась, что время от времени у нее является животная, мужская похоть, и это повергает ее в уныние. Половое сношение с мужем казалось ей ужасным и невозможным[142 – Типичное представление о нормальном половом акте г. Фози и в аскетической литературе. В. Р-в.].

Порой пациентка испытывала еще женское возбуждение, но это становилось все реже[143 – Поразительно! Колебания пола в одном индивидууме! Точно переливы света в гейслеровых трубках. В. Р-в.]. Она тогда снова чувствовала женские половые органы, прежние груди. Но такие моменты были ей противны, и ей казалось, что это второе превращение сведет ее с ума.

Она покорилась судьбе, в чем много помогла ей глубокая религиозность.

Самое неприятное во всем этом для нее то, что ей, подобно актеру, приходится играть чужую роль перед людьми, именно роль женщины» (Крафт-Эбинг, стр. 312—330).

Самоотрицание пола

Выражение врача и акушера: «Я кастрировал бы у себя органы воспроизведения, более не нужные», — объясняет с такой полнотой первоначальные и оригинальные явления самооскопления, что ничего другого, кроме рассказа этого врача, не нужно прибавлять, не нужно ничего искать. Очевидно, эти и близкие к этому явления в текущем поле и вызвали все древние и новые случаи оскопления. С тем вместе нельзя не почувствовать, что такой носитель живого чуда в себе, который чувствует в себе то, чего не видит и не осязает, а что видит и осязает — того не чувствует, должен быть глубочайше потрясен, взволнован, испуган вечным испугом. И, как каждый человек в подобном положении, он не может не обратиться к Тому, Кто вековечно служил человечеству и опорой, и утешением; не может не обратиться в этом по преимуществу метафизическом состоянии к Первоисточнику всех метафизиков, всего непостижимого.

Подобные-то обращения к Богу людей, так или иначе аномальных в поле, в большей или в меньшей степени аномальных, не могущих

вести нормальную семейную жизнь, — не могли существовать, — и образовали весь аскетизм, как древний, так и новый, как языческий, так и христианский. Только в то время как в других религиях он занимал уголок, образовывал цветочек, — христианство собственно состоит все из него одного, с прибавками терпимыми, снисходимыми, полузаконными, и, в сущности, по строгой внутренней его мысли, — беззаконными.

Есть явления оригинальные и подражательные, вторые могут происходить по примеру, по учению. Но первые всегда происходят по природе. «Не могу иначе!» — вот крик природы, лежащий в основе и безмолвного жития, и учения, и пропаганды.

Мы приведем одно такое «житие» из Киевского Патерика. В нем сказывается это неодолимое «не могу», которое составителями «житий» было принято за «не хочу». Таким образом факт природы, неизвестный составителям житий, был принят за особенно глубокое, за особо чистое исповедание религии девства, или, точнее, — за исповедание религии, проистекшей от Вечного Неразрушимого и Ненарушимого Девства («присно-девства»).

Вот это «житие» текстуально:

«О преподобном Моисее Угрине

Вот что узвано было об этом блаженном Моисее. Он был родом Угрин, любимец святого Бориса и брат того Георгия, на которого этот князь надел золотую гривну и которого убили с ним на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот же Моисей один избавился тогда от горькой смерти и пришел к Предиславе, сестре Ярославовой. И как в то время нельзя было никуда выйти, он, крепкий душой, остался здесь и пребывал в молитве к Богу. Потом благочестивый князь наш Ярослав, побуждаемый горячей любовью к братьям-мученикам, пришел на безбожного и гордого и окаянного Святополка и победил его. Но этот бежал к Ляхам (полякам), пришел опять с Болеславом и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве. Болеслав же, возвращаясь в Ляшескую землю, захватил с собой обеих сестер Ярославовых и многих бояр его.

Между ними был и этот блаженный Моисей. И вели его закованного по рукам и по ногам в тяжкие железа и крепко стерегли его, потому что был он крепок телом и прекрасен лицом. И увидела его, прекрасного и юного, одна молодая женщина. Была же она из великих земли той, имела большое богатство и власть. И залегла ей в душу красота его, и уязвилось сердце ее страстным желанием, чтобы склонить к тому же и Преподобного, она стала увещевать его лъстивыми словами, говоря:

— Зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий?

Моисей же сказал:

— Так Богу угодно.

Она же сказала ему:

— Если покоришься мне, я избавлю тебя и сделаю великим во всей земле Ляшской. И будешь ты владеть мной самой и всю область моей.

Понял блаженный желание ее нечистое[144 — «Почему «нечистое»? Совершенно чистое, — как у Евы при взгляде на Адама. Все взято из «Киевского Патерика», собрания житий «святых» Киевских Пещер. Все с XIII—XV века давалось в поучение, в «просвещение», русскому народу младенцу, который жевал ту пищу, какую ему вкладывали в рот. Между тем пища эта вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: «Оплодотворяйтесь! размножайтесь!» По духу этого отрицания, «святые» Пещер были хоть и наивные (и невинные), однако богоборцы. А «Патерик» был и остается книгой богоборческою. И он писан урнингом-безбрачником, и в нем писано об урнингах же, каковым несомненно был этот Моисей. В. Р-в.] и сказал ей:

— Но кто же, взявши жену и покорившись ей, сохранил[145 — Да Исаак, сын Авраама, был не только женат, но и «покорен жене», и — сохранил закон. Женатый Авраам был один из человечества избран Богом в завете с Собою, чего еще не случалось ни с одним монахом. Но смотрите, как самоуверенно пишет монах-урнинг: выражает натуру свою, и хотя в каждом слове отрицает и порицает все Св. Писание, но ему кажется, что он пишет что-то «божественное». В. Р-в.] закон? Покорился жене Адам первозданный и из рая изгнан[146 — Да он «изгнан» был ни в каком случае не за жену, которую дал ему Бог, а за преслушание заповедания Божия о невкушании плода от древа познания добра и зла. Если Ева, жена, дала ему этот плод и под пером монахов это обращено в аргумент против женитьбы, то ведь доказали ли они, что Змий не соблазнил бы одного Адама, и без его женатости? Если перед Евою не устоял Адам, то почему он устоял бы перед Змием? Змий похитрее Евы, — а Адама он все равно стал бы искушать, потому что ему надо было склонить и не Адама, и не Еву, а — человека. Продолжи монахи глупую мысль свою, и они дошли бы до необходимости доказывать «греховность земледелия»: ибо первый убийца на земле, Каин, — был земледелец, и Бог даже определенно отверг жертву его, как и принесенную от плодов земледелия. В. Р-в.] был. Самсон всех превзошел силой, войска противников одолевал, а после женой предан был иноплеменникам. И Соломон постиг глубину премудрости, а повинувшись женам — идолам поклонился. И Ирод многие победы одержал, а поработился жене — и умертвил Иоанна Предтечу[147 — Какая ненависть к женам! И не взято ни одного примера обратного, ни Агарь, ни Ревекка, ни Рахиль. Все — забыто, все — закрыто ладонью от читателя, которым был целый народ! И еще Церковь, пропитавшая народ этим женоненавждением, постоянно учила, подводя глазки к небу, что она-то и есть «мать брака» (свящ. Филевский в письмах ко мне), что «только христианство вывело женщину из униженного положения, в каком она находилась у язычников и находится у мусульман» (С. А. Рачинский), что оно «подняло положение женщины». Монахини и игуменьи — да: но на жену и мать она только подняла мужнины кулаки. То-то церковь ни разу против этих кулаков не подняла протеста: не было примера. «Свое добро хорошо пахнет», — даже когда это и есть каиново «добро». В. Р-в.]. Так как же мне, свободному, самому сделать себя рабом жены? Я не познал ее от рождения[148 — Аналогия приведенным у Крафт-Эбинга примерам урнингов: которые вообще с молодости не совокупляются, «до брака — девственны» и, вступив в брак (случайно и нелепо), дивятся на совокупление, как на встреченного в лесу медведя. В. Р-в.].

Она же сказала:

— Я тебя выкуплю, сделаю знатным, господином над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим. Только исполни мою волю, удовлетвори страстному желанию души моей, дай мне насладиться твоей красотой[149 – Совершенно нормальное желание, естественное, святое, как Евы. В. Р-в.]. Для меня довольно твоего согласия. Не могу я сносить, что гибнет даром твоя красота[150 – Как основательно! Прямо — закон Божий: «Ты молод и прекрасен, и я не стара еще и не безобразна — давай размножимся по слову Божию, зачем прекрасных детей». Просто, как и все было открыто и просто в первобытные те времена. На что же злится монах? Ненавидя человека, замечаете ли, как ненавидит он Бога? В. Р-в.]. Пусть же утихнет сердечный пламень, сжигающий меня, и перестанут мучить меня помыслы[151 – «Помыслами», как известно, страдают все монахи («Покаянный канон» Андрея Критского, «Требник»)].

Благочестивая жена, пожелавшая себе мужем Моисея Угурина, и передает ему о «помыслах», этом начале греховных извращений пола; и если бы он сколько-нибудь имел в сердце своем любви к человечеству, сожаления о братьях своих, если бы он имел заботу о спасении души ее, то он принудил бы даже себя стать ее мужем в предупреждение развращения ее (мысленного). В Ветхом Завете неоднократно передано, как отцы взрослых дочерей, видя чрезмерное половое возбуждение мужчин города или села, говорили им: «Вот подождите, у меня есть дочь (чаще — дочери), еще не познавшая мужа, и я вам вышлю ее». В громадной стране со сложным населением, с подвижными заработками («отхожие промыслы») церковь, государство и общество должны бы любовно и согласно, без всякой «bonne mine», рассмотреть вопрос: как удовлетворить половую нужду этого вынужденно бродячего населения? И поставив этот вопрос, конечно, чиновники и мудрецы должны бы передать его в «комиссию из женщин» или хотя бы всему женскому скопищу. Женщины, которым врожден инстинкт материнства (верхней заботы, заботы сверху вниз) не в отношении одних собственных детей, а вообще, — без сомнения, не отвергли бы абсолютную необходимость как-нибудь ответить на эту «жажду». Теперь это разрешилось в проституцию, в укасный промысел, который обрел толпы ничуть не плохих девушек на невероятное унижение, позор, несчастье и болезни, связанные исключительно с удовлетворением этой бродячей нужды. Но чем эти девушки хуже других, что на них одних это пало? Несомненно, это должно быть совершенно переработано — и именно в смысле более правильного и равномерного распределения полового налога. С полным падением всех суеверий против деторождения и совокупления, брезжится, что это разрешилось бы в свободную (своеохотную) преданность этому всех незамужних и зрелых женщин. Вообще, бытие у некоторых и даже у многих женщин проституционного инстинкта, на разных степенях его напряжения, и полная неспособность всех таких женщин к верному и целомудренному сожитию с одним, не может быть лишена всякого смысла в природе, не может не играть какой-то тайной для нас роли в Космосе, в цивилизации, в истории. «Кому-то и они нужны», «где-то и у них есть место». «Место» это и падает именно на двигаемость и смешиваемость человечества; то, что оно не сидит, как два попугайчика в клетке, на одном месте, не может этого и не должно этого. А между тем каждые пять дней уже «нужна женщина мужчине». Для этих *homines errantes in rebus gaestis* [мужчины с бродячей нуждой — лат.] и сделан мировой запас в *feminae errantes in sexu* [женщины с проституционным инстинктом — лат.] В. Р-в.], и успокоится страсть моя. И ты насладишься моей красотой, и будешь господином всему имению моему, наследником моей власти, старшим между боярами.

Блаженный же Моисей сказал ей:

— Будь же уверена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и телесная[152 – Видите оклеветание брака у монаха? «Брак есть нарушение чистоты душевной и телесной», «брак оскверняет душу и тело», «брак есть скверна». И все это, в бесчисленных «Житиях», они подсказывают, шепчут народу, в то же время крича наружу: «Брак честен и ложе не скверно» (текст из ап. Павла), «мы благословляем брак», «венчаем», — приходите только и заплатите деньги, «брак — церковное таинство». И нашли же глупое государство, которое этому поверило. В. Р-в.]. Не погублю я труда пяти лет, которые Господь сподобил меня терпеть в этих оковах. Я не заслужил таких мук и потому надеюсь избавиться за них от мук вечных.

Когда Ляхиня увидела, что лишена такой красоты, то, по дьявольскому внушению, пришла к такой мысли:

— Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне.

И послала она к тому, кто держал Моисея, чтобы тот взял у ней денег, сколько хочет, только передал бы ей юношу. Он же, видя удобное время для приобретения богатства, взял у ней около тысячи и отдал ей Моисея. И насильно без всякого стыда повлекла блаженного на дело небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть над ним, и вот она велит ему сочетаться с собой. Она освобождает его от оков, одевает в многоценные одежды, сладкими кушаньями кормит, объятиями и всякими любовными обольщениями понуждает на свою похоть. Преподобный же, видя ее неистовство, стал еще прилежнее молиться, еще крепче держать пост. Он желал лучше, Бога ради, есть сухой хлеб и пить воду с чистой, нежели многоценное кушанье и вино с скверною[153 – Опять «скверна»... «Жена» — скверная, «женщина» — скверна, ласка ее или от нее — «скверна». Этим пропитано все «святоотеческое»; «святость» церковная и определяется этой «разделительной от женщин» чертой. Мы уже указали выше, в каком вкусовом ощущении лежит всего этого источник. «По плоду узнается дерево»... Но и обратно; «взглянув на дерево, уже узнаем, какой оно принесет плод...». В. Р-в.]. И не только одну сорочку, как Иосиф, он всю одежду сбросил с себя, избегая греха, и ни во что вменил жизнь здешнего мира. И в такую ярость пришла Ляхиня, что хотела голодом уморить его. Но Бог не оставляет рабов своих, надеющихся на Него. Он преклонил на милость одного из слуг ее, и тот тайно подавал Моисею пищу. Другие же увещевали Преподобного, говоря:

— Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, и она вдова, жившая с мужем только один год. И красотой она лучше других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Ляшской земле. Если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы не погнушался ею. А ты, пленник, не хочешь исполнить ее волю. Если же скажешь: «Не могу преступить заповеди Христовой», то не говорит ли Он в Евангелии: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью; так что они уже не двое, а одна плоть» (Матф. XIX, 5, 6). А Апостол говорит: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Коринф. VII, 9). Вдовам же велит вступать во второй брак. Зачем же ты предаешь себя на злые и горькие муки, из-за чего страдаешь, когда ты не иннок и свободен? Если придется тебе умереть в этой беде, какая тебе похвала будет? Да и кто же от первых людей и доныне гнушался жен... Как Авраам, Исаак, Иаков?.. Никто, кроме нынешних чернецов. Иосиф сначала победил, а потом и он женился. И ты, если теперь жив останешься, то сам взыщешь жены. И кто не посмеется твоему безумию? Лучше уж тебе покориться этой вдове, и будешь ты свободен и господин над всем.

Он же говорил им:

— Ей, братья и добрые друзья мои! Добро вы мне советуете! Понимаю я, что это лучше того, что нашептывал змей в раю Еве[154 –

какое сведение монахи: даже знают и то, что Змий нащепывал в раю. Там вслух, в словах, записанных в Библии, даже слова нет о плотском соединении Адама с Евой, для чего Ева и дана была Адаму; но в монастырях твердо распространено убеждение, что Змий «нащепывал» Еве плотски повлечь Адама к соединению с собой, а самое «яблоко» толкуется иносказательно, как «женская прелесть», «чувственность». Помогает этому то, что в раю, до грехопадения совокупления еще не было; но если бы Церковь заботилась о чистоте понимания Св. Писания, она взяла бы из Талмуда то простое объяснение этого, что райская жизнь первой четы продолжалась только один день. Прежде всего, Адам был уже не «дебелый мужчина», каковым нелепо рисуют его на иконах, а отрок на переходе в юношество. Сон его и сотворение Евы совершилось в ответ на первое его чувственное пожелание: не мог же допустить ему Бог «разжигаться» в раю, что есть грех даже и в падшем состоянии (слова ап. Павла). Подготовленный чувственностью к ней, Адам произносит известное любящее восклицание при первом взгляде на деву-жену. Он уже знает, что она — его, что она — жена, и произносит величайшую формулу брака, какая когда-либо была дана. Брак совершился бы и исполнение его в раю же последовало бы с первыми сумерками, как у всей твари, у всех людей, — если бы, вероятно в предвечерний час, не произошло соблазнение Евы Змием. Судя по словам Божиим, что «семья женщины живородящей станет стирать главу Змия» (слова эти перевераны и в русском и в славянском переводах Библии), — если и позволительно влагать какой-нибудь иносказательный смысл в слова Змия, абсолютно от нас сокрытый, то можно только думать, что, вопреки воле Божией, давшей Еву в совокупление Адаму, Змий задумал поманить ее новым путем, вот этим путем урнингства, ненарушимого девства, монашества, как бы путем Моисея Угриня и подобных. Так как рассказ Библии об Адаме и Еве в то же время есть образ всякого возрастания юношей и дев и их сочетания, — то мы можем отметить, что и отроки перед самым пробуждением чувственности (Адам до Евы), и девы в этот же предбрачный возраст, все испытывают узенький, короткий по времени, поясок гомосексуальности: это наши «влюбления институток в подруг своих», и подобные же чувства в мальчиках лет 15—16. Все, что в отношении к полу мог нащепывать Змий, то вот такое дево-мужнее: «Не плодитесь, не множитесь — но живите, как ангелы на небесах, любя друг друга девственною любовью». Нельзя, в параллель, не отметить, что гости Лота и были почувствованы содомлянами как «ангелы», и вообще муже-девы утверждают и настаивают (Платон в «Федре»), что их чувства по высоте духовности и необычайному даваемому счастью подобны «ангельским», дают им «ангельское состояние и блаженство». Все это надо отметить. Но так или этак, — Адам и Ева были к ночи уже изгнаны из рая, и совокупление их произошло вне его. Все, что можно думать об этом, это — что, исполнив заповедь Божию о размножении в раю же, т. е. поспешно, — они, по всему вероятно, избежали бы и изгнания из рая. Но они замедлили и были изгнаны: и только здесь, уже претерпя за отлагание выполнения Божьей воли, поспешили начать «стирать главу Змия». В подлинной Библии сказано: «И сказал Бог Змию: вражду положу между тобой и женщиной, и между потомством твоим и дитятею ея... И семья женщины сотрет главу тебе». В. Р-в.]. Вы убеждаете меня покориться этой женщине, но я никак не приму вашего совета. Если и придется мне умереть в этих оковах и страшных муках, я совершенно уверен, что приму за это милость от Бога. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу с женою спастись[155 – Вот голоса урнинга..., вот все исповедание, цельное исповедание муже-девства: «не могу с женщиной быть», «грех», «скверна для меня», «и не ссылайтесь на святых, на примеры, на тексты: все равно, не могу! не хочу! Моей природе это противно, враждебно, гадко!» В. Р-в.]. Да если бы Иосиф покорился жене Пентефрия, то не царствовал бы он после; а видел Бог терпение его и дал ему царство[156 – Все ведь это сочинение, фантазия: но так уверен урнинг, когда и врет («природа кричит»)! См. выше аналогичное вранье, — и тоже какое упоенное! — Вл. Соловьева, Л. Толстого и Фози о «девстве». В. Р-в.], и в роды прошла слава о нем, как целомудренном, хотя он и детей прижил. Я же не царства хочу и не власти; не хочу быть великим между Ляхами, почитаемым по всей Русской земле; для Вышнего Царства я пренебрег всем этим[157 – Прямо — знаменитые слова о скопчестве. Так вот в каком месте их корень... В. Р-в.]. Если я живой избавлюсь от руки этой женщины, то пойду в монастырь[158 – Вот, вот! Так вот где корень всех монастырей и всего монашества... Наивно и чистосердечно рассказанная история Моисея Угриня, с его столь ясно выраженной физиологической природой, поднимает завесу над всем делом, «Историю» эту надо бы выгравировать на меди и прибить к воротам всех монастырей. В. Р-в.]. А что Христос говорит в Евангелии? «Кто оставит отца своего и мать, и жену, и детей, и дом[159 – Да, все отношение Иисуса к браку уже было двойственно — и сперва ап. Павел, а затем и Церковь только продолжали эту двойственность. На переднем фазе — Брак в Кане Галилейской... «первое чудо»... «с людьми»... «на браке их». Затем, у Матф. 19, как будто подтверждение всего Ветхого Завета: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» и пр., — хотя эти последние слова и заключаются каким-то ненужным скопчеством, этой малостью фактической, о которой бы и упоминать не стоило, высказывая такой универсальный закон. Но упомянуто. Случайно? В каких целях? Неразгаданно. И затем говорится, как особенное Христово, как новое Христово, «христианское», вот это противоположение «Христово ученичества» — отцу, матери, жене, детям... Так сильно сказано. «Не может быть Моим учеником, кто не отрется»... Как бы: «По сему (отречению) будут узнавать, Мои ли вы» (ученики, последователи). И, наконец, совсем непостижимо это пламенное: «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но — разделение. Отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей» (Луки, XII). Все это слишком подробно, разделительно и так настойчиво, притом лично настойчиво, новозаветно («новый и другой завет»), что и у ап. Павла и у Церкви не могло остаться сомнения, что тут нужно между чем-то выбирать: между верностью Ветхому Завету или вот этому Новому Завету, между «Плодитесь! Множитесь!» и «Если вы станете плодиться и множиться — не можете быть Моими учениками...» Евангелие тем именно ни на какую книгу не походит, что оно, будучи человеком, в то же время не есть ни мужское, ни женское (характер «мужского» и «женского») мы можем открыть в каждой строке, всяком жесте, в каждом слове человеческого слова и движения). Уже слова Евангелия суть все до единого «как Ангелы на небесах»... «Любовь» же евангельская, это особая бесполоя любовь, небесно-спокойная, всем помогающая, «и добрым и злым», и от всех вместе с тем далекая, ни с кем определенно не сливающаяся (брак), и есть внеполое и обоюдное чувство, духовно-физическое, но страшно тонко-физическое. «Живут, как Ангелы»... Все, «как у Ангелов». В соответствии этому Иисус и мог только (Матф. 19) сослаться формально на заповедь Ветхого Завета: «плодитесь» и проч., но именно с этим «и прочее», равнодушно; когда же дело дошло не до ответа пристававшим на улице (Матф. 19), а до личного Его отношения, то Он и воскликнул: «Ни — жены, ни — детей, ни — невесток и свекровей. Мой огонь — другой! О, если бы он возжегся!!!». Такова была Его небесная природа... И взгляните на изображения его, все решительно, без исключения... В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прядями волос, во взоре задумчивом, кротком и нежном, — особенно нежном, — мы не увидим сходства ни с одним известным нам, фактически или исторически, лицом... Такого нет — мужа, ни — героя... «Не то, не то!» «Не тот! Не тот!» Но будем вглядываться дольше, будем вдумываться года. Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; ничего Геркулесовского (берем тип, идеал, образ, предел, грань). Станем еще смотреть, думать, сравнивать... Погрузимся в это годы... Станем изучать всевозможные Его изображения, всех эпох... Во всех эпохах «геркулесовского» — ничего. Но нет ли, не попадется ли обратное? Да, вековой наклон живописи все показывает нам одно и одно: девство, нежность, женственность, просвечивающую сквозь мужские признаки, почти только сквозь налет их, слабый, нетвердый. Но откуда же живописцы взяли свой наклон? Да из слова! Они линиями

разъяснили то, что казалось невероятным и неправдоподобным в рассказе...; они утвердили рассказ и вместе догмат. «Отца вовсе нет, и в сына могли перейти единственно черты матери-девы» (разъяснение мне, на мой вопрос «почему», М. П. Соловьева, великого знатока церковной живописи, о «девообразности» всех изображений Спасителя). «Две природы» в Нем... и «полнота в Нем человечности», закругленная, завершенная, чего и не может быть только в одном мужском или только в одном женском. Таким образом и тайная поэзия евангельского слова, слога, и твердый церковный догмат повелели так рисовать, соделали «сладким» такое рисование... С. А. Рачинский мне указывал в своей Татевской церкви совершенно безбородый Лик Спасителя, особенно им любимый, так как он несет в себе память самой древней традиции (живописной). Но когда все так нарисовалось, тогда все и разъяснилось... Мы поклоняемся Деве в Муже. В. Р-в.], — тот есть Мой ученик» (Лук. XIX, 26). Кого же мне больше слушаться — Христа или вас? Апостол же говорит: «Женатый заботится о мирском, как угодить жене, а неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу» (1 Кор. VII, 32, 33). Спрошу я вас: кому больше следует служить — Христу или жене? «Рабы должны повиноваться господам своим на благое, а не на злое» (Еф. VI, 5). Пусть же будет известно вам, держащим меня, что никогда не прельстит меня красота этой женщины, никогда не отлучит от любви Христовой.

Услышала это вдова та, и вот, с помыслом лукавым в сердце, сажает она Преподобного на коня, велит возить его со множеством слуг по городам и селам, принадлежащим ей, и говорит ему:

— Тут все, что тебе угодно, — твое; делай со всем этим, что хочешь.

Людям же говорила:

— Вот господин ваш, а мой муж. Чтобы все, встречая его, кланялись ему.

А в услужении у ней было множество рабов и рабынь.

Посмеялся Блаженный безумию этой женщины и сказал ей:

— Напрасно трудишься: не можешь ты прельстить меня тленными вещами этого мира, ни украсть у меня духовного богатства. Пойми это и не трудись напрасно.

Она же сказала:

— Или ты не знаешь, что ты мне продан? Кто избавит тебя от рук моих? Я никак не отпущу тебя живого; после многих мук смерти тебя предам.

Он же без страха отвечал ей:

— Не боюсь я того, что ты говоришь. Но на предавшем меня тебе — больше греха. С этих пор я буду иноком — Богу так угодно.

В те дни пришел со Святой Горы один инок, саном иерей. По наставлению Божию, пришел он к Блаженному и облек его в иноческий образ. Много поучал он его о чистоте — о том, как бы избавиться от этой скверной женщины, чтобы не предать себя во власть врага; и когда он ушел, стали искать его и нигде не нашли. Тогда Ляхиня, потеряв всякую надежду, пришла в отчаяние и подвергла Моисея тяжким истязаниям: велела растянуть его и бить палками, так что и земля напиталась кровью. Бьющие же говорили ему:

— Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если ты не послушаешься, мы на куски раздробим твое тело. Не думай, что избежишь этих мучений; нет, во многих и горьких муках предашь душу свою. Помилуй сам себя! Сбрось эти ветошки и надень многоценные одежды, избавь себя от ожидающих тебя мук, пока мы еще не коснулись твоего тела.

И отвечал Моисей:

— Братья! Не медлите, делайте, что вам велено. А мне никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. Никакое томление, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить от Бога и от великого ангельского образа. А эта бесстыдная и помраченная женщина явно показала свое бесстыдство; не только Бога не побоялась, но и человеческий срам презрела, без стыда принуждая меня к осквернению и прелюбодеянию[160 — См. выше у г. Фози... «Ляхиня» склоняла его не к сожитию с собой, а к форменному, законному, к церковному браку. Но он отвечал, как г. Фози и всякий урнинг: «Все равно — это есть скверна и прелюбодеяние». Из этих «обмолвок» на расстоянии тысячи лет, у простеца и ученого, как мы распознаем один корень дела, один вкус, одну физиологию! В. Р-в.]. Не покорюсь я ей, не исполню волю окаянной!

Сильно печалилась вдова о том, как бы отомстить за свой срам. И вот посылает она сказать князю Болеславу:

— Ты сам знаешь, что муж мой убит в походе с тобой, и ты дал мне волю выходить, за кого хочу. И полюбился мне один красивый юноша из твоих пленных. Я, заплативши за него много золота, выкупила его, взяла к себе в дом; и все, что было у меня, — золото, серебро и всю власть свою — отдала ему. Он же все это ни во что вменил. Много и ранами и голодом томила я его, но ему и того мало. Пять лет пробыл он в оковах у пленившего его, от которого я его выкупила; и вот, шестой год остается у меня, и много мук принял от меня за свое непослушание, сам на себя навлек это жестокосердием своим. А теперь какой-то чернец постриг его. Что же велишь мне делать с ним?

Князь велел ей приехать к себе и привезти с собою Моисея. Она пришла к нему и Моисея привела. Увидав Преподобного, Болеслав много принуждал его взять за себя эту вдову, но не уговорил, и тогда сказал ему:

— Можно ли быть таким нечувствительным, как ты! Стольких ты благ и такой чести лишаешь себя и отдаешься на горькие муки! Отныне будь тебе ведомо: перед тобой на выбор — жить или умереть; или волю госпожи своей исполнить, от нас в чести быть и великую власть иметь, или, послушавшись, после многих мук смерть принять.

Ей же сказал:

— Пусть никто из купленных тобою пленных не будет свободен. Делай с ними, что хочешь, как госпожа с рабами. И чтобы никто не осмеливался слушаться господ своих.

И сказал Моисей:

— А что говорит Бог: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою» (Марк. VIII, 36). Что ты мне обещаешь славу и честь? Сам ты скоро лишишься ее, и гроб примет тебя, ничего не имеющего. Эта же скверная женщина в злых муках убита будет.

Так и было, как предсказал Преподобный.

Теперь вдова эта взяла над ним еще большую власть и бесстыдно влекла его на грех. Однажды она велела насильно положить его с собой на постель, целовала и обнимала его; но и этой прелестью не могла привлечь на свое желание[161 – История, только другими словами рассказанная, попыток совокупить таких юношей с девами. «Ничего не выходило», — рассказывает Крафт-Эбинг. В. Р-в.]. Блаженный говорил ей:

— Напрасен труд твой. Не думай, что я безумный или не могу[162 – Нужно заметить, что «могу» здесь всегда неотделимо от «хочу», притом сладко «хочу». Моисею только казалось, что он «может»: но как это длилось год и он не «захотел», ни разу кровь его не заиграла при взгляде на молодость, на красоту, наконец в ответ на осязательные ласки, то совершенно очевидно, что кровь его была без игры в этом отношении, т. е. находилась в том вечном покое, какой присущ индивидуумам с «± 0» полового притяжения. См. выше о женатых и не совокупляющихся урнингах. В. Р-в.] этого сделать: я из страха Божия гнушаюсь тебя как нечистой[163 – Совсем г. Фози. В. Р-в.].

Услышав это, Ляхиня велела давать ему по сто ударов каждый день, а потом обрезать тайные члены, говоря:

— Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие.

И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша.

Болеслав же, устыдясь величества этой женщины, и по прежней любви к ней, потакал ей: он поднял великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из своей области. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. В одну ночь Болеслав внезапно умер, и сделался великий мятеж по всей земле Ляшской: поднялся народ и побил своих епископов и бояр, как и в Летописце рассказано. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к пресвятой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и храбрый воин Христов. И дал ему Господь силу против страстей. Некто из братьев, одержимый нечистой страстью, пришел к этому Преподобному и молил его помочь ему, говоря:

— Даю обет сохранить до смерти все, что ты велишь мне.

Блаженный же сказал ему:

— Никогда в жизни ни с одной женщиной слова не говори.

Брат обещался исполнить совет Преподобного с любовью. У Святого же в руке была палка, без которой он не мог ходить от тех ран. Этой палкой он ударил в грудь пришедшего к нему брата, и тотчас омертвели члены его, и с тех пор не было ему искушения.

Это вписано в Житии святого отца нашего Антония, так как в его время пришел блаженный Моисей. И скончался он о Господе в добром исповедании, пробывши в монастыре десять лет. В плену же страдал он пять лет в оковах, шестой — за чистоту[164 – Знаменитый термин Кондратия Селиванова — «чистота». Он этим термином называл «отсечение удов срамных», главный признак сектантов-скопцов. Но совершенно ясно, что все сообщество монашества есть бескровное скопчество; неотделимое от него по духу, оно невольно употребляет порой и термины скопческие. В. Р-в.]. Я упоминал об изгнании чернецов из Ляшской земли, за пострижение Преподобного, отдавшегося Богу, Которого возлюбил. Это вписано в Житии святого отца нашего Феодосия. Когда святой отец Антоний был изгнан князем Изяславом за Варлаама и Ефрема, жена князя, бывшая Ляхиня, удерживала его, говоря:

— И не думай делать этого. То же было некогда в нашей земле: изгнаны были черноризцы из пределов земли нашей, и великое зло сделалось тогда в ней!

Это было за Моисея, как мы написали прежде, говоря о Моисее Угрине и Иоанне Затворнике — о том, что сделал через них Господь во славу Свою, прославляя их за терпение и обогащая дарами чудотворения. Слава ему ныне и присно и во веки веков».

(Из «Киевского Патерика»)

•
○ *

Вся эта история, в картине своей, до поразительности совпадает с тем, что нам передают биологи о попытках слить муже-дев с женщиной. Непобедимое отвращение — то же, что *actus sodomiticus* для нас, нормальных, обыкновенных. И нельзя в сторону законодателей, медиков, родителей не заметить, что попытки «женить» (или выдать в замужество) этих субъектов «третьего пола» совершенно равняются преступным и ужасным попыткам содомировать их. Ибо для них наше-то полосоветание и есть «содом», «гадость», «невозможное». «Выйти замуж — это для меня равнялось бы сойти с ума, но не умом, а всем существом», — сказала мне, опустив голову, одна совсем молоденькая девушка, о которой я знал, что она — урнинг, а она полужнала, что я знал, и не открывала этого и не скрывала.

К этому порядку явлений должны быть отнесены все случаи беспутного супружества, т. е. когда двое супругов, вступив между собой в

брак, или вполне удовлетворяли девство, или очень скоро прекращали половое отношение, живя десятилетия последующей жизни без всякого полового общения. «Особый вид аскетического подвижничества, встречаемый среди мирян, — говорит русский переводчик к творению Иоанна Мосха «Луг духовный», — это — воздержание (читай: «отсутствие половых сношений») в браке. Этот обычай мы встречаем (читай: «это явление мы наблюдаем») с первых времен существования Христианской Церкви. Таковую жизнь вели: преподобный Аммон с супругою, св. Магна анкирская (г. Анкира в Галатии), благочестивый Малх, Анастасий и Феогния, Пелагий Лаодикийский с супругою, Юлиан и Василиса (285 г.), Конон Исаврийский и Мария (II век), Цецилия и Валериан, римский аристократ (230 г.), Захария-башмачник и Мария (III век)». Судя по неупоминанию против некоторых имен даже века, в котором они жили, явно, что все черты их подробной биографии затерялись во времени; но в памяти потомства сохранилась цепь их имен и образовала уже не факт, а зов и пример, который действовал во всю историю христианства и дошел даже до холодной России XIX века (время перевода Иоанна Мосха). Так образуется учение, так образуется традиция, так образуется школа. Так нить за нитью выткана была «Церковь» — не в нелепом определении «собрания верующих», а в глубокомысленном значении единой традиции и единого духа, выросшего из одного зерна.

Зерно это — бессеменность. Если формирование и жизнь семени и формирование и жизнь яйца сообщают каждому своему носителю, в одном случае мужчине и в другом женщине, такую необозримую богатством, сложностью и обособленностью психику, то и представить себе нельзя, до какой степени странна и необычайна будет психология, вытекающая из этого вечного и неразрушимого девства, где мы имеем субъекта, о котором не можем сказать, что это «мужчина», и не можем сказать, что это «женщина», и сам он не знает этого, и даже этого нет, а есть что-то третье, кто-то третий! Можно было бы сказать «третий пол», если бы все-таки мы не имели в наличии мужского и женского, но странным образом перемещанного и раздробленного! Во всяком случае, непременно появится третья психика — не мужская и не женская.

Какова будет она?

Никогда не будет детей. Никогда не будет дома, «хозяйства», — иначе как в смысле помещения, стоянки, логова, квартиры, кельи, пещеры, палатки. Одна виноградинка и нет лозы, — и помещение виноградинке совсем другое, чем лозе. Таким образом глубочайше будет разрушен тип социальной жизни — разрушен не в бытовом, а в психологическом корне, т. е. более глубоко. Это есть то разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается тип истории. У него оставляется голова и отсекается туловище. Будущее не нужно тому, у кого не будет потомства, — будущее полное, всеобщее. Судьба последующего человечества представится под углом зрения не интересов этого человечества, а интересов группы этих одиночек, их — за неимением родового — духовного союза, духовной преемственности и связи. Эта группа людей будет жить и развиваться среди человечества, но против человечества, отрицая самый его корень. Наконец, в каждом племени и народе эта группа не будет иметь связывающих боковых скреп в виде горячо лелеемого родства. «Что братья и сестры мне? Мне важны ученики», — это типичный голос, типичное самоощущение каждого подобного одиночки и всех их.

Племени, народа, рода — нет. Будущего — нет. Прогресс — не нужен. Что же остается, и особенно что остается для очень высоких способностей, для большого горения духа? для той живости его, какая и вообще отличает младенца и раннего отрока (обоюдных, см. выше) от дебелого мужа и уставшей супруги?

Взрыв духовных интересов — всего того, что г. Фози назвал «нравственной личностью». При одинаковом количестве воды всякий поток тем глубже, чем он уже. Отщепление, притом органическое, внутри самого субъекта, от таких огромных областей, как народность и прогресс, — закрытие для ока человека этих частей горизонта — не может не вызвать исключительной ясности взгляда, исключительного удлинения зрения, исключительной высоты мысли у такого субъекта. Повторяю, что все это — не извне, а внутри, не «заперто», а «не хочется». Того, чего «хочется», — при этих условиях уже хочется со страстью, с огнем, гением. «Дебелые супруги», будь их сотни, тысячи, — не могут бороться с десятками таковых. У «дебелых супругов» есть своя сила — но не в духовном царстве; есть свое благочестие — но это не «праведность» келий, не их экстаз и ночные молитвы. Как ни странно сказать, но европейское общество, в глубокой супранатуральности своей, в глубоком спиритуализме, в глубоком идеализме, в грезах, мечтах — до Вертера и Левина — создано одиночеством: ничего подобного, ничего похожего не было никогда в античном мире, в античной общине, на античной *ἀγορᾷ* и *forum'e*; как нет этого и на Востоке, в Азии. Аромат европейской цивилизации, совершенно даже светский, даже атеистический и антихристианский, — все равно весь и всякий вышел из кельи инока. Это — инок безграничный субъективизм, его беспредметные грезы, предчувствия, ожидания, тревоги, страхи, смущения, нерешительность, пересекшиеся в диалогах гостини и литературы. Робкие глаза, тайная улыбка, слабое тело — все, все из кельи. Все то, что так отрицает, так похоронило Агамемнона, Одиссея, крикуна-Демосфена и римских самодовольных патрициев. Самые пороки древности, перейдя в новый мир с теми же названиями, получили новый колорит; самые добродетели древнего мира в новом мире пропитаны другим запахом. Патриотизм Гизо или Мишле не имеет ничего общего с патриотизмом Геродота или Фукидида, и славлюбие Байрона совсем не то, что славлюбие Цицерона. Все стало нервнее, болезненнее, нежнее, хрупче. И все это — от нетвердых ног (подлинного) монаха, тонкой его шеи, длинных волос, женоподобного голоса.

Душа не та! Душа новая. — Какая? — Бесеменная. Бесствольная, гибкая, ползучая или парящая за облаками; в отрицательных случаях — не прямая, лукавая, хитрая, злопамятная, мстительная; «бабья». «Мужественность», костяное, твердое начало наполовину хрустнуло, когда умер древний мир; женственность, «вечная женственность», страшно возросла и облила собой душу даже мужчин. Мужеподобность страшно понизилась в Европе сравнительно с классическим миром, где жены были храбрее и мужественнее христианских мужчин. «Христианский мужчина» — даже как-то не выговаривается. «Какой он мужчина?» — хочется насмешливо переспросить; переспросить о Руссо, о Толстом, о Достоевском, о многом множестве людей, гениально творивших во вкусе христианской Европы. Совпадение «женского в мужском» с основным тоном европейской цивилизации — до того поразительно, что не надо ничего другого еще знать, чтобы сказать: «Да в основе своей эта цивилизация вышла и не из головы Зевса и не из бедер Афродиты, а как ответ природы Паллады и Ганимеда».

Мы отвлеклись от предмета и вновь возвращаемся к нему. Наша тема — не цивилизация, а теснее, уже, — Церковь. Лютеранство, отвергшее монашество, потеряло с ним и всякую метафизику: потому что одно иночество и составляет всю метафизику в христианстве. Все прочее — рационально, объяснимо, обыкновено. Совершенно необъяснимо, со стороны ли опоры в Первом Завете, или со стороны понимания, разума — одно иночество; и оно одно составляет поворот в истории от древнего к новому, оно есть виновник и создатель «новой эры». Без него — просто ничего нет; есть шундисты, пашковцы, благонамеренные люди, чистоплотные люди,

благонравные люди, добрые, либеральные и т. п. и т. п.; есть Светловы, Петровы, «добрые пастыри», трезвые священники. Но непонятно, почему это образует Церковь как специальное. Это просто «общество добрых людей», или «общество благородных людей», с которыми приятно иметь дело. Специальное Церкви начинается с монаха, пусть нечесаного, пусть злого, совершенно невежественного. Все равно — он несет в себе метафизическое зерно, которое ошеломляет нас новизной и странностью, которому мы удивимся и перед которым, как перед всяким дивом, можем преклониться. Эта «дивность» его заключается в глубочайшем трансцендентном разобщении со всеми нами, в совершенной непохожести на нас, в силу которой — смотря по расположенности и подготовленности — мы назовем его «демоном» или «богом» (в простонародьи), стоящим выше или ниже человека, но во всяком случае — в стороне от него. Разобщенность эта и дивность эта заключается в оригинальной или подражательной, правдивой или притворной, потере вкуса к женщине, потере интереса к женщине, которая у подражательной и неоригинальной группы выражается во вражде к женщине, бегстве от нее и страхе перед нею. Один инок учил, и это навсегда нужно запомнить как суть всего: «Чадца! Соль из воды берется, но, соединяясь с водой, растворяется и исчезает. Так и монах: от женщины произойдя, он, когда приближается к женщине, то ослабевает и обращается в ничто» (Иоанн Мосх, стр. 265)... «Поэтому великие подвижники, как Пахомий Великий, Иоанн Каламит, Феодор, Маркиан, Пимен, Руф, Симеон Столпник и др., не допускали на глаза себе не только сестер, но даже родных матерей!»... В случае, если это было оригинальное явление, можно судить по этому о степени отвращения от женщины; а если подражательное, «по заповеди», то мы можем по этому судить о пафосе заповеди!

— Нет супружества, семьи! И не надо!

В этом состоит не «что-нибудь» в христианстве а все оно. Подобно тому, как сотни предписаний Ветхого Завета можно, же было свести к двум: «Люби Бога и ближнего, ибо в этом весь закон и пророки», — так точно все поучения, притчи, образы, сравнения, обещания и правила Нового Завета можно свести к одной: «Не тяготей к женщине». Известно, что, отдавая вновь постриженного отрока в подчинение и руководство старцу, ему говорят: «Вот, он будет тебе как Бог, повинуйся ему паче Бога». Почему так, истина ли в этом? Полная! Суть старца, уже выверенная, уже очевидная монастырю, заключается в бессемности, в невозделении к женщине. А в этом «закон и пророки». Поэтому вместо длинного богословия и пространных наставлений отроку и говорят: «вот старец, повинуйся ему», — и это совершенно то же, что «исполнить все законы и пророков». Свет бессемный: и уже кто взял зерно его — получит и весь свет. Но старец — бессеменен, и «повиноваться ему — все равно, что Богу повиноваться». Очевидно.

От этого не по злоупотреблению, а по глубокому предчувствию истины и по сознанию всего объема ее монахи согласны скорее на допущение всяких злоупотреблений в своей черной братии, на невежество всего духовенства, на отречение от науки, на подавление всякой свободы, наконец даже готовы терпеть чудовищный половой разврат в самом монашестве, хотя непременно тайный, необъявленный — чтобы ценой всех этих потерь, несчастий и унижения, однако, сохранить самый принцип монашества, притом не униженный, а сколь можно возвышенный, прославленный. В этом все дело!!! Скажите, объясните и докажите самому праведному «святому» христианского мира, живущему, положим, в самую развратную монашескую эпоху, как было в католичестве в XVI веке и в X-м веке, что «упразднить бы монастыри и монашество, а пусть будет каждый семейным — и тогда пороки прекратятся», и он, при всем сознании и внутреннем согласии, тем не менее отвергнет это моральное спасение ради сохранения метафизического зерна! С глубокой тоской, с глубоким трепетом сердечным — и все-таки отвергнет, сказав про себя: «Лучше я поверю Христу, чем всему обвинению мира и очевидности глаз своих: ибо зачем же Он пришел? Тогда настанет нравственность: но где же будет собственное Царство Христово? — Оно разрушится». Пока есть хотя один праведный монах среди тысячи развратных, наконец, даже если все 1001 монах развратен, но принцип монашества не отвергнут, до тех пор Царство Христово, хотя умаленное и подавленное, засоренное и почти разрушенное, — однако остается. А 1001 счастливых семьянина, будь они хоть добродетельны, как Авраам, составляют только Царство Ветхого Завета и ни одной крупинки Нового. «А меньший в Царстве Нового Завета больше самого большого праведника Ветхого Завета», — сказал пришедший не нарушить «иоты» в этом Завете. Поэтому пока держится принцип бессемности, то хотя бы ни одного его исполнителя не нашлось — держится вся Церковь: ибо придет еще, придет новый, придет когда-нибудь, и исполнит этот принцип — и тогда восстановится разом вся Церковь в главной мысли своей, в главной задаче своей, в великой теме, в великом мотиве. Восстановится в особливом духе, которого нет в тысячах и миллионах счастливых семей. Нигде нет, кроме — кельи, монаха.

Суть этой мысли, или общее — этого духа, лежит в неодолимой уверенности:

— От бессемности спасение!..

Семейные добродетели суть «немножко не те» добродетели; а если и есть пороки в бессемных и бессемности — то «какие-то преходящие и вообще ничего»... Тут именно сонм «своих людей», одной категории. «Самые добродетели противоположных нам — не нужны, и самые пороки наши — извинительны». Главное, чтобы «торжествовали мы» и «наше начало». «Миру предстоит погибнуть...» Добродетели семейные потому — ничто, что самая семья должна исчезнуть, переродиться во что-то духовное: и тогда естественно бывшие добродетели ее перестанут быть образцами ли, правилами ли, и вообще обратятся в ничто. Какой интерес, что некоторые деревья очень хороши в лесу, который завтра сгорит? Если же бессемные и оказывают недостаток, напр., участливости к людям, черствости к семье, порой жестокости — тюрьмы, казни, инквизиция, — то ведь это исправится тем общим идеализмом, духовным царством, в выработке которого состоит сама суть бессемности. «Все исправится», как только мы «успокоимся», а «успокоимся мы» тогда, когда «все к нам придут». «Пусть все согласится на бессемности, и мы растворим тюрьмы, и никогда, воистину никогда более не зажжем костров!» «Мы отпустим всякий грех чрезмерный, — как отпускали всегда своим, без наказания, по одному рассказу, разве с легким выговором. Мы будем кротки: воистину, мы кротчайшие из людей! Ни казни, ни суда, ни наказания — ничего не будет. Но не будет, когда все придут к нам. И станут как ангелы на земле, в земных еще условиях, но в небесном состоянии, в котором не посягают, не женятся, не вожделеют, не имеют детей. Мы предвозвестники этого нового состояния, преображенной земли и Нового Неба. Аминь и борьба. Конец и начало. Геенна и скрежет зубовой или вечная тишина Райского блаженства»...

Вот Церковь.

Вот Христианство.

Вот христианские народы.

В середине всего этого лежит:

— Иночество!

Как кристалл внутри Церкви: и этот твердый кристалл нерастворим в Христианской цивилизации, и медленно ведет христианские народы, как племена и кровь, как землю, и ведет само христианство, как что-то слишком сложное, состоящее из языческих и евангельских начал, — к разодранию, разрушению и оставлению на земле «немногих избранных»:

— Царства бессеменных святых.

ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ МЕДИКОВ И ЮРИСТОВ

Не будет излишним, если я здесь приложу несколько ставших мне известными фактов свое-полого влечения. На первом месте я поставлю тетрадку «Воспоминаний одного послушника N-ского монастыря», которые были написаны им по желанию своего духовника, по-видимому, дивившегося неведомому для него явлению и пожелавшего его точнее узнать. Написана тетрадь безграмотно, и я, насколько возможно, сохраняю в печати эти следы безграмотности. Они важны как яркое опровержение распространенной мысли, будто влечение это возникает как плод половой пресыщенности, или еще — богатой пресыщенности; будто содомия есть извращенное удовольствие, появляющееся у людей на конце испытания ими всех нормальных удовольствий. Это интеллигентное, литературное и даже ученое «с жиру бесятся» — совершенно падает в прах при чтении смиренного и слезного исповедания юноши. Далее, возраст его, совершенно цветущий, испепеляет гипотезу Шопенгауэра, будто она присуща «старичкам». И, наконец, в изложении важна следующая подробность: нормальное сокоупление (т. е. с противоположным полом) имеет силу отклонять человека от ненормальности, ослаблять врожденный порок (с нашей точки зрения) — и, вообще, *coitus cum femina est semper remedium contra sodomiam viri*. Явно, какой это могучий рычаг в руках медика и психолога, какая это, с другой стороны, опорная точка для новых исканий в области этого важного явления. Но умный читатель сам извлечет все, что нужно, из этих записок, попавших (через два года по написании) в мои руки, к сожалению, в недостаточно полном виде:

«Батюшка! ведь нелегко же мне открыть то, чего и подумать ужасно. Вечером я услышал, что у вас Всенощная и певчие посторонние. Я поспешил, только больше не для молитвы, а послушать певчих[165 — Художественный вкус, — решительно всегда замечаемый у людей «закругленной природы» (полнополость, содомия). В. Р.-в.]. Когда я стоял и смотрел, мне прямо представилось: все смело стоят в храме, а я только один как Каин трясущийся, и я порешил скорее идти и показать вам то, что у меня вот написано. Когда вышел из церкви и шел домой, душа моя стала тужить и скорбеть так, как я никогда еще не чувствовал. Когда подходил к башне, в которой живу (монастырская башня. — В. Р.), то глаза мои были полны слез, и мне хотелось плакать, и душа прямо говорила: «Плачь! плачь!» А о чем — и сам не знаю, и не к Богу мои слезы относились. Только хорошо помню, что душа моя так скорбела, как никогда. Уже поздно вечером, часов в 11, мне чувства сказали: «О том плакала и изнывала душа, что образ Божий потеряла, исказила все. Очень грустно кончаю вечер».

Слог этот, стиль хорошо показывает обычное настроение содомита, далекое от «веселящегося» и «сытого собою», от «праздного» и «балующегося» (вульгарное о них представление самцов и самок). Напротив, — настроение постоянно грустное, жалующееся, покаянное; склонное к слезам, женское (женщины ведь чаще плачут мужчин). Вообще в настроении чрезвычайно много типичного, что нам хорошо известно из больших книг в кожаных переплетах с медными застежками. Будьте уверены, ни одной строки таким слогом не скажет мясной торговец, лабазник, господин приказчик; бравого унтера или офицера, помещика. Это — слог врожденного монаха...

Затем следует «исповедание» — рассказ о своей жизни, на 6 страничках. Первые две странички имеют срезанный правый край, и я их восстановил кое-как. Затем — дневник в целости. Особо важные места я буду подчеркивать.

«Вот жизнь моя, которою загубил себя». — Он встретил «13 или 14-ти лет парня, который его научил» взаимному рукоблудию. Ему он и начал предаваться, иногда по несколько раз в день. «Никуда я не ходил, женщины меня не влекли совершенно». В таком положении «доживаю до 19-ти лет. Еду потом в Питер, поступаю на место; к женщинам такое отвращение, что и подтащить трудно». Он много сокрушался над собой, «видя, что погубил не только свою душу, но и тело, а остановиться — нет сил. Но еще ужаснее новую пропасть увидел над своей головой: одно время захожу я в часовню, которая находилась недалеко от того места, где я служил. Вслед за мной туда же вошел человек, по-видимому, торговец. И говорит что-то, чего я сейчас хорошо не помню; только помню, что и самые слова, которые он мне сказал, были для меня непонятны. А одно знаю, что решительно я как будто притягиваюсь к нему невидимую силою[166 — Поразительно! Вот где центр дела! Но и в нормальных половых отношениях мы никогда не должны опускаться из виду этой великолепно сказавшейся формулы: «притягиваемся к другому полу будто невидимую силою»! В. Р.-в.]. Выхожу на улицу, и идем вместе. Он говорит мне опять что-то, что я понял, как предложение рукоблудия. Тут мы зашли в уединенное место»... (Оторван кусок рукописи)... «Долго этого отыскивать не пришлось. Попадает человек, который с удовольствием выдает себя мне за женщину; и я делаюсь, как я потом это название узнал, прямым п..... С этого времени я стал реже предаваться рукоблудию: только тогда, когда не удавалось выполнить последнего (*actum sodomiae*). И стремления стали к тому. Я еще пропустил вам сказать, что тот человек стал желать, чтобы и я ему заменил тоже женщину, отчего я отказался и никогда этого потом не делал, ибо чувствовал к тому отвращение[167 — Следовательно, неправильно заявление Крафт-Эбинга и других физиологов, будто подобные люди меняют пассивное на активное положение, и наоборот. Может быть, у некоторой группы это и есть: но несомненно есть группы с влечением только к одному пассивному положению, и только к одному активному. В. Р.-в.]. Так и продолжалось до самого призыва (т. е. в военную службу. — В. Р.). Т. е. всю жизнь таким образом. Ох, еще не знаю, — угаить ли. Ведь я хочу все открыть, а очень страшно. Находились, только очень редко именно раза 3 или 4, не более, такие люди, которые брали *meum phallum in orem*, и я этого не утратился[168 — Несколько случаев этого напечатаны в книгах Крафт-Эбинга. В. Р.-в.]. Ужасно. Я не знаю, как переживал то время. Я сознавал, что мне грозит казнь Содомы. Но так страсти мои поднялись, что я не мог держаться. И чуть сам себя не лишил жизни. И эта страсть так развилась, что на женщин не восставляла страсть, а на *virum*[169 — мужчин (лат.)], и в каком же виде: проще сказать, *in phallum*, или при воспоминании о нем. Я задался целью во что бы то ни стало, но освободиться от этого, и подумал, ради страха, в монастырь уйти. Нет, еще ожидает гибель! Приехал домой, о, Господи пощади, совершаю *coit. cum animalis*[170 — соитие с животным (лат.)] в полном виде, чего и раньше пытался сделать. Этого мало: пытаюсь совершить, — хотя слава Богу не пришлось, а старания мои были, — *as. sodomis*. над кем? — племянником, да и крестник он мне, которому было пять лет. Кто же я есть и что же мне делать? Это происходило за несколько недель, за 3 или за 4, до отъезда в монастырь в 1906 году. Прямо, сын погибаемый; за что земля носила. Поступаю в монастырь. Долго держался, т. е. несколько месяцев.

Неожиданно попадаете человек, который из числа как и я. Совершаю то, что в Питере. Вот где отчаяние. От чего бежал, от того не могу нигде укрыться; но в монастыре только гораздо реже; и онанировал — тоже самое, только реже; живу также. В конце осьмого года еду к старцу Алексею, исповедую грехи. Тот удивленно смотрит на меня и просил не повторять; дал легкую эпитимью[171 — Это интересно сопоставить с тяжелыми эпитимиями, тянувшимися от 2-х до 7-ми лет, налагаемыми на разводящихся супругов, по вине нормального совокупления не с женою или не с мужем. Утяжеление эпитимий в этом случае есть выражение общих антипатий к мужьям и женам, к браку вообще, идущих параллельно легкому и извиняющему отношению ко всем вообще аномалиям в поле. В. Р.-в.]. Два года правда провел, и только разов не более 6-ти за весь год совершил рукоблудие: но боролся против того, к чему мои страсти были направлены: как я рассказал выше, — и, может, еще потому, что не было человека. Я думаю сам с собою во что бы то ни стало, а надо испытать женщин, чтобы бороться (т. е. в монастыре. — В. Р.) — то хотя против естества, а не против этого. В последней половине текущего, т. е. 1909-го года, совершаю сношение с женщиной. Я думал, что не способен буду; нет, все как следует совершил. И тут же почувствовал отклонение от первого (т. е. от sodomiae); и раза три в том году было мною совершено. Я почувствовал небольшое влечение к женщинам, и вот и в этом году тоже совершил; и одна женщина недалеко от меня находится, т. е. я ее могу видеть. Я знаю, что это нехорошо, но, думаю, она мне необходима как ради избавления и исправления моего искажения. Теперь я уже того не испытываю, что раньше; не имею ad viros[172 — к мужчинам (лат.)] желания, а более ad feminam[173 — к женщинам (лат.)] склонности имею; но хотел бы исправиться совершенно. Кажется мне, что от этого не далеко. Вот теперь что мне желается: как бы примирить совесть с Богом, и также поправить здоровье; очень я его утратил.

21 января 1910 года. Цель моя состоит в том, чтобы очистить себя от мерзких богопротивных дел. Грешить — грешу так, как мало кто; молиться — молюсь очень мало; а в монастырь пришел, то отчего бы не молиться больше, разве кто может воспретить. Нет, этого не хочу, а богопротивное продолжаю; вот и скорблю душой, хотя без сомнения уверен, такой скорбью бесов только радую и гнев Божий на себя подвигаю.

Две мысли: одна говорит — «делай то», а другая — «делай то». Вот и происходит неурядица душевная. На чем остановиться, на какой мысли, каком чувстве и желании? Говорят — «на той, которая не противна воле Божией». А — нет, отчего и сам не знаю, но большей частью останавливаешься на греховной мысли; а если не остановишься, то она все-таки давит, не дает свободно работать мысли над делом. Вот и скорблю душой.

22 января. Смотрю на себя, да и думаю: «довел себя до того, что тело так ослабло; почти неспособно стало ни к чему хорошему». А когда вспоминаю, что мне всего 24 года, то невольно приходится сказать себе, — что же будет далее? Опять болит душа, а все бесполезно.

23 января. Сегодня я был назначен в дом странно-питательных петь молебен; там священник сказал речь, а затем показывали (туманные? — В. Р.) картины о воспоминании Смутного времени. С каким же я настроением вышел оттуда: душа настолько была печальна, что не могу выразить. Я чувствовал себя жалким, несчастным человеком. Смотрю на людей, живущих в миру, — они пользуются миром разумно; они, бывает иногда, прямо забывают про худое, греховное, что Богу противно, а я? Я пришел в монастырь, и мой ум, моя голова всегда занята одной думой, этим несчастным моим грехом; а если я хочу когда-либо подвинуть себя на доброе — воли нет. Голова ли к ученью неспособна, несмотря на то, что ученье у меня (т. е. «на мою оценку». — В. Р.) незаменимо на свете ничем. И вот терзаюсь душой; да как же не терзаться: то, что дорого, — того не делаю; а то, что вредно, не то что только для души, но и для тела, — то делаю. Вот и скорблю душой; не знаю, как поступить.

24 января. Очень, очень хотел бы быть я ученым (я не говорю про высшее учение). Я ограничился бы учением таким, если бы мне постигнуть столько науки, сколько требуется для сельского учителя. Я уверил себя: тогда бы конец скорбям моим. Я не пошел бы на то место, где мне предложили бы 50 или 70 руб., а с душевной радостью пошел бы учителем и на 20 руб. А монастырскую жизнь оставил бы; потекла бы милая и желанная для меня жизнь. Но беден и несчастен я, не придет такое время.

26 января. Сегодня я вышел за монастырские ворота. Навстречу попались два седые от старости старика. Завидя меня, они начали величать меня: «Батюшка — такой-этакий, — подай на пропитание». Вздрогнуло мое сердце: «За что же такого молокососа, как меня, за убогую помощь, за одну копейку так величают? Знать она для них так дорога». Долго не мог я забыть этих стариков. И после этого я такую почувствовал легкость, радость сердечную. Но, о горе, скоро это исчезло, и опять противная вялость, уныние, скорбь. Отчего это, не могу и порешить сам с собою. Опять наполняется душа разной пошлостью, скверностью. Ужасно. Что же сделать, когда такие противные гости носятся в голове.

27 января. Ну, как же тут жить, как довольному быть? Как добрые люди живут! Сегодня не знаю, как переживаю день. Прошедшей ночью я спал более семи часов, и еще днем час спал. Вечером посмотрел, сколько учебных книг: а я ни одной не брал в руки, а если и брал, то не располот. И других книг читать — тоже не читал. Вот и не знаю, что происходит. Себя понять не могу. Кажется, совершенно лениться, не расположен к делу, точно какая-то слабость или просто привычка к лени; не знаю. А как посмотрю, — зима проходит, а я ничего себя не подвинул относительно ученья: ни — русский язык, ни — Закон Божий, ни — арифметика. А как нужны-то они мне. Вот несчастье — какой я вялый; а время, время золотое, 25 лет. Что же будет далее? Ужасно. Не знаю, что такое: успокоюсь мыслью, не расстраиваюсь греховными мыслями — и так легко бывает, прямо — свет вижу; а как только явилась причина, греховный помысл — все пропало; хотя бы впереди и ожидаю очень дурное — все равно. Ну, вот приходит то время, и если грех совершен — страх, тоска и терзание души; а желал бы я быть мужественному. А если не совершаю греха — еще хуже: я мысленно отдаюсь ему. Вот считаю себя несчастным, что слаб против всего худого. Не могу держаться.

29 января. Вот мои мысли о монашестве. Все то, что налагает «Устав монашеский» на монаха, он должен исполнить; если же не исполняет, то хотя и носить мантию буду — но монахом не могу себя назвать. Потому дела не таковы, какие должны быть у монаха. Думаю — не важно, что дадут мантию; дать ее — может быть, и скоро дадут. Дорого было бы то, если бы я был монахом в душе. А поступать так по «Уставу» Антония Великого и других Отцов — не могу вместить при таких мыслях, как у меня. Вот и не могу покойно жить в монастыре. А в мир неохотно поступать. И какой же тогда образ жизни взять? Супружеский, — но тогда через немного времени будет семейство, и чем же существовать с ним. Я ни к чему не способный, и по этой причине. (Т. е. своего «греха»? — В. Р.) Жить в монастыре тоже страшно: разве приятно Богу? Тогда выходит так, что большую часть, и почти совсем, жить в монастыре ради тела или

матерьяльности.

Вот почему я и задался целью, если бы Господь благословил, кончить экзамен на учителя; а потому именно — на учителя, что я науку, в особенности Богословие, очень полюбил. Если бы и более чем мог научиться, то все равно никуда больше не поступлю, как только учителем. Потому я мог бы, мне кажется, лучше исправлять душу (ученическую? свою? — В. Р.), и больше не для своего благополучия, а для того, что с учителя не то требует Бог, что с монаха. Я тогда готов терпеть все скорби, а душу исправлять мне необходимо; потому она у меня особенная от других; такую душу, как моя, немногие, очень немногие имеют[174 — Вот — самоощущение! Не тот, как у других, пол — и совсем иная, нежели у прочих людей, душа. «Иное осязание, иной глаз, рукопожатие, ход мыслей, идеалы, все» (см. мой текст выше). В. Р-в.]; от искреннего сердца говорю. Ох, про свою душу, — про те дела, которые я совершал, — боюсь, вспомнить страшно.

О, Господи! — за грехи ли, не знаю, поущение ли — тоже не знаю, только знаю одно, как я жив и живу на свете, как не поглотит меня земля. Разве я ишу какой-либо особенной жизни, или — святости? Нет, мне не до этого. А про монашескую жизнь — это, правда, думаю, что тогда только буду прогневлять Бога, а не очищать душу, — т. е. если сделался монахом, не исполняя Устава. Разве я могу описать то, что делается в моей душе сейчас, когда я все вспомнил, что было так еще недавно.

30 января. Сейчас я очень трогательно задумался над собой, потому настает время такое для меня ужасное: раскрывается та змея, которая жалит меня. День провел неблагоприятно; невольные какие-то желания блудные — страсти какие-то и для самого непонятные. Но мысли давили и на женщин и на мужчин. Представлялись только не в том виде, чтобы в усладительном. И такие, правда, пробежали мысли, но я не придаю им значения, и они скоро уходят. Сейчас мысли на мужчин являются, но только такие: «Почему я не такой, как тот». И тут же сердце защежит; отвечаю сам себе: «Потому что утратил свою и молодость, и красоту; и — потому еще, что те люди молодые, сильные, красивые, а я — как тряпка». А кто виноват? Сам себя чуть с ума не свел; да и не остановлюсь (в «грехе»? — В. Р.) никак.

31 января. Сегодня день для меня желанный, которого я давно ждал. Очень рад, что дождался такого дня. Если бы этого не дождался, то другой бы был для моей жизни важный день. Живя в Питере, было две цели: оставить такой гадкий образ жизни непременно. Чем больше я им увлекался, тем сильнее я им отчаивался. Я себе назначил два исхода: или открыть свою душу так, как вам; и — думал, что найду себе в этом утешение. Но не допускал до этого страх и стыд, и, еще самое главное, не находил такого человека. Духовнику я говорил, а он меня исповедовал, налагая нетяжелые епитимьи, — и я уходил от него и больше не видел. Зато я с удовольствием буду теперь целовать не руки только Ваши, а то место, где стояли ноги Ваши. Особенно сегодня не замечаю возбуждения; есть, но не основательные; смотря на мужчин, отражается старое; но больше побеждает склонность к женщинам — и чувства и желания.

1 февраля. Сегодня день провел благополучно; возбуждения — на стороне женщин; а первое возбуждение, которое Вам известно, мне подчинилось почти совершенно; только проносятся в мыслях, но я оставляю их без внимания, а новая (т. е. мысль о женщинах? — В. Р.) заменяет ее. Кружение в голове, вероятно от расстройства. Был сегодня у Вас, и не знаю, как подходил к Академии. Доброго ничего не могу заметить душой, потому она занята одной мыслью: как открыть Вам все. Батюшка! не знаю, что со мной происходит: я боюсь, и страшусь, и стыжусь об открытии сего Вам. Сегодня не замечаю особенного ничего; душой также отравлен; с нетерпением жду, какую резолюцию наложите. Я теперь весь отдался Вам, а вот сегодня чувствую себя очень нехорошо: такой праздник, а я имел случай и не удержался, совершил грех с женщиной. Утешаюсь только тем, что я делал это для того, чтобы окончательно забыть первое.

2 января 1911 г. Сегодня я был у одного послушника и увидел у него книгу о покаянии, составленную Дьяченкою. Я с удовольствием прочитал ее, и она успокоила меня, указав, что необходимо открыть свою душу. Теперь я еще решительнее приступаю к этому. Особенного (чего-либо в душе. — В. Р.) не имею. Одна мысль, что как я должен буду вести себя по совету Вашему, т. е. какой будет Ваш совет.

3 февраля. С утра до самого вечера день шел обычным порядком. Пробежали всякие мысли, только ни одна не могла занять меня. Это я замечаю потому, что я занят той мыслью, что вот скоро новое для меня совершится это лето. Вот и занят я тем».

•

о *

Здесь есть что отметить медику, юристу и даже моралисту. Потеряна ли личность в человеке, совесть? исправим ли он? Странно и спрашивать: он только об исправлении и думает, сюда — вся его воля, помыслы. Но если он не может одолеть себя, то явно можно только помогать ему: ибо всякий crimen[175 — грех (лат.).] есть crimen злой воли, без злой воли нет преступления. Можно было бы поднять «задним числом» один большой, даже огромный судебный процесс, притянув к ответу медиков, как и юристов, сословно, профессионально, научно: неужели же им не попадались признания, рассказы, исповедания, аналогичные этому? неужели можно поверить, что я, никогда не занимавшийся этим предметом, и обративший в исторических целях внимание на него всего года три, лет семь, узнал в самом деле что-то новое сравнительно с медиками и юристами, которые по этой части «огонь и медные трубы прошли»?!! Конечно — нет!!! Но у меня открылось ухо; а у них ухо было закрыто, и они просто жевали жалованье, слушали рассказы и дремали, видели факты — и спали: и повинны в великом уголовном преступлении, что тысячи людей в Германии, Франции, везде были посланы в каторгу, в Сибирь, в тюрьму... Каких людей? — Да вот как этот рассказчик, с его порывом к свету, к учению, к доброму наставлению чужой души, с плачем о себе, со всеми великими и редкими добродетелями скромности и самоосуждения! Выбросьте наружный факт или как-нибудь его сокройте, и перед вами стоит образцовый человек! Ибо так ли ведут свою жизнь, об этом ли думают и заботятся «самоуверенные молодые люди», проводящие дни в ресторанах и соблазнении девушек-прислуг, без всякого о том «покаяния»? Здесь — все цело, весь человек — полон: душа, совесть, сердце, ум. Не забудьте, что это — еле грамотный. Но постоянная его мысль — о книгах! Исповедание необыкновенно важно потому, что здесь мы имеем «своей рукой написанный» полный портрет содомита, абсолютно не сходный с тем, как это предполагалось; портрет вместе с тем не поддельный, подлинный и вместе документальный, как бы «у нотариуса засвидетельствованный», и с которым ничего не может поделывать «наука». Все эти «размышления» патологов, клиницистов, «психиатров» (!!) якобы о «больных» своих «пациентах» падают в прах, ибо им говорят: «Вы не понимаете пола — и отсюда не понимаете вообще половых явлений, не только аномальных, но и совершенно нормальных».

Выражение исповедующегося: «пробегают мысли», «опять пробежали мысли» — говорит о совершенной невольности, об, так сказать,

ослаблены, но, однако, — есть и увеличиваются от каждого нового сношения с женщиной. Что такое «сношение с женщиной»? Всегда — прививка, принятие в себя «почки» нового роста. Через совокупление мужчина прививает (как бывает в «садоводстве») себя женщине, женщина прививает себя мужчине: откуда — вытекающее отсюда слияние, любовь, покорность совокупившегося тому, с кем было совокупление, всегда — двойная, всегда — обратная, всегда — взаимная. Пользуясь аналогиями, можно бы сказать, что совокупление есть физиологический гипноз, происходящий через жидкости и всасывание их тканями, нежными и увлажненными. Это «прием душевной ванны», из которой совокупившийся выходит «обновленным» и «другим», именно — «другим» через эту прививку. Поэтому совершенно понятна часть рассказа, где говорится о первоначальном полном отвращении к сношению с женщинами и о последовавшем пробудившемся влечении к нему. Действительно — единственно, чему может поддаться содомия в смысле лечения, исправления (всегда, естественно, не полного) — это лечение через нормальный акт; или, если он невозможен, если к нему уже существует абсолютно непобедимое отталкивание, через какую бы то ни было аналогию «прививке» выделений другого пола; у женщин, напр. (содомитянки), — через искусственное впрыскивание мужского семени; у мужчины — через искусственное покрытие органа женскими выделениями. Если вообще это нужно, если б «пациент» захотел, если б врачу пришлось разрешать проблему, не им поставленную, а ему поставленную. Явно, впрочем, что все это возможно и допустимо, что все это пожелается лишь в слабых степенях содомии, — при которых, как указывает практика, «браки еще заключаются», нечаянно и не нечаянно, и бывают, естественно, «не очень счастливы», и тогда врач зовется, чтобы «помочь счастью». Но обратимся теперь к этой не полной содомии: рассказ в высшей степени важен тем, что опять непрерываемо убеждает нас, что пол есть не вещь, не бытие (sein, das Ding), а скорее всего какое-то волнение в нас, что-то волнующееся в нас, какой-то свет и жар, рассекающийся на «мужское» — к самке, и «женское» — к самцу, но в этом волнении — спутывающееся, переплетающееся, «отражающееся на себя», «идущее вспять» и т. д. и т. д. Обманутые тем, что вот «есть орган» и «он явно для самки», ибо отвечает анатомией ее влагалищу, мы забываем, что орган — только придаточное к полу, а не есть весь пол, и даже не есть суть пола; что это есть чисто внешняя часть — то же, что «ствол» в отношении «растения». Конечно, «растения» самым именем вызывают представление «дерева» и «леса» и, пожалуй, «дров» и «дровосека». Но столь же «конечно» это есть вообще скверная ботаника. «Мужского органа» совсем нет у рыб; и «совокупления» как соединения органов — у них тоже нет; а оплодотворение и между прочим бешеная, ревнивая страсть к нему — есть. Явно, «орган» — побочное; у рыб нет, но и у теплокровных, у человека — не показывает сути вещей. «Содомия» как «ошибка в появлении такого-то органа» оттого и возможна, что возможно в органическом мире полное его отсутствие, а следовательно, и во всем органическом мире не первенствующее органов значение для половой жизни. Пол — весь организм, и — душа, и — тело. Но — «организм» опять же не как существо, не — «sein» и «das Ding», а вот как это «волнение и пыл», как «пульс и ритм», чему органы только подчинены. Ведь можно задать проблему, что первее, сердце или кровообращение? Конечно, не было бы «без сердца» — кровообращения; но столь же достоверно, что без кровообращения, без нужды в нем и его сущности, не появилось бы сердце. И во всяком случае из двух идей, «сердце» и «кровообращение», — первенствует кровообращение. Так же вот и «жизнь», так же и «пол в нас»: «жизнь» выше и раньше, она идейно предсуществует организму, а пол, конечно, предшествует органу половой деятельности. Не потому «хочется совокупляться», что есть половой орган, а «хочется совокупляться» раньше его и независимо от него, и уже вопрос идет — «есть ли орган для желаемого»? Содомия и есть случай, когда «нет органа для желаемого». Но как «желание»-то раньше органа, ему предшествует метафизически, — то естественно и остается, пылает в человеке, каков бы ни был орган. «Нечем, — а пыл есть»: это и есть суть содомии. «Жажда томит», — а «горла, рта нет»: ведь это возможно, так как «жажда» не производится ртом и горлом, а вытекает из крови, из отношения в ней жидких и твердых частиц. Последний пример должен быть особенно понятен медикам. «Ну, что делать — тогда производится питание бульоном per anum». Это и есть содомия: потребность данного организма, «крови» его, «души» его — непременно в мужском семени, в мужском органе, в мужской страсти, в характерном мужском жаре; но обычного для всего этого восприимчива, обычного, но, однако, не абсолютного, именно влагалища и матки — нет; и тогда происходит «питание мужским жаром» так, этак, иначе, еще иначе — что и производит чрезвычайную множественность образов содомии, способов содомии, как это и свидетельствуется медицинскими же показаниями, медицинскими рассказами, «всей клиникой извращения» (якобы). Все, однако, сводится к прикосновению. Вот этого нигде не отсутствует, рассказов об этом нет. Как бы «прикоснуться», «получить прививку» («садоводство»), «зажечься жаром мужчины». Вот еще аналогия «оплодотворения»: ведь в нем действительно один организм «вспыхивает» от другого. А необходимость этих «вспыхиваний», мировая необходимость, вытекает из того, что «мир вообще горит», что «жизнь вообще пожар». Как это остановить? как этому сказать «не будь»? И таким образом как вы скажете содомиту «не зажигайся мужским огнем», когда зажечь его женщиной не может медик, бессильна медицина? А «не гореть» он не может, ибо жизнь есть огонь и теплота. Вот куда заходят все эти вопросы: медицина (и юриспруденция) хочет, чтобы некоторые тела «оставались сырыми», «не загорались»: но этого они так же не могут, как птицу обратить в ящерицу, человека — в рыбу, и вообще теплокровное — в хладнокровное. Пока не найдено средства пробудить в содомите влечение к женщине (вот — пусть работают юристы и медики) — оставьте им совокупление, какое они имеют: это — «зажигание», «прививка», а без зажигания — нет огня, без огня — жизни, без прививки и оплодотворения — нет всего вообще растущего. Оплодотворение раньше «вот этого совокупления»; ему предшествует. «Хочу оплодотвориться» — крик всей природы, которого никто не вправе вырвать у существа. Теперь: как? Медик говорит: «Как все». Содомит отвечает: «Хорошо, сделайте мне, как всем». Что «пропишет» медик? Нечего прописать, нет средств: ну, напр., у пассивного содомита вообще не происходит никогда эрекции и не выделяется никакого семени. Что же тут «прописать»? «Третьей ноги» не вырастит медик!! Тогда содомит, опрокидывая баночки, риторы, откидывая пластиры и микстуры, говорит: «Оставьте меня в покое, вы — сапожники в собственной науке, и я делаю то, что мне дано природой, что мне оставлено природой, беру ту милостыню — в которой она, благая, мне не отказала». И прибегает к своим «прикосновениям-прививкам» с их тысячею модусов, с «влюбленностью» и «романами» (тысяча свидетельств, примеров, рассказов).

Пол — волнующееся, волнение; пол — текущее, от «0» до «бесконечности» (у рыб — мириады рождений в год, сколько икринок в рыбе), от «—1» до «+1». Вполне бы можно сказать, что «мужского» и «женского» — вовсе нет, а есть «стремление по кругу»; «все возможности» в каждом, но обычно в каждом же преобладает которое-нибудь одно, и когда преобладает к самке — мы это называем «мужской организацией» и «мужским влечением», а когда преобладает «к самцу», то мы называем это женской организацией и женским влечением. Но «преобладает» — значит «совмещается еще с другим». Эти «совмещения» в каждом есть; и как в содомите есть хотя бы «миллионная часть» нормального совокупления, так в нормальном мужчине есть хотя бы миллионная часть содомического влечения. Миллионная или тысячная, а то, может быть, сотая, наконец может быть десятая, и, наконец, как в приведенном рассказе — почти 1/2; точнее — в приведенном рассказе содомии 2/3, нормы — 1/3, случай «излечимый», «исцелимый», «поправимый».

Случай этот — совершенно темного человека, едва умеющего (судя по рукописи) писать. Вот блестящий рассказ о себе талантливого философа-женщины, не подозревающей ничего о своей природе, но как ярко те же духовные черты сказались в рассказе! Она сама чувствует, говорит: «я не так родилась, как все», «с детства я чувствовала в себе что-то странное», «не ошиблась ли акушерка матери, приняв у нее девочку, ибо всегда я чувствовала себя мальчиком, мужчиной». У нее половое притяжение остановилось на нуле: высокий талант к науке, к наукам, к философии, и абсолютная безразличность к кавалерам, самцам. Вот эта автобиография без всяких пропусков:

Рассказ о себе доктора философии, Марии Владимировны Безобразовой, — дочери автора и редактора «Сборника государственных знаний»

«Существуют странные люди, к которым я несомненно принадлежу, и потому рассказывать о себе я не могу так, как это делают другие; к тому же не знаю, стоит ли это делать, может ли быть интересно то, что я могу сказать?»

Потом, когда я хочу что-нибудь рассказать, то наталкиваюсь на одну большую трудность: я не умею рассказывать или не владею той формой, в которой ведется обыкновенно повествование.

Тот язык, который я себе выработала, по возможности кратко передает содержание моих мыслей, он прежде всего точен и сжат[176 — Мужской, научный слог. В. Р-в.], а с таким языком нельзя приступать к повествованию. Или пропустишь то, что с моей точки зрения не заслуживает внимания, или же впадешь в другую крайность — начнешь размазывать.

И потому я заранее прошу о снисхождении всех тех, которые будут читать эти строки: я не родилась повествовательницей.

Может быть, удивит еще больше, когда я скажу, что не родилась женщиной. Не воскрес ли во мне потомок какой-нибудь современницы матриархата? Или в меня не вошло чего-то, что в течение веков обуславливало собой тот тип женщины, которую мы все знаем, — итог ее порабощения? Моей натуре чужды все чисто женские элементы женщины, чуждо ее порабощение.

С самого раннего детства я чувствовала, что не родилась девочкой.

— Не ошиблась ли Луиза Христиановна (акушерка матери), меня принимавшая? — был вопрос, который я не раз задавала.

Но нет, она не ошиблась.

Я родилась не только девочкой, но даже красивой девочкой; и все те знаки внимания, которые мне оказывали, должны были разубедить меня в возможности физиологической игры природы...

Драма была на духовной почве. Все мои психические задатки и способности не вязались с тем, что обыкновенно природа дает женщине, все мои вкусы шли вразрез с издавна сложившимся строем жизни вообще девочек.

Я не только никогда не играла в куклы, но возненавидела повод, по которому их дарят, — елку. На елку приезжали те старшие родные, для которых мои молодые родители не были законодателями и не могли им сказать: «не дарите». Эти старшие заваливали меня, как первенца, аршинными куклами, их кроватками, шкафами и другой дребеденью, а я была несчастна не потому только, что все это было мне ненужно, а по совсем другой причине. Мне надо было показать благодарность, даже радость. Как неглупая девочка, я знала, что это было необходимо, а между тем для меня всего тяжелее была ложь. Потому-то я искренно радовалась, когда проходил этот несносный вечер, уезжали старшие, провожаемые всеми знаками почтения, и я могла забросить или, лучше сказать, забыть аршинных кукол, пишавших «мама». Для меня не было большего праздника, чем когда мы с братьями принимались опустошать елку, и я могла поиграть в их игрушки. Я совсем не была выше игрушек. До сих пор помню один подарок отца — он подарил мне его задолго до елки, так же, как и я, сгорая от нетерпения. Как сейчас вижу эти белые сани, такие большие, что в них могли усесться оба брата, с облучком для меня; сани, запряженные парой вороных в серебряной сбруе. Сбруя снималась и надевалась, и моему блаженству не было конца. Милый папа знал, что подарить.

Отец кончил курс с серебряной медалью в Александровском лицее и 23 лет женился на своей троюродной сестре Масловой. Матери было только 18 лет. Она воспитывалась за границей и знала по-французски лучше, чем по-русски. Сестры ее даже едва говорили на своем родном языке, а вышли обе за провинциалов. Две сестры отца всю жизнь провели в провинции и оказались замужем за итальянцами — одна даже за ревнивым сицилианцем, доведшем ее до чахотки, другая за известным санскритистом Де-Губернатисом. Отец очень быстро шел по службе, чуть не 25 лет был начальником отделения, а 32 лет действительным статским советником. И отец, и мать оба писали[177 — Пробуждение литературного таланта в генерации перед тем, как родиться замечательному ребенку-урнингу. В. Р-в.].

Летом разыгрывалась фантазия матери. С нетерпением ждала я своих именин, зная, что она готовит мне сюрприз. Но то, что она дарила, всегда превосходило мои ожидания. За деревянным топором следовала маленькая соха с железными лемехами — соха, в которую я впрягала братьев; и, наконец, явилась коса, в сообществе бруска в брусочнице и молотка с бабкой.

Когда этой настоящей маленькой косой я выкашивала наш так называемый чистый двор, ремешок брусочницы опоясывал мою красную кумачную рубашку с косым воротом, а внизу торчали высокие голенища сапог. Летом мать уступала моей слабости и позволяла мне ходить в рубашке[178 — Т. е. в мужской крестьянской рубашке. Какие все подробности! См. стр. 76—81, в главе «Прослойки содомии у Л. Толстого», извлечение из его «Воскресения» о подруге Екатерины Масловой. В. Р-в.]. Но зато зимой мне оставалось только завидовать. У этих счастливых мальчиков были такие красивые синие кафтаны с золотыми пуговками, отороченные серым барашком, и, к довершению моей зависти, еще красные кушаки и шапки, а я... ходила в салопе и капоре[179 — Поразительно. Полная аналогия примеров Крафт-Эбинга. В. Р-в.].

Мои прогулки в городе были отравлены этими атрибутами «девочки». Мне было неловко в них, и они казались мне некрасивыми.

В рубашке было так удобно вскочить в телегу, править, лазить на каждое дерево.

Я ездила, правда, в платье, на козлах нашего большого крытого тарантаса, потому что уговорить меня сесть в клетку было трудно, и править я любила больше всего на свете, пока не стала ездить верхом, и тогда править показалось мне уже скучным.

Кучер был нередко пьян, как это подобает деревенскому кучеру, и я совсем одна справлялась с тройкой. Я изучила все нехитрые приемы этого управления, и лошади меня слушались: вожжей я не дергала — для этого я слишком любила лошадей. Любила и собак, и помню, как 4-х лет ничем не сумела угостить собаку, кроме освященной просфоры, и до чего все перепугались.

Уже если я завидовала братьям, то еще больше кучеру, у которого все было настоящее. Его шляпа с павлиньими перьями и наборный пояс были лучше того, что носили мальчики.

Но хотя у меня не было ни шляпы с павлиньими перьями, ни кушака, зато уже в 13 лет у меня была собственная лошадь. Не зная, что мне покупать, отец давно дарил мне деньги, и на них-то я купила лошадку.

Хотя «Каренькую» не только кормила на свой счет бабушка (в ее имени мы жили всегда летом), но моя лошадка и пахала, и возила навоз и сено[180 – Рабочие инстинкты у богатой и знатной девочки, которую все нежат. Сравни, как полную аналогию, слова Толстого об урнинге-дочери генерала, подруге Масловой, в «Воскресении» («Прослойки содомии у Толстого и Вл. Соловьева»). И при этом тут не просто рабочие влечения, но названы специальные мужицкие работы. Не вытекает ли в самом деле «работа» из пола? Потому что ребенок Безобразова еще ни о какой культуре не задумывалась, ни о цивилизации, ни об истории, ни о классификации работ между полами. Но она берет «соху» и хочет «пахать», как урнинг-Деметра «научила жителей Аттики земледелию». Настоящее призвание самца — охота, звероловство; и «звериная», «животная» жертва Авеля-зверолова «угодна Богу». Но — аналогия монашескому зову Евы — Каин начал заниматься земледелием, и плоды рук этого первого на земле урнинга были «отвергнуты Богом» (как и Ева «пала» в антиуранистическом Ветхом Завете). В самом деле, взгляните в фигуру пахаря, идущего за сохой, в этот «мирный труд» его, на который хочется «позвать благословение Божие». Лучшие в мире земледельцы — китайцы, полу-бабы, «с косами». Но и, вообще, идти за сохой, проводить борозду и бросать в нее зерна — как это близко к чисто уже женскому занятию — ткать полотно. По форме, по методу, беспорывному и без «кулака», земледелие есть типичное муже-бабное дело, содомическое и уранистическое. В. Р-в.], все же я каталась на ней раза два в неделю, а остальное время заботилась о том, чтоб ее не мучили. Впрочем, бабушка и сама любила лошадей[181 – Вот как далеко идет в род. Женщина любит корову, а если коня начинает любить — то это уже в 1/10, в 1/100 пробудившийся в ней урнинг. Конь есть столь же мужицкая вещь, «мужиково хозяйство», — конь и еще собака, «пес», — как кошка и особенно корова суть домашние животные жены и ее «угол», ее «хозяйство». В. Р-в.], и им жилось у нее хорошо.

Мое мальчишество не нравилось старушке. Она пыталась иногда читать мне наставления, хотя и делала это в очень мягкой форме. «Зачем мама тебе это позволяет? Разве девочке можно?»

И я вспыхивала, хотя бабушка была такая добрая и слабая, что на нее нельзя было сердиться. К тому же она и сама меня опасалась; то же, как я проводила время, подкупало ее в мою пользу.

А именно: летом я вся отдавалась своему садику.

Бабушка отвела мне лужок за домом, и на этом лужке я устроила себе сад-огород. Были у меня там и цветы, и овощи, и ягодные кусты, цвела и поспевала клубника. Очень занимала меня компостная куча, которую я постоянно перелопачивала, но не помню, чтоб мои урожаи отличались обилием. Напротив, у бабушки, хотя и не было компоста, все родилось несомненно лучше. Мой уголок был слишком тенист и не удобрен издавна, как бабушкин огород. Тем не менее я гордилась своим садиком и его не бросала — чуть ли не до 18-летнего возраста. Тут стало уже не до него, и как жаль, что стало так.

Мое детство в деревне неразрывно связано с соседями по имению, именно двумя девочками одних со мной лет. Мы проводили два дня в неделю вместе и проводили их неизменно... в бане. Баня изображала избу, а мы — мужиков. Мужики производили все сезонные работы. Роли были распределены раз навсегда: самая энергичная из нас была хозяином, ее сестра — хозяйкой, а я — работником. И мы совсем уходили в свою крестьянскую жизнь.

Теперь, когда я вспоминаю эту игру, мне всегда кажется, что мы предугадали в ней свою судьбу. Хозяин действительно стал хозяином, управляет образцово имением, тем самым, где мы играли в бане, хозяйка так же хорошо ведет свое городское хозяйство, а я... так и осталась работником, чем была в бане.

Хорошо жилось в деревне и, когда наступала осень, не хотелось в город. Не то чтоб я не любила учиться, но весь склад городской жизни, заключенной в стенах, и атрибуты девочки были мне противны.

Всего менее пришлось я ко двору в пансионе, куда ходила с 10 лет. Это был очень приличный немецкий пансион, где воспитывалось 3-е поколение девочек тихих и выдержанных, готовившихся стать со временем добрыми Hausfrauen[182 – домохозяйками (нем.)] и Mütter[183 – матерями (нем.)], а до тех пор усердно зубривших то, что полагалось зубрить. И среди них вдруг очутилась я — этот русский сорванец, добрый товарищ моих братьев, для которых я оказывалась очень часто слишком бойка, когда их муштровала и находила, что они не умеют войти во вкусы лошадей и плохие кучера.

Что было мне делать в пансионе! Моей удали не было никакого исхода, и во все время существования этого пансиона, с тех пор, как ввелась толстая черная книга, именуемая «журнал», ни у кого еще никогда не было таких баллов за поведение. Я оставалась одна и сама по себе в этом отношении. Меня так много и часто бранили, что я давно перестала слушать и интересоваться тем, что мне собственно говорили. Помню, что мне пророчили ад, но я не боялась и ада. Когда я была в младших классах, моя классная дама — немка — даже выдумывала для меня особенные наказания, никогда в пансионе не существовавшие и, верно, после меня канувшие в вечность. Она отправляла меня завтракать в отдельную комнату, а я этим гордилась.

Ни баллы, ни наказания не производили для меня ни малейшего впечатления: я так же мало обращала на них внимания, как на слова, и продолжала жить по-своему. Предсудительным я считала говорить по-французски и по-немецки (я недурно уже говорила дома), а, напротив, стремилась обучить лучшему выговору своих товарок-немок, которые немилосердно коверкали русский язык. И совершалось то великое чудо, что немочки, не боясь даже замечаний, отвечали мне по-русски, и я от души могла радоваться их успехам, за которые мне столько доставалось. У немочек же я ничему не научилась.

В классе я или читала русскую книгу, или писала сочинение; слушать, как по 10-ти раз отвечают то же самое, казалось мне нестерпимо скучным. И все это делалось на глазах учителей, так как я никогда не скрывала того, чем занималась. Меня оставляли в покое, потому что сделать со мной все равно ничего не могли.

Учителю французского языка, возле которого я имела удовольствие сидеть (я была у него второй ученицей, а мы помещались за длинным столом по рангам и сидели на стульях), я даже сама читала наставления, когда мне казалось, что он недостаточно внимательно слушает то, что ему отвечают. Он мне надоедал тем, что на меня смотрел, — и на мой вопрос: «Que me regardez-vous?»[184 – «Что вы смотрите на меня?» (фр.)] всегда уверял: «J'étudie votre caractère»[185 – «Я изучаю ваш характер» (фр.)].

Уроков дома я никогда не учила, а только в классе. Дома я читала и со страстью играла на рояле, потому что мне нравилась моя учительница музыки (ученица Антона Рубинштейна) и хотелось доставить ей удовольствие. Таланта же к музыке у меня не было, как вообще не было никаких талантов.

Моя жизнь в пансионе протекала довольно спокойно — я умела избавить себя от всех скучных обязанностей, которые на мне лежали, и училась исподволь. Я не знала, что такое переутомление, и не понимала самолюбия хотеть быть первой ученицей. С удивлением постигала я плечами, когда меня бранили за то, что я недостаточно хорошо учусь. «Ведь в числе же лучших я», — думалось мне, когда я постигала наконец, за что мне досталось на этот раз. «А баллы, какое мне дело до их баллов», — недоумевала я, судя за Гоголем или Тургеневым и уносясь в иной мир. Все равно умрем, все суета сует и, когда человек живет на земле так недолго, стоит ли заботиться о баллах! В моих глазах это было верхом суеты, и от этой суеты я была избавлена или избавила себя сама[186 – Чисто мужской образ мысли, типичные мысли и отношение к делу гимназистов. В. Р-в.].

Мысль о смерти не давала мне покоя[187 – Вот опять направление в сторону мистики и религиозного, «по-ту-светного»: обычное направление урнинггов. Можно сказать, «тот свет» создан урнинггами, потому что они типично сами — не этого света существа и, до некоторой степени, действительно «по-ту-светны». В. Р-в.]. Совсем еще маленькой девочкой я видела страшные сны: себя в гробу и пробуждение потом. Это был один из самых обыкновенных моих снов, который развивался во всех подробностях и, как это бывает со снами, часто повторяющимися, у него была своя обстановка, и я относилась к этому сну, как к чему-то своему и родному[188 – Поразительно! См. у Крафт-Эбинга аналогичное признание: «Я говорил с давно умершими людьми, с дальними своими предками» (случай *effeminatio* врача-мужчины). В. Р-в.].

Когда я стала старше, мысль о смерти являлась мне и наяву и принимала образ нирваны. В любое время дня или ночи я могла представить себе, что более не существую, и уничтожались для меня время и пространство. Ничего более ужасного не могу вообразить до сих пор. Когда нет времени и пространства, то нет ничего, и состояние беспредельной пустоты, чего-то худшего, чем пустота, потому что пустота все еще наше человеческое понятие, внезапно меня охватывало. Я выходила из этого сомнения, произнося обыкновенно одно слово «мама», и направлялась к матери ближайшим путем.

Раз я перелезла через комод, потому что путь по полу показался мне длинным. Только когда я видела близкого человека, состояние это проходило[189 – Возвращение от метафизического состояния к физическому состоянию, через прикосновение к другому физическому же, к другому конкретному. В. Р-в.]. В нем я изучила понятия пространства и времени и убедилась, что без них человек не может жить. Все обращается в ничто, когда нет времени и пространства, — было мне ясно задолго до того, как я читала Канта[190 – Вот где даны «врожденные философские концепции», вот как и откуда «учатся философии», и даже объяснение, где лежат «наши темные представления» (Лейбниц). Все — в поле, и в его тенях и оттенках, которые бесчисленны («мировой эллипсис пола», «колесо» Иезекииля). В. Р-в.].

Рано начала я читать все то, что имело какое-нибудь отношение к философии. Никто мне этого не говорил, но я чутьем знала, что те вопросы, которые меня мучают, создали философию, и философы — те люди, которые одни могут меня утешить и успокоить[191 – Вот как «рождается философия». В. Р-в.]. У них искала я разрешения вечных вопросов о происхождении мира и его будущем — разрешение и разгадку того, что составляло мою внутреннюю жизнь. Об этом я не говорила даже с матерью, хотя была с ней дружна и рассказывала ей много такого, чего обыкновенно не говорят матерям.

Я еще не была в пансионе, когда мне попала в детском журнале психология, которую я списала и хранила, как святыню. Из этого же источника почерпнула я, верно, правила жизни Франклина — другое мое сокровище, занесенное в тетрадку. Когда задавали урок истории, я шла в кабинет отца и в его просторном немецком Вебере читала о том периоде, который у нас проходил, но читала только то, что делали в это время философы. Я не всегда учила урок, — какое мне было дело до войн и суеты королей, но я всегда читала в Вебере о том, что составляло для меня содержание жизни.

Мать рано начала удовлетворять моей страсти к чтению. В то же время начались и мои первые литературные опыты, которые были так же неудачны, как и многие последующие. Помню, как я сидела над первым детским чтением — сказками, и всеми своими силами пыталась выкинуть из них волшебный элемент. Иногда мне казалось, что я нашла решение, и я долго радовалась, но потом обыкновенно разочаровывалась. Волшебный элемент был так крепко вплетен в сказку, что когда я заменяла его естественным, то ничего не оставалось. Я чувствовала, что ничего не выходит и моя работа пропала.

Когда сказки заменились нравоучительными повестями вроде «Квичи» и «Le vaste monde»[192 – «Целый свет» (фр.)], я до того сжилась с их героинями, что начала проводить в жизни то, что делали эти девочки. В этих повестях особенно часто шла речь о суете мирской — истинный мир, мир религии не имел ничего общего с нашей жизнью. Иногда я помышляла даже о том, чтобы обратиться к своим близким с вопросом о том, почему они так мало думают о будущей жизни и не делают того, исполнять что мне казалось просто. Иногда я

представляла себе, что придет тот день, когда я это скажу всем людям, — они поймут меня, уверуют и перестанут грешить.

Но как ни казалось просто то, что надо делать, настал тот день, когда я и сама разочаровалась в том, чему прежде так горячо верила.

Произошло это в Италии, где мы проводили осень. Был ли то переходный возраст — 14 лет, влияние ли католицизма с его процессиями и мадоннами в платьях, или разговоры дяди-атеиста, которые доносились до меня урывками из другой комнаты, — верно, все вместе взятое заставило меня решить, что религия лишь измышление, илюзия и фантазия человека.

Вернувшись в пансион, я стала мучить несчастных немочек и ежеминутно их спрашивала: «Веришь ли ты?» Когда мне говорили, что «да», я скорее отвязывалась, чем когда слышала «не знаю». Все мое негодование изливалось на произносившую такие глупые, по моему мнению, слова.

— Как можешь ты говорить «не знаю», когда это самое важное в жизни, — громила я несчастную девочку и объясняла ей всю важность вопроса.

Не помню, чтоб я когда-нибудь говорила, что сама не верю, а тем более чтоб развивала свои мотивы. От меня этого никто не требовал, и я считала нужным молчать.

Только раз помню, что возбудила спор в классе, который долго нас занимал.

Речь шла о том, как мыслит человек — словами или не словами. Началось с того, что я по своему обыкновению приставала к одной из немочек и на этот раз дразнила ее тем, что она думает по-немецки. Девочка эта говорила по-русски лучше всех, была даже православная, а все же я уверяла, что она немка, и в доказательство и привела этот свой аргумент.

Она ответила мне так, как я вовсе не ожидала.

— Совсем не думаю словами.

— Как не думаешь! — накинулась я на нее. — Нельзя думать без слов! Каждый человек думает словами!

— А вот, — объясняла она мне, — «придет к нам в класс Флери», — неужели ты себе это говоришь, а я так представляю себе его вице-мундир, лысину...

Меня осенило, что я была не права. Да, конечно, и я, когда думаю, что «Флери придет в класс», то представляю себе его, а не говорю слова. Но как же это, однако? Есть такие вещи, о которых без слов совсем нельзя думать, и я вспоминала свои излюбленные «добродетель, вера, грех». «Да, нельзя — кто же прав: Лейшке или я?»

И кто бы ни входил к нам в класс — был ли то учитель арифметики, географии или рисования, которая-нибудь из немочек непременно докладывала, что его просят ответить на один вопрос: «Как думает человек?»

И учителя путали и путали. Из их объяснений я ничего не вынесла и так и осталась с убеждением, что это трудный вопрос, пока не узнала, что мы спорили о понятиях и представлениях, и никак не могли прийти к соглашению, что нужны и те, и другие.

Хотя этот спор имел мало отношения к воззрениям Лейбница и Локка на прирожденные и приобретенные идеи, тем не менее их разногласие было мне всегда особенно понятно и близко, было чем-то совсем своим благодаря нашему спору.

У меня была еще мысль, которой обыкновенно не бывает у детей: мне совсем не хотелось вырасти[193 – Поразительно. Мотив желания «скорее вырасти» не есть ли жар души «скорее заневеститься» и стать скорее «женихом», инстинкты самки и самца. И у «невест не невестных», как и у «странников в пустыне мирской», естественно это чувство: оставаться бы вечно таким, как есть, «не надо вырастать», незачем. В. Р-в.], даже больше того — я страшно боялась того времени, когда буду большая, не стану больше ходить в пансион, и мне придется жить. «Хотя бы теперешнее время никогда не прошло», — было единственное, о чем я мечтала, шествуя в пансион, играя на рояле или играя в карты с французенкой, гувернанткой младших.

Мне было хорошо, и я представляла себе, что дальше будет хуже.

Может быть, иногда потом мне было лучше, чем я себе это представляла, боясь вырасти, — я слишком уже боялась.

Итак, я росла не такой девочкой, как многие, и имела право спрашивать Луизу Христиановну — не ошиблась ли она.

Но я не любила и даже обижалась, когда одна русская товарка (моя любимая) называла меня чудачкой.

Несмотря на свою бойкость, я была застенчива, и мне хотелось быть, как все.

Когда в пансионе меня целовали чужие дамы, я сгорала от стыда[194 – Вещь совершенно необъяснимая и небывалая, если б она была только женщиной. В. Р-в.] и готова была провалиться сквозь землю, только чтобы не сделать реверанса.

Детские балы смущали меня необходимостью войти в залу, хотя я охотно на них ездила.

Застенчивость уживалась во мне с бойкостью и мальчишество с мыслью о смерти.

Много неразгаданного в человеческой душе, и крайности не всегда одна другую исключают.

Мне не было еще 16-ти лет, когда, просидев 2 года в старшем классе, чтоб не кончить 14-ти, я вышла из пансиона и вступила в жизнь,

которой так боялась.

Во время последнего года, который я проводила в пансионе, речь все чаще и чаще заходила об экзамене на домашнюю учительницу.

В самом пансионе экзаменов не существовало.

В каждом классе было так мало учениц (не более 15-ти), что всех знали и переводили по годовым баллам. Иногда оставляли, когда учебе не давалось; случалось, что оставляли и за способность, т. е. слишком юный возраст.

Естественно, что вопрос об экзамене всех пугал. Держали его далеко не все, спрашивали же друг друга решительно все:

— Будешь держать экзамен?

Когда с этим вопросом обращались ко мне, то я неизменно отвечала:

— Книги никогда не возьму в руки.

И я говорила чистосердечно. Мне еще совсем не приходило в голову, что я буду делать, когда кончу в пансионе. Менее всего было мне ясно то, что я когда-нибудь заинтересуюсь учебниками. Слишком мало уделяла я им до сих пор внимания. Но потому-то именно учебники мне еще совсем не надоели, и моя работа была впереди.

Случилось очень скоро то, о чем я совсем не помышляла.

В 16 лет я была еще слишком молода, чтоб выезжать: надо было подождать год. Братья не были более моими товарищами, старший учился в Лицее, второй в гимназии, и они продолжали быть мальчиками в то время, как я стала взрослой.

Что оставалось мне делать?

Я купила себе программы экзаменов и русские учебники (в пансионе все предметы, в том числе и арифметика, проходились по-немецки). День был у меня правильно распределен, и каждому предмету отведено свое время. Сколько меня ни отговаривали, я брала все предметы главными и приводила аргументом то, что главный предмет можно обратить в дополнительный, не выдержав экзамена, но почему не попробовать и чему это мешает?

Я относилась теперь к экзаменам с таким же легким сердцем, как бывало в пансионе к баллам, и совсем не волновалась. Любимым моим предметом сделалась арифметика, которой я совсем не знала в пансионе. Мне попался очень хороший учебник Назарова, и я до того увлекалась решением задач, что забывала даже о распределении своего дня. Память у меня всегда была хорошая, и когда я раз пришла к матери с толстой книгой хронологии, то оказалось, что я знаю в этой книге все события до одного.

И вот мы сели в карету и ехали в шестую гимназию. Я ощущала только радость. Меня не охладил даже первый экзамен — французский, несмотря на то, что учитель все время ко мне придирался и поставил 4. Тот же балл получила я из немецкого, все же остальные экзамены выдержала на 5. Это случалось редко. Во время последнего экзамена ко мне подошел окружной инспектор и меня поздравил.

Этот первый успех произвел на меня впечатление. Я уверовала в свои способности и решила... поступить в Цюрихский университет. Одна знакомая барышня дала мне университетскую программу, и я ее хранила как самое дорогое, что у меня теперь было. В этом только заключалась вся моя связь с университетом. Долго, очень долго у меня не было другого отношения к Цюриху, как эта программа.

Но когда я попробовала раз объявить о своем решении матери, то она только рассмеялась.

То была мать, сочувствовавшая моему желанию учиться, но был еще отец, ему вовсе не сочувствовавший.

Ученые женщины были кошмаром отца: он их преследовал вне дома и мог ли примириться с ними у себя?

Отец только потому отдал меня в немецкий пансион, что там учили меньше, чем в гимназиях, и, по его словам, не учили естественной истории. По его мнению, женщинам совсем не надо было учиться, но так как не учиться в XIX в. было нельзя, то он и нашел паллиатив в образе немецкого пансиона.

Странно, конечно, что, при таком отношении к женскому образованию вообще и к моему в частности, отец сделал из меня своего секретаря [195 — Конечно, сделал вследствие высокой способности к этой мужской форме труда, которая, вероятно, кидалась у его дочери в глаза; и он сделал для этой дочери «исключение» в силу ее явно «исключительной природы». В. Р-в.], не помню с каких лет, но, кажется, когда я еще была в пансионе. Я рассылала повестки и циркуляры, а позже читала корректуру его изданий. Другой его секретарь, магистрант Петербургского университета, никогда не оспаривал у меня первенства.

Но хотя я собиралась в Цюрих, тем не менее не уяснила себе вопроса, чему хочу учиться и чем стать? Если в детстве меня всего больше интересовала философия, то в юности привлекало естествоведение. Я по-прежнему любила деревню, и мне хотелось деятельности, где для женщины будет такой же простор, как и для мужчины. А в сельском хозяйстве они равны, и я всего чаще мечтала о том, чтоб стать агрономом.

Далека была от меня мысль, что я могу стать кабинетным ученым. В нашем доме мне давно надоели ученые, и та атмосфера, которой я была окружена, казалась мне скучной. Те подробности, о которых мне приходилось постоянно слышать, представлялись мне ненужными. Сути государственных наук я не могла уразуметь, и они оставались мне чуждыми.

Когда мать давала мне читать экономистов, то я только удивлялась тому, что такие книги ей нравятся. Отец имел привычку читать мне

свои статьи, и я всегда радовалась, когда он кончал. Мне было жаль сказать ему, что это скучно.

Мать до тонкости изучила специальность отца — политическую экономию[196 — Очевидно, уже у матери было движение к мужской организации, которое выросло в дочери; от 1/10 урнинга — урнинг в 1/3, и далее (если бы продолжалось потомство) — в 2/3, в 3/4, в полного урнинга. В. Р-в.]. Она не только читала Адама Смита (он-то и был мне особенно противен), Рошера, Молилари, Лоренца Штейна, но переводила и академические мемуары отца на французский язык. Мать писала по-французски лучше, чем по-русски.

Ее писательская деятельность началась с фельетонов в «Journal de St.-Petersbourg». То были критические очерки русской литературы, блиставшие остроумием и возбуждавшие постоянные нападки «Гражданина» благодаря своему либерализму. Еще замечательнее были ее корреспонденции в «Journal des Débats». Они обращали на себя всеобщее внимание, и автором их считали одно время Анат. Леруа-Больё. Она писала их в течение 10-ти лет и вела одно время этот отдел в «Revue Suisse» и в «Contemporary Review» (по-английски). В «Rivista Europea» (издавал ее Де-Губернатис) были помещены ее статьи о Тургеневе, и в «Nouvelle Revue» — о женских типах в русской литературе. Может быть, лучшее, что написала мать, — статья в «Journal des Economistes» о женском вопросе. Она доказывает, что ошибаются те экономисты, которые считают освобождение женщин социалистической теорией, и что в политической экономии не существует аргумента против свободы женщины.

Отец же, одинаково изучавший политическую экономию и преподававший ее в Александровском лицее и великим князьям, был ярким противником этой свободы и недалеко ушел в этих своих воззрениях от кн. Мещерского.

И мать 10 лет скрывала от отца, что она писательница. Ее псевдоним «Татьяна Светова» оставался глубокой тайной (я была в числе 3 —4 посвященных).

Наконец эта тайна раскрылась. Мать написала детские рассказы и подписалась «Е. Васильевская» и показала их отцу; и вот случилось, что он первый начал расхваливать эти рассказы и написал о них рецензию. Особенностью отца было необыкновенно мягкое сердце, сердце не мужское[197 — Мать — мужественная, отец — женствен. Совершенно понятно «происхождение такой дочери», как понятна равно талантливость обоих родителей. Можно почти дать афоризм, что «всякий талант — гермафродитичен». В. Р-в.], но горяч он был, конечно, страшно, как все добрые люди.

Стоицизм матери произвел на него глубокое впечатление. Он при своей экспансивности не мог себе представить, как можно скрывать что-нибудь несколько часов[198 — Чисто женская натура — у отца! В. Р-в.], а не только десять лет.

Я мечтала тем временем о чем-то большем и захватывающем. Мне хотелось действовать и творить большое и великое. Великое не умещалось у меня в рамках писанья. Писать было чем-то чересчур обыденным и прозаическим в нашем доме, где все писали, начиная с отца и кончая 10-летней сестрой и 9-летним братом, сочинявшими повести.

А я, напротив, никогда не писала и не слыла в семье писательницей — слишком много уже все это делали.

Твердо решено было у меня лишь одно — попасть в Цюрих, а для этого надо было пройти, по моему мнению, курс мужской гимназии. И вот я взяла программу — вычеркнула то, что знала, и занялась тем, чего не знала, — математикой и древними языками. Алгебра мне понравилась — я опять увлеклась решением задач, но геометрии не понимала и никогда не была в состоянии решить ни одной задачи. Когда же дошла до тригонометрии, то стала совсем в тупик. Мне казалось, что геометрия построена на каком-то чудовищном недоразумении, — в чем оно, я не могла разъяснить, но для меня это была фиктивная наука.

Древние языки пошли у меня недурно, только греческий смутил на первых порах своей азбукой. Вторым братом, всегда первым учеником своего класса, мне помог, время от времени просматривал мои переводы и неизменно ставил тройки. Больше я не заслуживала, хотя все же подвигалась не совсем медленно и в два года прочла тех авторов, которых полагается читать в гимназии. Аттестата зрелости мне, конечно, никто не выдал, да я о нем и не помышляла.

В течение этих двух лет я мало читала, за исключением специальных сочинений по химии и ботанике, так как слушала лекции Менделеева и Бекетова на Владимирских курсах. Меня возила на эти лекции мать — к великому ужасу отца, который, со своей стороны, усердно пропагандировал манеж и балы.

Я ничего не имела против манежа — лошади ведь были с детства моей страстью, и, когда я брала первый урок, берейтору и мне казалось, что я провела всю свою жизнь на лошади.

Одинаково не имела я ничего и против балов, хотя танцевала гораздо хуже, чем ездила верхом. В жизни барышни балы являлись оазисами. Насколько скучны были визиты и разговорные вечера, настолько интересны были балы. Только на балу и чувствовала я себя свободной. Сама атмосфера бала казалась мне обаятельной; общее оживление, блеск залы, чудная музыка.

Но одних балов для моей жизни было мало, и пришел тот день, когда я вошла в кабинет к отцу и повела с ним решительный разговор.

Я объявила ему, что хочу учиться. Он удивился, потому что никак не мог понять, о каком ученье я говорю.

Но я твердо стояла на том, что хочу поступить на педагогические курсы. Отец рассмеялся. «Ты хочешь быть учительницей. Но какая же ты учительница?» — объявил он мне.

Хотя я давно уже учила и крестьянских детей, и сестру с братом, и любила учить, но отвечала:

«— Я не хочу быть учительницей», — так как действительно думала о совсем другом. Но я знала, что это другое, по его воззрениям, мне еще более недоступно, и потому-то решила добиваться того, что казалось мне более возможным.

Давно уже направляла я шаги гувернантки на Гороховую, чтоб лишней раз взглянуть на милую мне синюю вывеску Женских Курсов.

— Мне только хочется учиться, — очень красноречиво убеждала я отца, так как долго готовилась к этому разговору и обдумала все его слова. И он внимательно меня слушал. Но тут явился новый вопрос.

— Как же ты будешь ходить одна по улицам?

Мне было 18 лет, но я еще никогда не ходила одна. Помню, как раз мать послала за мной к знакомым карету с лакеем, но отец нашел такую охрану недостаточной и посадил в карету еще гувернантку.

Однако у меня был готов ответ. На Курсы поступала одна наша соседка по дому, и я объявила отцу, что буду ездить с ней. Л. принадлежала к очень почтенному семейству, и отец неожиданно согласился.

Я пошла объявить матери о том, что произошло.

Она была так поражена, что мне не верила.

— Как мог он позволить! — все повторяла она. Но это невероятное случилось, и наступило время конкурсных экзаменов.

Я была уверена, что их не выдержу, так как на 40 вакансий желающих поступить оказалось 100, и 40 из них были с медалями. Медали меня всего более смущали. Мне почему-то казалось, что должны поступить их обладательницы, и никак не я. Мои шансы казались мне ничтожными.

И потому трудно себе представить мою радость, когда я была принята и значилась в списке четвертой. На этот раз мое место доставляло мне неописуемое блаженство.

Итак, я вступаю в храм науки достаточно подготовленную: мое домашнее образование не оказалось ниже гимназического, и блеск медалей потускнел в моих глазах. Я перестала взирать на них с прежним благоговением и скоро убедилась, что многие, имевшие медали, знали гораздо меньше тех, у которых медалей не было.

Наступило славное время.

Передо мной открылся новый мир — мир университетского знания, хотя, собственно, Курсы не были университетом, и из преподавателей профессором был один В. В. Никольский. Он читал в духовной академии.

Педагогические Курсы переживали в 1875—76 гг. блестящее время: они были преобразованы, и при них открыта прогимназия взамен прежней школы; а ведь известно, что в России метут особенно чисто только новые метлы.

Ревностно занимался Курсами несомненно талантливый педагог, покойный И. Ф. Рашевский. Мы были первыми слушательницами, учившимися в прогимназии, и с своей стороны одинаково старались — усердно посещали содержательные лекции, много читали и писали дельные сочинения.

Но лучшими на Курсах были для многих из нас лекции Владимира Васильевича Никольского. Он, к сожалению, слишком рано умер, и у него нет того имени, которое он оставил бы, если бы прожил дольше. Впоследствии он был инспектором Александровского Лицея, и, кажется, недолго.

Кто внимательно слушал его лекции, никогда их не забудет. Н. не был красноречив, но то, что он говорил, было лучше всякого красноречия. Каждое его слово было продумано и взвешено, и основная мысль лекции была проведена всегда образно и ярко.

Он читал нам историю русской литературы, и чего только не вносил в свои курсы. Впервые постигла я смысл тех понятий, которые прежде оставались для меня мертвой буквой.

Н. объяснял нам, что такое «народное самосознание» и как оно отражается на литературе.

В литературу, по Никольскому, входили не одни произведения словесности — она охватывала все плоды просвещения, выражавшиеся в слове.

Помню его лекции об эпохе Екатерины II. Он разъяснил, чем был «Наказ», и ввел нас в науку о праве. По поводу французских энциклопедистов Н. изложил вкратце историю новой философии.

Я не согласилась с тем, что он говорил о Декарте, и, когда меня просили как-то раз повторить его лекцию, я передала собственное мнение. А именно, Н. назвал «мыслью — следовательно существую» Декарта силлогизмом. Я же понимала это положение в более широком смысле — для меня оно было не силлогизмом, т. е. чем-то только формальным, а в этих словах заключалось целое мирозерцание. Впоследствии я узнала, что изложение Н. было семинарским, мое же обыкновенным.

Другой наш авторитет, Рашевский, читал нам, будущим учительницам языков, дидактику и методику русского языка, разъясняя сущность грамматики и связь русского языка с церковнославянским. В то же время Р. прививал нам гуманное отношение к учащимся.

Занятия в прогимназии были организованы образцово. Сначала мы слушали уроки преподавательниц и разбирали эти уроки на особых конференциях. Каждая из нас представляла письменный отчет и имела право высказывать свободно свое мнение. Далее надо было составить программу собственных уроков и выбрать себе ассистенток. Следовали эти уроки, и за ними опять конференция, на которой дававшая уроки представляла о них отчет, ассистентки же делали свои замечания.

Раз на одну из таких конференций приехал Осинин, начальник Курсов. Многие из нас, в том числе и я, его не любили за высокомерное

обращение, неуместное в высшем учебном заведении. Но Осинин считал курсы гимназией, а нас ученицами.

На первой же своей лекции (он читал педагогику, излагая психологию по Бенекке, но никогда не называя источника) он объявил нам, что мы не имеем права пропускать уроки, и нас будут записывать. Этого, кажется, никогда не делалось, да и было некому, а всего чаще пропускали мы уроки именно самого Осинина. И час был ранний, и его манера спрашивать и заставлять стоять — неприятны. Помню, как я и сидевшая рядом со мной В. боялись, что он нас вызовет, но этого не случилось с нами в течение двух лет.

Но вот он приехал на конференцию, и как раз когда я была ассистенткой. Мне пришлось сделать при нем мои замечания, и я осталась сидеть, как это было заведено на конференциях.

Не знаю, это ли или моя критика не понравилась Осинину, но, когда я кончила, он объявил:

— У всякой медали есть две стороны.

— У нас здесь принято только критиковать, мы никогда не хвалим, — быстро возразила я к всеобщему удивлению.

Осинина на Курсах очень боялись, и странно прозвучали мои слова начальнику о том, что у нас «принято».

Мне не приходило, конечно, в голову, что это дерзость. Я сказала только то, что знали все, но чего никто бы не сказал.

Осинин промолчал, но оказалось вскоре, что он моих слов не забыл.

На своем уроке он задал классное сочинение. Когда в следующий раз он принес то, что мы написали, то в числе первых вызвал меня.

Соседка дергала меня за платье, боясь, что я опять не встану.

Но я стояла и слушала.

— Вы не умеете писать, у вас встречаются ошибки вроде «не» вместо «ни» (в одном месте было действительно переправлено, но других ошибок не было), — распекал меня начальник и поставил 7. Сочинение это относилось к педагогике, а не к русскому языку. И такая месть показалась всем мелкой, так как все знали, что я не могла написать на 7. Осинин уронил себя в глазах слушательниц, и промолчала на этот раз я.

У него была еще одна черта, которая одинаково не заслуживала уважения. Он делал выговоры наставникам при слушательницах.

Всего чаще приходилось выносить такое обращение старушке-надзирательнице, единственной на все Курсы. Что могла она поделаться с бурлившей молодежью? Мы пользовались большой внешней свободой, проводили скучные лекции в коридоре и не всегда входили в класс по звонку.

Наши беседы в коридоре, так называемые «журфиксы», были гораздо полезнее скучных лекций, и старушка поступала умно, оставляя нас в покое.

Раз Осинин набросился на учителя французского языка за то, что на его уроке мы собрались не все сразу.

Это был тот самый Флери, который учил меня в пансионе (лектор университета). Здесь не он не слушал, а не слушали его. Как свою бывшую ученицу, он меня особенно отличал и читал мои сочинения вслух.

В. П. Острогорский, преподававший иностранную литературу, поставил мне за годовое сочинение 11. То был большой удар моему самолюбию. Я просидела над этим сочинением всю зиму, перечитала не только указанные О. десятки источников, но и многое другое, и написала 100 больших страниц. Немало заставили меня страдать мои «Страдания молодого Вертера». Я ожидала слова поощрения и не получила даже полного балла!

«Итак, я — бездарность, полная бездарность», — приходило мне нередко в голову.

Не понимаю до сих пор, отчего это случилось? Неужели причиной служило то, что мои взгляды не сходились с воззрениями учителя? О. подчеркнул те места, где не был со мной согласен.

«А, — я думала, — вот что».

«Неужели развитие заключается в том, чтобы повторять сказанное учителем? Разве нельзя сказать что-нибудь другое!» Меня поражала такая узость, и я всего менее прощала ее тому, кто был на словах поборником свободы. Какая нетерпимость и непоследовательность. И с пылом молодости я долго помнила, что меня обидели!

На второй год я не могла себя заставить заниматься у О. и даже не прочла того произведения, которое он всю зиму разбирал в классе; кажется, то было «Домби и сын» Диккенса; к тому же он слишком растягивал свои объяснения, все что-то обещая, а на самом деле повторяя старые фразы: то был катехизис либерализма, и, по моему мнению, Острогорский совершенно напрасно опошлял хорошее.

На этот раз я написала два сочинения — оба в один вечер, прямо набело, как писала, бывало, в пансионе. На этот раз я получила 12, и это меня несколько успокоило. Итак, 12 Острогорского оказались для меня величиной достижимой, хотя и не дали за целый год труда. Это все же было несправедливо, а с несправедливостью я как-то не мирюсь. Много еще таких 11 пришлось мне получить в жизни — и всегда, по моему мнению, когда я их не заслуживала.

Острогорский считался нашим курсом преподавателем из средних (раньше, и, может быть, — и позже, его ставили выше всех), а были

совсем плохие, в особенности истории. Они читали старые записки и дремали сами, а подражая им, и мы. Я же была занята. Литографированных записок у нас тогда не существовало, те же, которые были в ходу из года в год, у меня не доставало терпения переписывать, потому что в них заносилось буквально все, от слова до слова. И потому я писала только главное, и прямо в тетрадь пером. Мои записки никому не годились, но я готовилась по ним к экзаменам в несколько часов.

Экзамены я выдержала хорошо и кончила второй. Первой была моя соседка по скамейке В. Когда мы переходили на старший курс, Рашевский назвал нас лучшими. Это было удивительно, потому что во время его уроков мы неизменно молчали. Молчали на вопросы: «что такое подлежащее?» и т. п., ибо понимали, что Р. дает новые определения, и старые уже никуда не годятся. Молчали еще потому, что не любили вставать и слышать, как нас называют просто по фамилиям. Когда к нам относились не как к барышням, мы чувствовали себя неловко.

Раз пришлось щегольнуть тем, что мы — барышни.

Старший курс был приглашен на бал к принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Это случилось впервые во все время существования Курсов и составляло событие. Старушка-надзирательница учила нас добросовестно тому, как себя держать, и даже реверансам.

Но мы более чем оправдали ее надежды. В. танцевала с маленькими великими князьями, а я кадрили с ненавистным мне Осининым. Собственно кавалерами были приглашены ученики коммерческого училища, поражавшие неотесанностью и неумением танцевать рядом с нами. Наверху о нас было сказано, что мы приличнее даже институток, и больше Педагогические Курсы никогда уже не приглашались с коммерческим училищем, а всегда с Лицеем и Правоведением.

В. и я держались вдаль от учителей. Мы даже досадовали, когда любимого Никольского мучили после лекций — ведь он устал, и зачем ему надоедают! И в числе этих жаждущих поговорить с учителями была обыкновенно Л., с которой я ездила на Курсы.

Отец не любил, чтобы опаздывали к обеду, и потому я уезжала одна. Теперь уже давно было предано забвению, что я не могу ходить одна по улицам, хотя, кроме Курсов, я нигде и не бывала.

Вся моя жизнь сосредоточивалась там. Очень хорошо сложились товарищеские отношения, так как было много развитых девушек, с которыми я сошлась. У меня существовала, впрочем, одна слабость: я не могла видеть слушательницу, чтобы с ней не познакомиться, и когда приходила на Курсы, то здоровалась со всеми, потому что всех знала. В. немало трунила над «моей популярностью». А я не прощала ей замкнутости или «аристократизма», по моим словам. Когда у нас затевалось какое-нибудь общее дело и нужны были депутаты, выбирали всегда меня, а я тащила за собой ее. Она сердилась и соглашалась только, чтоб от меня отвязаться.

Общественное служение не доставляло ей ни малейшего удовольствия, толпа пугала. Известная замкнутость была и во мне — я сторонилась старших, но меня тянуло к товарищам. Это какое-то органическое чувство, сильнее меня самой [199 — Замечательно. Чувство «товарищества» — вот это ходко и масляно идущее товарищество — не так просто и рационально. Какие были «товарищи» в бурсе Помяловского?! — и тут, сверх прочих причин, не надо упускать и той, что все одноклассники здесь были «жеребьячьей породой», т. е. отличными самцами. Все было дико, безлюбовно, грубо. Лучшие товарищи — урнинги, которые около товарищей (незаметно для себя) «невестятся» или «женихуются». Масляно и быстро устанавливается нежность, деликатность, внимательность, готовность к услуге и даже готовность к жертве. Талантливый автор для всего этого нашел прекрасные выражения и формулы. В. Р-в.]

И сколько я испытала горя от того, что меня тянуло к людям, как к своим.

Но на Курсах жилось хорошо, и эти счастливые страницы жизни никогда не изгладятся из моей памяти.

Когда первый раз в жизни я вошла в класс, чтобы дать пробный урок, то почувствовала себя совсем свободной. Моя ассистентка, баронесса К., у которой была собственная школа, даже попросила меня ее поучить.

Я рассмеялась и объяснила, что никогда еще не учила в классе. Мне кажется, что умение учить нельзя передать, как и многое другое. Это дар природы.

Сущность хорошего преподавания заключается в том, чтобы видеть в классе целое и всегда иметь перед собой это целое. Тогда класс будет заинтересован, и дисциплина сведется на нет.

Мне было предложено место образцовой учительницы русского языка в прогимназии при Курсах. Места этого все добивались, а я должна была отказаться.

То, что я не буду учительницей, было обещано отцу, и, когда подходило время к окончанию Курсов, он даже уверял, что уедет из Петербурга, если я буду учительницей.

Итак, мне пришлось отказаться, а к Цюриху я не приблизилась ни на шаг.

Когда я читала сведения, сообщаемые о студентах заграничных университетов, у меня сжималось сердце. «Есть же такие счастливицы», — думалось мне, и их становилось с каждым годом все больше, а я все сидела в Петербурге и, верно, просижу тут всю жизнь.

Цюрих был теперь окружен в моих глазах не только ореолом — к его блеску прибавились острые иглы. Давно забросила я программу, так как один ее вид заставлял меня страдать еще сильнее.

И, кончивши Курсы, я опять обратилась в ненавистную мне куклу-барышню.

Расскажу только один эпизод, который случился со мной два года позже.

В 1878 г. был открыт 3-й курс, и говорили, что дадут особые права тем, которые его кончат. Я проводила зиму с бабушкой в уездном городе, но мне захотелось записаться. Когда пришло время экзаменов, я достала записки и приехала в Петербург экзаменоваться.

Я прекрасно выдержала все экзамены, оставался последний — русская история.

Почему-то 2-й и 3-й курсы были соединены, и мне пришлось сидеть несколько часов и слушать, как отвечает 2-й курс. Это было нечто ужасное. Экзаменатор до невозможности придирался, слушательницы терялись и отвечали плохо вовсе не потому, что не приготовились. Я переживала все эти муки издевательства над людьми, которые не могли собой овладеть и объявить, что все знают.

И вот дошла очередь до меня. Речь шла о какой-то войне. Не успела я сказать двух фраз, как меня прервал экзаменатор:

— Вы же говорили, что война велась из-за Аравии, а теперь уверяете, что причиной войны явились курды.

— Желание овладеть Аравией было причиной войны, возмущение курдов явилось поводом к ней, — объяснила я спокойно и продолжала прерванный рассказ.

Он очень скоро меня опять перебил:

— Зачем были нужны туркам немецкие офицеры?

— Чтоб реорганизовать армию.

— А вы сейчас сказали — «чтобы вести войну».

— Разве одно мешает другому? — по-прежнему невозмутимо отвечала я. — Реорганизованная армия была нужна, чтоб воевать.

— Если вы будете продолжать так мне отвечать, я перестану вас спрашивать, — вспыхнув, объявил учитель.

— Как вы хотите, — спокойно сказала я, положила на стол билет и ушла из класса.

Когда я приехала домой, меня все спросили, что случилось и почему я такая счастливая?

— Выдержала экзамен?

Но выдерживала я их много, и к этому давно все привыкли.

— Не выдержала, — ответила я с восторгом. Вечером, в концерте, я встретила одну из экзаменовавшихся со мной, и она мне рассказала, как долго не мог прийти в себя П., и что он поставил мне 7.

Учитель отказался экзаменовать меня еще раз, и таким образом я не получила аттестата об окончании 3-го курса. Все равно — прав этот аттестат не давал никаких.

Отец сообщил мне, что инцидент был где-то описан — учителя бранили, а меня хватили.

Как я была счастлива, что отомстила. «Может быть, это остановит других», — мечтала я».

«Розовое и черное из моей жизни»

М. В. Безобразовой

Приведем еще следующее рассуждение чистого девственника, ибо познание духа девства взрослых людей содержит вообще в себе ключ к разгадке всего христианства, всей Церкви:

«Вопрос об интимных сторонах брака представляет большой интерес для каждого человека, желающего жить сознательно и разумно. Едва ли в какой-нибудь другой стороне жизни так переплетаются между собой и сталкиваются, по-видимому — в полном противоречии, духовные и телесные стремления личности. Поэтому стремящимся к внутренней гармонии личной жизни в высокой степени важно объединить все разнообразие мыслей, чувств, желаний, вообще всех душевных состояний, вызываемых вопросом о браке.

Читателям «Русского Труда» известно, что в последних прошлогодних номерах этой газеты вопросу о браке г. Розанов посвятил свою переписку с православным священником А. П. Устьянским, под заглавием «Брак и Христианство». Эта переписка вызывает у читателя много недоумений, особенно ввиду того, что г. Розанов желает дать излагаемой там его теории религиозный колорит, называя ее «новой концепцией христианства».

Г. Розанов считает акт физического общения полов «трансцендентальным», «мистическим» и даже видит в нем религиозное содержание. Вот с этим последним никак не мирится мысль, а главное — нравственное чувство. Кому не известно, что супруги обыкновенно стыдятся этого акта[200 – Никому решительно «неизвестно», кроме одних содомитов. Брачующиеся входят в храм с цветами в руках, с друзьями, с гостями, хотя всем известно, что через венчание берется разрешение на этот акт, а священник громогласно молится о даровании плода чреву, т. е. об успешности наступающих актов. В. Р-в.], стыдятся в нем унижения собственной духовной личности, как бы ни толковал г. Розанов о «таинственности», о «сведении души с домирных высот» и «завивании ее в стихии». Здесь физиологическая потребность и доводы рассудка, основывающиеся на ней, встречают протест внутреннего существа человека[201 – «Протест» единственно есть у содомитов. В. Р-в.] и осуществляются, только благодаря временному подавлению этого протеста. Здесь нет гармонии между духом и телом[202 – Есть полная. В. Р-в.], да едва ли ее и можно найти, если признавать за их стремлениями одинаковую степень законности.

Удовлетворенность и разлад в других сторонах жизни разрешаются в жизненных идеалах, преимущественно религиозных, а для данной имеется ли идеал в сознании человека? Кто разрешил вопрос, как должно это происходить, чтобы не возмущался «внутренний человек»? Поэтому решительно непонятно желание г. Розанова придать чисто животному акту религиозный смысл, тем более что религиозные действия, напр., молитвы[203 – Хорошо, — но ведь «молитвы» же произносятся и поются на венчании, и они не расстраивают предрасположения венчающихся к этому акту? В. Р-в.], вызывают у нас совершенно иные душевные состояния.

Новозаветное Откровение признает физическую сторону в человеке, но оно не придает ей положительной нравственной ценности. Оно говорит, что вступающий в брак только «не согрешит» (I Кор. VII, 28, 26), а если в другом месте и говорится, что «выдающий замуж свою девицу поступает хорошо» (ibid. 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать так: «хорошо, потому что избегается блуд» (ст. 2), ибо «лучше жениться, нежели разжигаться» (ст. 9). Следовательно, по учению Нового Завета, брак является делом хорошим только как средство, предохраняющее человека от блуда[204 – Ужасно, по беззаконию ужасно («Бытие», 2) это желание автора и многих таких авторов отнять у супружества собственное и самостоятельное значение. В. Р-в.]. Тем не менее физическая сторона брака есть все-таки «похоть плоти», «похоть мужа» (Иоан. I, 13), нечто такое, чего лучше избегать: «не выдающий (замуж девицу) поступает лучше» (I Кор. VII, 38), «кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 12), «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1). Мне кажется, что такое понимание Новозаветного учения не противоречит словам Апостола: «(жена) спасется через чадородие», на которое особенно упирает г. Рцы в № 2 «Русского Труда» за текущий год. Спасется, если пребудет «в вере и любви и в святости с целомудрием» (I Тим. II, 15). Ясно, что здесь имеется в виду не розановское «завивание в стихии», а нравственный подвиг воспитания детей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданиями и лишениями.

В подтверждение этой мысли можно привести другое место из Послания к Коринфянам, где Апостол совсем и не вменяет супругам чадородие в непремennую обязанность: «Не уклоняйтесь друг от друга... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мной как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» (т. е. девственны. I Кор. VII, 5—7[205 – Ср. 1 Кор. VII, 29. Мирянин.]).

Поэтому напрасно г. Рцы считает «кошунством» (ведь и сказал же!) отношение к жене как к сестре. Если муж любит свою жену в духе любви Христа к женщине[206 – Срав. Ефес. 5, 25. Мирянин.], то едва ли у него появится «аппетит», как выражается г. Рцы, ибо это психологически несовместимо с христиански любовной настроенностью. А между тем эта настроенность есть единственная цель нравственной жизни (следовательно, вообще жизни) человека[207 – Мф. 5, 48. Филип. 2, 5, 3, 8—27. Колос. 2, 20, 3, 2, 14, 19 и пр. Мирянин.]. Г. Рцы сравнивает брачную связь полов с таинством Евхаристии, где также имеется сочетание высочайшего духовного акта с грубо физическим, каково пищеварение во всех его стадиях. С внешней стороны, пожалуй, сравнение подходящее. Но оно падает, как только мы обратимся к внутренней жизни человека, в которой, собственно, вся суть разбираемого вопроса. Когда мы «едим Бога», по выражению г. Рцы, мы испытываем особенную душевную радость и мир, не передаваемые на словах. Эта тихая радость и мир не оставляют нас и потом, пока мы снова не загрязним своей совести. Во всяком случае, момент достойного причащения всегда переживается и воспоминается не иначе как с благоговением. То же ли самое переживает каждый супруг при воспоминаниях о тайнах чадородия со стороны розановского «завивания в стихии»? Пусть каждый супруг ответит себе чистосердечно на вопрос: в силах ли он приступить к этому «таинству» в то время, когда душа наполнена мыслью и ощущением святости первого? Для того, чтобы резче различить два предмета, полезно поставить их рядом. А святое со святым вполне совмещаются в сознании, напр., Евхаристия и молитва, труд, благотворение[208 – Да, этот прием распознавания очень верен. Во 2-м издании книги «В мире неясного и нерешенного» я ответил на него в статье «Из мира образов и подобий». В. Р-в.].

Церковные песнопения и уставы суть выражения духовного самосознания Церкви: как таковые они служат в то же время проявлениями самосознания духа человеческого, наиболее соответствующими его природе. А между тем Церковь в разнообразнейших формах воспевает и убажывает «бессеменное зачатие матери безмужняя»[209 – Да, вот в этом коренной пункт всего. В. Р-в.], называет иночество «чином ангельским», предписывает новобрачным пребывать в девстве первую ночь из уважения к благословию Церкви[210 – Не чувствует ли, однако, автор странности и противоречия: 1) благословить в чадородие, 2) удержаться от чадородия «из уважения к благословию»? Значит, «благословение» то дано с какой-то затаенной мыслью, с каким-то умолчанием, о котором не для чего знать миру. В. Р-в.], не одобряет второго брака, почти не разрешает третий и безусловно запрещает четвертый. Откуда[211 – Ну, «откуда» — на это отвечает вся книга «Люди лунного света». В. Р-в.] в Церкви выработалась и так ясно проявилась лишь только «терпимость» к физической стороне брака, снисхождение к ней, — и почему она превозносит такие состояния жизни, которые брачному общению полов не причастны? Как могло возникнуть в святой Церкви такое отношение к предмету, если он тоже свят? Говорят: «Догматику писали монахи, песнопения и уставы — тоже». Но ведь эти писания приняты всей[212 – Вот это все рассуждение необыкновенно важно. На него мы отвечаем: да монахи-бессеменники вообще духовно выше, даровитее семенных самцов; и выше особенно в философской и религиозной сфере (Платон, Сократ, Кант). Таким образом, что «они сотворили» — понятно, по крайней мере тому понятно, кто внимательно прочел эту книгу. Теперь — «почему приняли и не монахи», самцы? Да очень просто «почему»: потому что всему миру присущи слабеющие степени бессеменности, убывающие дробы ее, кроме небольшого количества абсолютных самцов и самок; и это так же точно, как и то, что монахи тоже влекутся «к женщинам» («Покаянный канон» Андрея Критского) и даже доходят до «падения с ними», ибо и они, будучи вообще бессеменными, будучи главным существом в себе монахами, сохраняют однако семенность как убывающую дробь. Весь плодящийся мир мечтает о монашестве, имеет «пробегающие мысли» о нем (исповедание содомита), как и монашеский мир, наоборот, имеет «пробегающие мысли» о женщине, и это ярко и поэтично выразил «покаянный канон», где он говорит о томлении «мысленною Евою» (какое слово!!). В. Р-в.] Церковь, ибо совпадают по своему смыслу с ее духом. Поэтому личность авторов здесь ступшевывается и уже не имеет того значения, какое хотят придать ей. Да, наконец, почему же это не монахи не сделали того, что сделано монахами? За 19 веков существования христианства они могли бы выразить немало общецерковных идей. Вопрос в том, могли ли они? Ведь женившийся во всяком случае много времени, если не большую часть, уделяет попечению о мирском, а такое дело, как быть выразителем церковного сознания, — требует почти исключительного сосредоточения на «Господнем».

Едва ли резонны и ссылки на ветхозаветных супругов. Цель ветхозаветного брака — размножение избранного народа в ожидании пришествия Искупителя. Ради этого каждому израильтянину вменялось в нравственный долг производить детей, и потому не было грехом, кроме нескольких жен, иметь еще и наложниц; наоборот, считалось позором отказываться от восстановления потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). В Ветхом Завете супруги могли соединяться и «не для удовлетворения похоти» (Товит. VIII, 7), ибо самая психология брачных отношений была иная, нам теперь мало понятная[213 – Да, «психология была другая», но не от ожидания Мессии,

Он в одном колене Иудином, а множились радостно, с многими женами и наложницами, все израильтяне всех 12-ти колена. «Была другая психология», и происходила она от обрезания. Раз открыто было Аврааму и всему потомству его, что именно здесь почил завет Бога с человеком — не в слове, не в мысли, не в исповедании, не в символах исповедания, а в детородной силе человека, — явилась всего племени радость о детородной силе каждого единичного израильтянина, и ему давали охотно и еще жену, и третью, и наложниц, или вот как Рахиль свою служанку — в словах такой физиологической ясности! Была всеобщая радость об органе, и в ней сливалось все племя Израиля, без разделения, без противоречий, без сомнений и колебания: и именно все — от обрезания, единственно от него, исключительно от него; как мы тоже радуемся все о своих религиозных символах, предметах, знаках, — и никогда не находим, чтобы их было «лишнее», «много». Радость эта доходила до того, что когда замужняя сестра у древнего еврея делалась беременной, то еще до родов, при виде ее поднявшегося живота, ее родной брат объявлял себя уже женихом будущего ребенка, если родится девочка; и от рождения ее до зрелости он был ее женихом и покровителем, и становился мужем, если был ей приятен; а если приятен не был, то она должна была формально расторгнуть это странное «обручение», происшедшее еще до рождения невесты. Таким образом евреи мыслили всякое существо человеческое под углом заботы, «оплодотворяется ли оно», — и без этой заботы не было у них и взгляда на человека, мысли о нем, представления его, ничего — о нем. Для нас это что-то невообразимое, и, может быть, это вообще уже неповторимо в истории, — хотя «пути Божии и неисповедимы». В. Р-в.]. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтает хотя 30 главу книги Бытия, а я для примера приведу отсюда 3-й стих. Рахиль сказала мужу: «Вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее». Явилось христианство и провозгласило, что «хорошо человеку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1), ибо «все, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже... мужского пола, ни женского: ибо все одно во Христе Иисусе» (Галат. III, 27—28). То, что одушевляло ветхозаветный брак, в Новом Завете упразднилось, и брак, служивший осуществлению мессианской идеи, здесь стал средством для удовлетворения сильного полового влечения и создания удобств жизни[214 — Ужасно: стал какой-то «удобной вещью», «комфортом»... О, как понятно происхождение нашей торговой проституции. «У кого есть средства — бери жену», «а если беден — довольствуйся проходящей женщиной». Как понятно — о, как понятно, — что брак совершенно и окончательно пал в новые времена! И это разъясняет с радостным одобрением монах по духу, автор! Вот где учитесь, вот где всматривайтесь!! Открывается «река времен», — и книга «Люди лунного света» дает компас для распознавания заворотов и течений этой реки. В. Р-в.]. По крайней мере, обычная цель нашего брака такова. Если же внутренний смысл брачной жизни различен в Ветхом и Новом Заветах, то, конечно, параллель, проводимая протоиереем Ус-ским между Моисеем и ап. Павлом и другими, — недоказательна.

Г. Розанов старается показать, что христианство не только не отвергает плотской стороны в жизни человека, выражением которой является семья, но наоборот: по Евангелию, будто бы, семья-то и есть истинное и притом единственное воплощение идеала христианской жизни, обуславливающее существование самого христианства. «Только этот взгляд, — говорит г. Розанов, — вводящий семью ко Христу, спасает от колебаний и даже гибели само христианство». Аскетизм же — «духовное жонглерство» и есть гибель для Христова учения, или, по крайней мере, извращение его.

Что христианство не отвергает семьи — это ясно всякому[215 — Читающему ваши рассуждения и верящему им — это совершенно ни для кого не «ясно». Мирянин (псевдоним профессора богословия в одном из университетов), как и г. Фози, до того колеблют «христианский брак», что от него вообще ничего кроме имени и претензии не остается. «Детей — не надо! совокупляться — не надо, прилепления мужа и жены — не надо». В особенности, кажется, «счастья» не надо. А что же «надо»? Остается венчание: и как уже понятно сделалось в веках, что все решительно и полегло в одном венчании, к нему одному все приурочилось, все обратилось сюда, люди смотрят только сюда, закон требует только его. Брак сделался только «приличием», и «приличие» придает ему одно «венчание». Но «река времен» еще прокатилась, и люди стали спрашивать: «Да зачем нам это приличие, которое и не светит и не греет?» Перестали или перестают вообще брачиться, полагая «обойтись как-нибудь» с этими «пустяками» — с сими, по Фози и Мирянину, «дурными физиологическими привычками», «зоологической потребностью». К чему все иметь «дóма» и «свое»: можно покушать и в ресторане, в кабачке, в трактире, где-нибудь. Есть, конечно, «известные места» — дóма, но ведь государство и городское благоустройство позаботилось о том, чтобы были — и «на улице, для общественного пользования». Дом терпимости вытек отсюда сам собой — из «пустяков» и «физиологии». Спокойно взирает на это духовенство, не выходя из обеспеченных своих квартирок. И только плачут тихо и украдкой девушки, наши возлюбленные дочери. И никто их слез не слышит. Никому они «не нужны» в цивилизации XIX—XX века, «достигшей последних граней совершенства». Но, я думаю, не можно ли эту «цивилизацию» с томящеюся половиной населения, невинного и кроткого (девушки, женщины), — послать «к черту на рога», как несомненно от «черта» она и происходит. В. Р-в.], читавшему Новый Завет, но остальные рассуждения г. Розанова решительно парадоксальны. В самом деле, как примирить с ними хотя бы следующие слова Евангелия: «...есть стопы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить — да вместит» (Мф. XIX, 12); «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли — ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. XIX, 29). Этих слов совершенно достаточно, чтобы определить состоятельность «новой концепции христианства», поскольку она стремится опереться на Евангелие. Здесь утверждается, с одной стороны, духовное скопчество, т. е. добровольное отречение от брачной жизни, как высший идеал, доступный «могущим вместить»; а с другой — отрицается необходимость брака и семьи для спасения человека — следовательно, и вообще для его жизни. Семья, несмотря на высоту и чистоту связей, соединяющих ее членов, все-таки заключает в себе элемент эгоистического отграничения («мои: жена, сын, брат, а то — чужие»), и потому она не вмещает в себе идеала всеобщего родства в духе слов Спасителя: «кто будет исполнять волю Божию, тот мне брат, и сестра, и мать» (Марка III, 45). Поэтому стремление к осуществлению этого идеала в жизни неминуемо ведет к постепенному уничтожению границы, созданной семьей между «мои» и «чужие». А так как эта граница возникает именно в силу кровности семейного союза, то ясно, что кровность, возведенная в принцип жизни согласно г. Розанову, будет только препятствовать духовному развитию человека[216 — Автор, совершенно ортодоксальный православный, не замечает, как ноги сами несут его к хлыстовству. Вот там нет «своей жены», «своего дома», а все — общее, «братское», «сестринское». Вообще идея «духовных жен» и «общих жен», этих «сестричек»-хлыстовок, почти с исчезнувшей физиологией и только с ласканиями, только с adoratio [обожание — лат.] всех членов братства в отношении каждого и каждого в отношении всех, уже содержится (у Фози и Мирянина) в этой свирепой борьбе против «антиевангельского эгоизма иметь свою жену», единственную и личную жену. Только непонятно, улыбаемся мы, отчего это все-таки монастырь имеет «свою обособленную землицу», как и папа тоже имеет и позаботился иметь «свой Рим», «свой удел на земле». Только вот «жены» не надо, и «деточки свои ни к чему». Замечательно тоже, что, получая себе звезду к новому году, архиерей не хочет, чтобы ее «носили все», а непременно хочет «сам носить». Вообще, большие трагедии в этой области заканчиваются большими комедиями и иногда водевилем. В. Р-в.].

Семейные узы важны не сами по себе, а потому, что на почве кровного соединения мы узнаем возвышеннейшее чувство любви[217 — Ну,

какая там «любовь» при таком браке. Экономика и приданое. А слышали ли вы, чтобы институт «христианского брака» когда-нибудь деятельно вступился и сострадательно склонился к «молодым людям, так полюбившим друг друга, что легче им умереть, нежели расстаться». Не раз в «Колоколе», самом теперь деятельном духовном журнале, я читал, как «двое, обнявшись, бросились в Иматру», «двое умерли», «жених бросился в могилу за невестой», «умерли, попросив вместе похоронить»: но ни разу по поводу этого в «Колоколе» не прочитал — «ах!» Да, не «ахающее» и даже не «чешущееся» духовенство. Ну, Бог с ним. Господь рассудит. В. Р-в.], источник всякого добра. Но это святое чувство возникает и между людьми, не соединенными узами кровного родства. Нужно только стремление к этому, нужна внутренняя самостоятельность.

История христианства представляет немало примеров такой любви, да и что такое сама Церковь, как не союз этой же любви? Следовательно, кровность, даже как условие, не необходима для христианского развития человека[218 – Да, вот это надо запомнить: «Кровность (целая категория мира!) не необходима для христианского развития человека». Что об этом скажут мои друзья, П. А Ф-ский, свящ. Филевский, Н. Г. Дроздов. В. Р-в.]. Поэтому не «семья спасает от гибели христианство», а христианство возвышает и облагораживает семейный союз[219 – Почему же это «возвышает и облагораживает», если вынули зерно, оставили шелуху, оставили «приданое и удобство», — «так и быть прощается»? Что случается в христианстве прекрасные семьи, то это так же мало зависит от него, как от устройства Сахары, вообще бесплодной и сухой, мало зависят прелестнейшие попадающиеся там оазисы. Но достаточно вспомнить надгробные изображения верности и любви у римских старых патрициев и придвинуть к ним христианские «бракоразводные дела», да и так нравы улицы, песенки, сказочки и сказания, — чтобы понять, насколько после падения язычества все это «облагородилось» и «возвысилось». В. Р-в.]. Лишите семью христианской основы, и она превратится в сожительство самца, самки и их детенышей[220 – Вот как... А в Библии? а Наль и Дамаянти? Гектор и Андромаха? а сцены привязанности в старогерманском эпосе? Положим, «эллинических борзостей не текох», — говорит семинарист; но нельзя ему забывать, что его слова проверяют те, кто это «текох»... В. Р-в.]. Не из семьи возникло христианство. Первые проповедники его «оставили все» (Мф. XIX, 27) и пошли за Христом. Некоторых Он Сам призывал ради Него оставить кровные узы. «А другому сказал: следуй за Мной. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие» (Лук. IX, 59—60, см. еще Мф. IV, 22). Не семьей живо христианство и доселе. Сказавший «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18), сказал еще: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле... идите научите все народы... и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. XXVIII, 18—20). С того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечет к себе каждого ищущего в жизни света и истины. Вот где лежит основание поразительной жизненности христианства. «Христос — моя сила...» — поет Церковь, и напрасно г. Розанов думает видеть эту «силу» в плотском союзе людей»[221 – Было напечатано в «Русском Труде» С. Ф. Шарапова за 1898 г. В. Р-в.].

Мирянин

Позволю присоединить еще следующие строки пламенно-девственного духа:

1

«М. Г. С ужасом я дочитала вашу статью «Природа и Церковь». Ведь вы знаете, что газета «Русское Слово» — очень популярная и вашу статью прочтут не одни люди университетского образования, знакомые с различными направлениями, а масса народа. Именем всего святого умоляю быть осторожным с вековыми святынями, не заслоняя их своеобразным, вольным суждением.

Кто мешая людям плыть по течению, по закону природы! Пусть множатся с благословением и Церкви! Но зачем вытраивать из сознания человеческого высшие образы. Бойтесь гнева Богородицы, высшего из рожденных женами Иоанна Крестителя, девственника Иоанна Богослова, друга Христа, и многих-многих девственников. Граф Толстой, впадая в крайности одного суждения, словно оставил вам в наследство другой полюс соблазна. Мильтон говорил:

Так свято пред очами Неба девство,

Что если искренно душа блюдет заветы —

Тьма ангелов на службу ей готова.

Если вам, семейным людям, и хочется вознестись на высоту супружества, то кто же вам мешает совершенствоваться?

У нас Церковь празднует даже зачатие Богородицы и Предтечи, тем доказывая, что и плоть одухотворяется до возможного предела; но Рубикон все-таки стоит между парным и одиноким человечеством — для общего спасения и, быть может, взаимной помощи[222 – Замечательно. После всех суждений и всяких «да» в сторону брака, высказанных мной за много лет, — должен сознаться, вот когда мне открылась теперь особая категория людей и организаций лунного света, что брак действительно нуждается в помощи и дополнении этими людьми лунного света (отнюдь не позволяя руководить собой и устраивать себя). Нужно спокойно и правильно размежеваться: «Тебе — Запад, мне — Восток», с переплетениями, с прослойками, с оазисами, нигде не стесненными, ни от кого не угнетенными. В. Р-в.]. Пусть две параллельные линии славят Единого Бога. Его воля да ведет каждого человека своим путем.

Старица одна мне говорила, что во взоре можно узнать девственность. Быть может, это прирожденная черта. Всем — разные дары и способности. О, ради Духа Святого, будьте осторожны в слове. Горе соблазняющим малых».

Вера[223 – Письмо (из Москвы) подписано, довольно характерно, одним крестильным именем. В. Р-в.]

2

«Ваша статья в № 195 «Русского Слова» еще более заставила думать о том, что волнует меня много лет и остается неразрешенным...

Кто-то, что-то не позволяет мне вступить в брак и заставляет хранить сокровище, скрывая, ценно ли оно (? В. Р.). Я прямо недоумеваю,

что отвечать людям, вопрошающим о моем образе жизни, который мне продиктован таинственной силой.

Знаю, что мой духовник называет мое состояние блаженным и говорит: «Достоинства твоего у меня нет, а недостатки твои и у меня есть». Видимо, я владею бóльшим в его представлении, но это «что-то» необъяснимо для меня, когда я вижу — Мир Божий в своей природе живет по-другому. Должно быть, Творец его не закончил и предоставил Сыну сказать[224 – Замечательная мысль, и нельзя сказать, чтобы она была неправдоподобна. Да ведь это даже так и научно: все «зоологии» знают самца и самку, за этими гранями начиналась минералогия. Вдруг — этот лунный свет, явления лунного света, — «не хочу» пола! Перевертывается собственно все наше познание мира! «Живое», а «не множится»!!! Пока думали, что это «ненормальность», «извращенность», «случай», «шестипалость» — то не обращали на это внимания, и естественно это не затрагивало строя наук, как «описка» не затрагивает «правописания». Напротив, мир органических наук в основе колеблется, во всем плане своем колеблется, раз нам открывается, что исчезновение размножения в живом отнюдь не есть патологическое явление, — не есть и явление, имеющее когда-либо пройти; что оно так же устойчиво и нормально, как размножение, но лишь встречается реже. По крайней мере мир органических наук так же колеблется, как физика поколебалась с открытием электричества, — «редкого явления, наблюдающегося в янтаре, если его потереть сукном». Девушка-автор хорошо и ярко это выразила, сказав: «Мир (ветхозаветный) не был дотворен, и дотворился тогда, когда пришел Сын и сказал: блаженны не множасьи». В. Р-в.]: «Чада века сего множатся, а кто достиг будущего — пребывают, как ангелы».

Словно людям можно быть предтечами иного существования! Меня бесконечно умиляет, что Сын Божий — сын Девы, и не это ли восхищение озаряет мою жизнь?[225 – Вот глубокий личный родник основных тайн христианства: что они принесли утешение и радость совсем особой категории людей, как-то забытых, да и действительно забытых и обойденных, в Ветхом Завете. Но до какой степени письмо это убеждает нас, что христианство совсем новая и другая религия сравнительно с Ветхим Заветом! В. Р-в.] Мне кажется, и семейная имеет свои прелести и достоинства, но она — теплой (курс, и далее автора письма), прикосновенней к нашему организму, а одинокая — светлей, созерцательней, духовней и поэтому прекраснее, как чающая чего-то. Ожидание — сущность этой жизни. Почему-то лилия, цветок Богоматери, имеет луковичное деление, как прообраз девственности, имеющей своеобразную семью. Быть может, и от одинокого человечества что-нибудь исходит. Компактные личности, быть может, скопят в себе какую-то силу и нужную энергию для мира.

И так Ветхий Завет дополнен новым, и, быть может, два образа жизни есть положительное и отрицательное электричество, оба взаимно нужные.

Я лично церковное управление предоставила бы белому духовенству, а черному поручила бы святыню — посвящение в сан.

Сама я с риском иду по узкой дороге. Прелесть мира стоит у меня в образе любимого человека, а его брат чтит Неопалимую Купину; и душа у меня борется с сердцем, борется долго, долго»...

Вера

Здесь, в последних подчеркнутых выражениях, почти назван лунный — светящий свет, в отличие от солнечного — греющего, органического... Да, еще вот слово: лунный свет — не органический. А какой? Спиритуалистический. Пожалуй, spiritus в нас — отражение лунного в каждом свете «девства», частицы которого никто не лишен. В каждом — оба пола (от матери, от отца); поэтому каждый вновь хочет совокупиться, но не постоянно же совокупляется, а частью и девичествует; и вот это «девичествует» — и рождает в нем spiritum. Голая самочность, самочность как бесконечное — дала бы непрерывное, постоянное, вечное истечение семени и отделение яйца; в такой мере, как нет и у насекомых и рыб. Но этого нигде нет, ни у кого нет; и потому у рыб и у насекомых уже появился дух, душа, психология. Появилась — насколько они гермафродичны, а не однополые самцы или однополые самки.

Нельзя не отметить также высокой даровитости автора, не говоря об одушевлении, почти прозелитизме! Как она, девушка просто только образованная, превосходит ясновидением суждения профессора богословия в одном из университетов (сообщение С. Ф. Шаропова, в журнале коего напечатана была статья г. Мирянина).

Мне следовало в 1-м же издании книги рассказать случаи «лунного света», какие пришлось встретить в жизни. Так, собираешь скрупулезно сведения по книгам, и забываешь, что сам видел.

1) Случай в гимназии, в 7-м и 8-м классе. В 7-м классе я остался на 2-й год и здесь вошел в круг нового товарищества, «догнавшего меня» (снизу). Между ними был один, коего назову N. Семья: мать — вдова профессора; у нее три сына, все учились превосходно, с призванием: один — к математике, другой — к музыке, третий — к филологии, к народному творчеству и проч. Средний, музыкант, и был мой товарищ. Как и его братья, он был здоров и крепок несколько больше, чем «все мы». Усы и борода пробивались чуть-чуть. Рост хороший, кожа белая, никогда ничем не хворал. Пожалуй, при очень упорном всматривании можно бы заметить у него легчайший налет женственности. Молчалив, солиден, задумчив; вечно потихоньку (под партой) исписывал нотную бумагу (композиция).

Он мне передал — и вообще в ближайшем кругу товарищей ни от кого не скрывал, — что всегда, когда может, т. е. почти каждый день, он, пообедав, уходил к гимназисту 3-го класса, мальчику беленькому и хорошенькому, чрезвычайно серьезному и развитому (для своего класса), страшно молчаливому и почти угрюмому. «Что ты делаешь?» — «Ничего. Сидим и молчим». — «Смешно». Он пожал плечами. Мы все до такой степени были дети в этом отношении, что никому и на ум не пришло назвать это «влюбленностью» или «любовью», тогда как на самом деле было, конечно, это чувство. Кажется, раз я видел их на свидании. Оба не речистые вообще, они и тут не разговаривали — иначе как промямлив один другому что-либо незначущее. Но это я не наверное помню, но следующие — точно помню, ибо с приятелями мы как-то хихикали над этим: в церкви, куда нас всех «водили», мой товарищ стоял немного зади «того мальчика», и он не отрываясь глядел на него. «Того мальчика», может быть, это чуть-чуть смущало, но немного. Он, кажется, сам не испытывал этого чувства, но мог гордиться дружбой талантливого и во всей гимназии очень ценимого (за успехи и музыку) гимназиста VII-го класса. «Дружба» продолжалась все время до окончания курса, т. е. два года. Затем, кажется, все это рассеялось. Лет через 18 я встретил музыканта. Теперь он был композитор; женат; очень красивая жена его кормила ребенка. «Все исправилось».

Вне всяких имен, понятий и проч., это был, бесспорно, случай Платоновой «παιδῆς». К сожалению, как и все подобные факты, он пропал

для науки, без воспоминаний, без добавлю, что юноша этот (как и братья его) был абсолютно целомудрен, не знал женщин до зрелости, и ни одного «скабрезного» слова (как часто среди гимназистов) я от него не только не слышал, но этого «и вообразить было нельзя».

Кажется, он никогда не целовал мальчика (в голову не приходило); и наибольшее, что происходило физического, это — кроме «неотрывающегося зрения» — прикосновение руки к руке, задержание руки в своей (при прощании). Но абсолютно телесного больше ничего не было, ни как дела, ни как шутки, игры.

2) Преподаватель высшего учебного заведения, холостой, живет в одной квартире с двумя сестрами, будучи связан «духовным супружеством» с одной. Другая сестра — урнинг. Урнинг ли и эта первая, «живущая», — трудно сказать. Все три на «ты». Все три соединились, имея каждому немного за 24 года. С сестрою «в связи» я заговорил: «Почему нет детей?» Она ответила:

«Здесь — другое основание. А корень другой — и весь ствол другой. Было бы совокупление — родились бы дети, родились дети — потребовалось бы хозяйство. Но с самого начала сближения нашего семья была исключена как возможность и надобность. Она мне так же не нужна, как и ему».

Спальни — разные, хотя без всякого между ними «препятствия» или «отделения». Совокупления — нет, и никем (много друзей, знакомых, родных) не предполагается. Всем ясно, что они «муж и жена» и столь же «не муж и не жена». Супружество как бы довершено и остановилось на степени тесной духовной связи, тесного духовного единства, общности быта, жизни, атмосферы, движений; слышания слов друг друга, походки друг друга, шуршания платья; никто бы (из ближних) не осудил, если бы они совокуплялись, — но явно исключено желание этого. Однако ласки, поцелуи, объятия и, может быть, что-нибудь больше, теснее — есть; но что именно — сказать невозможно. Оплодотворения нет.

Обои или, точнее, все три — очень развиты, талантливы, вечно деятельны, все и постоянно много читают и заняты. Все трое любят искусство и любят духовную жизнь, религиозную жизнь.

3) Меня посетил, лет 6 назад, оканчивающий курс военного учебного заведения (по артиллерии) юноша — с целью «поговорить о религиозных вопросах» и спросить о Хомякове и вообще о славянофилах. Удивившись несовместимости с военными науками, я, однако, отвечал. С тех пор мы не часто видаемся. Вид: очень крепок; по цвету кожи — как «налит кровью». Мускулист. Рост небольшой. Он мне рассказал, что более всего влечет его церковная жизнь, а ум занимают предметы богословия и нравственные. Но около этого — в суждениях огромная твердость, военная твердость. Ничего рыхлого, «мямлистого», бабьего. Ничего сентиментального, слащавого. Года 2 1/2 назад тому он женился, «по глубокому уважению к девушке, которую дома (отчим и мать ее) не понимали, и иногда грубо обходились». Вообще ей «жилось тяжело», а «девушка она прекрасная». Он мне рассказал, однако, со смущением, горестью и долей гнева на себя, что «еще не муж своей жены» и боится, что это так и останется. «Я ее бесконечно люблю как сестру, но ничего не чувствую как к женщине». «Страстного желания вовсе нет»... Между тем он, читав статьи мои о браке, глубоко проникся благоговением и восторгом к библейской и многоплодной семье. «Но — нет дела». Слова и мысли — есть, «дела» — не выходит. Мне захотелось увидеть и жену его: высокая, красивая, она имела нечто негодующее в себе (она молчалива), в выражении лица и фигуры. «Ну, — нет, что поделаешь». Через 2 1/2 года все продолжается «нет», и он мне сказал, что жена смирилась с этим, глубочайше любя и уважая его, как и он ее бесконечно чтит и любит как брат и друг.

«Аномальных» отношений, вне всякого сомнения, никаких нет. Здоровье обоих — цветущее. Рост, силы — все цветущее (у обоих). Это — «духовное супружество» древних христиан, без малейшего идейного к нему влечения, при полном идейном сочувствии к плодородной и полной семье.

Поправки и дополнения Анонима

Мною было послано, в корректурных листах, «Дополнение», печатаемое во 2-м издании «Людей лунного света», — лицу, компетентному во всех этих темах. Позволю себе привести его возражения, дополнения и поправки.

«Вы печатаете своих «Лунных людей» 2-м изданием. Этот цикл ваших идей для меня, скорее для ума моего, — что-то дразнящее, ибо я равно уверен в глубокой правильности и в глубокой учености (? В. Р.) излагаемого вами. Что-то говорите вы глубоко правильно; но глубоко ложно «относите» свое написание не туда, куда следует. Но куда? (следует отнести? В. Р.). — Это-то и не вполне ясно. Но вот несколько тезисов, мотивировать которые слишком долго, но в непоколебимости которых я вполне уверен:

1) В области пола: Ваша схема, выраженная рядом положительных убывающих величин, переходящих в «0» и затем в ряд возрастающих отрицательных величин (самочность и содомия), — недостаточна, как недостаточна и родственная ей схема Вейнингера (M + Ж = 1). Может быть текучее, промежуточное состояние пола — то, которое вы описываете и которым занимается Вейнингер, а может быть и состояние высшей мощи и «+» и «—». Это для рассудка, быть может, вздор, но

«Невозможно... несомненно...»

Таков всегда гений, если только он не психопат. Таков гений народ — эллинский. Насколько отвратительна была для него effeminatio (превращение в женщину. В. Р.), настолько же прекрасны та паίδυ. Для кого же в особенности? Для мужественных — не спартанцев и всех лакедолопуфилов. Человек вовсе не всегда половая «1», а может быть и «1 000», и «1 000 000», и тогда у него «M не = 1 — Ж», а «= 1 000 — Ж», «10 000 — Ж», «1 000 000 — Ж» и т. д. [226 — Эти моей схемой не исключены: «...7, 8...» (до «1 000 000»), с «+» или же с «—», причем крошечный «+» или крошечный «—» противоположного — в том же субъекте — пола никогда не исчезает. В. Р.-в.] У Гете есть совершенно несомненное влечение и к своему полу (превосходное описание сего см. в «Правда и поэзия», случай во время купания). Но он — не только женствен, но и весьма мужествен. При этом: гениальность (= дву-полость) дает полноту внутренней жизни и какую-то непрестанную удовлетворенность, внутреннее кипение и бурление, игру, «букет»; а Dreischenformen, т. е. ваши, исследуемые вами субъекты, напротив, всегда недовольны, не могут быть довольны. Таков и автор приведенных у вас «Воспоминаний послушника». «Нытики» всегда таковы; в них не хватает сексуальности, жизни, соков. Из них не брызжет ни старое вино язычества, ни новое —

Христианство. О. Уайльд — отвратительный тип из вашей коллекции; но Гете, Платон, Сократ и др. не из нее и в нее не вместились[227 — Автор, прочитывавший только одно «Приложение» для замечаний, едва ли имел в виду или свежо помнил текст остальной книги. Но, может быть, у автора копошится и кое-что новое насчет пола. В таком случае это чрезвычайно важно. Оставляю для читателей слова письма в том полупонятном виде, как читаю их сам. Будущее дополнит и разберет. В. Р-в.]

2) В области религии. Явления, описываемые и изучаемые вами, существуют во всех религиях и всегда существовали, даже специально культивировались (в Южной Америке — путем полового истощения и т. п.; оскотления и полускотления и т. д.) явления промежуточных ступеней пола; и в христианстве, лучше сказать — в мире христиан, есть они, но бесконечно меньше и слабее[228 — То есть собственно упомянуты «меньше», — изложены, вошли в «догматическое изложение...». Но подспудно как же можно сказать «меньше», когда собственно по степеням отношения к полу все христианство разделилось на церкви: страстно-отрицательное — у католиков, умеренно-отрицательное — у православных, индифферентно-положительное — у протестантов. Здесь я с автором письма совершенно не согласен. В. Р-в.], как явный привкус чего-то иного, чужого, инородного[229 — Не согласен. В. Р-в.]. Вы противопоставляете христианство (т. е. религию всех народов и менее всего евреев — религию «языков») и Ветхий Завет (религию евреев), но делаете это незаконно, ибо христианство можно противопоставлять религиям, исповедуемым теми же или подобными народами, что ныне исповедуют христианство, т. е. язычникам, но никак не еврейскому[230 — Совершенно с этим не согласен; да и из рассуждений автора, где он определяет (далее) христианство как религию над-полу, вытекает, что оно противоположно юдаизму и еврейству как религии священного чадородия, т. е. религии специфически половой. В. Р-в.]. Отсюда-то и происходит, что вы, весьма углубленно проникнув в христианстве некоторые струи «s» (своеполого отношения, гомосексуальности) и верно квалифицируя на природу (? В. Р.), совершенно ложно определяете их источник, да и не можете определить его точно, ибо не хотите смотреть на язычников. А у них-то, да и во всяком фольклоре — это влечение к промежуточным формам, это гнушение плотью, и т. д. Они, испытав все грехи плоти, чувствуют к ней омерзение, хотя (и именно вследствие того, что) не могут подняться над нею. Я берусь вам доказать, если угодно, что то, что вы считаете особенностью христианства, было — и было в неизмеримо большей и принципиальной форме — в язычестве.

3) В области духовной христианство, хорошо это или плохо, дает совсем новую стихию (сравнительно?) с только что сказанными: ни — пол, ни — усиление его, ни — смешение, ни — что-либо в этой плоскости, но — подымает в иные сферы[231 — Ну, если даже и подымает, то все-таки eo ipso отделяет и, следовательно, ослабляет. Действует отрицательно, отталкивающе в отношении пола. Да автор явно и увлекается, ввиду слов о возлюбленности «скопчества...». Как-то в конке я ехал с томом подаренной мне колоссальной Синодальной Библии; там же был и вложенный указатель и перечень «мест», почему-то только к Новому Завету. Скучая конкой, я, открыв слово «брак», перечел по Новому Завету все места, где упомянуто «брак»: и не нашел ни одного места, где, сильно или слабо, прямо или косвенно, не стояло бы за словами о нем выражения, в котором он все-таки принижается, отталкивается, порицается сравнительно с девством. Это было в 1897 или 1898-м году. Я до того был поражен, что все места таковы, что у меня защемило на душе: «Нет, напрасно я пытаюсь сцепить крючком семью с Новым Заветом: только терпится, только допускается, только снисходится. И нужно быть прямо нечестным и начать подтасовывать, «бегать тараканом из угла в угол», чтобы подвести семью, брак, детей «под Покров сюда». Но ведь отсюда необозримые практические последствия, увы — печальные. Но как же автор, сам на это указывающий, говорил выше, будто «христианство еврейству не противоположно»? Совершенно противоположно, как «да» и «нет» или, пожалуй, как «любите ли вы ходить в баню» и — «о, конечно, я служу в департаменте неокладных сборов». Христианство и юдаизм взаимно глухи друг к другу et eo ipsissimo [и именно тем самым — лат.] смертельно враждебны (обрезание — крест, орган обрезанный — адамова голова, т. е. череп, под крестом изображаемый). В. Р-в.]. Христианство отвлекает от пола? — Да. Но — райскими песнями, а вовсе не смешениями. Истинный монах вовсе не становится женщиной — ничуть; он перестает быть мужчиной[232 — Боюсь, что это словесность, а не natura rerum [природа вещей — лат.]. Епископ Феофан, ректор СПб. духовной академии, — конечно, прекрасный инок, и, в частности, аскетизм его простирался до отказа принимать к себе в келью-квартиру родных женского пола: но ведь лицо его, рост его, вся его фигура и, наконец, манеры открывают в себе сущую девушку, сокрытую под мужским (небольшая бородка) образом. Также, когда печатались в последние годы портреты разных «Иванушек»-трезвенников, увлекавших народ — все непременно безбрачных, — я поражаюсь этой однотонностью все почти девичьих лиц. Конечно, тут нужны, однако, галереи портретов. И со временем такие галереи будут собраны и изданы. В. Р-в.]. Что же он? — Ангел, существо иных измерений[233 — Да ведь и я провожу везде в книге, что монах «несоизмерим» с остальным человеческим миром, но потому несоизмерим, что у него самец и самка «равноденственны», что он «экватор» человеческого рода, не принадлежащий ни к мужскому полу, ни к женскому, что в нем не «М + ж», а «М + Ж», говоря языком Вейнингера. В. Р-в.], абсолютно несоизмеримое с нашим миром, ни мужским, ни женским. Если же райских песен нет, то он — то, что был, или вроде того, т. е. либо муж, либо полумуж, либо двуполой, одним словом, то, чем он был бы естественно, в язычестве. Но райские песни не прибавляют и не убавляют в нем женственности. Однако легко допустить, что бытовые условия (не онтология) гонят в монастыри тех, кто не находит себе места в миру, вследствие неспособности к браку, т. е. что часто монастырь служит не местом подвига, а — убежищем для «бесполого».

Так — по существу дела. А практически, бытовым образом, христианство уцеломудривает, т. е. делает его (человека? всякого? В. Р.) цельным в том положении, куда он имеет метафизическое самоопределение — к браку ли, к безбрачию ли. Оно, если хотите, делает крепким пол у того, кто «может вместить» его, пол, и делает крепким бесполое у того, кто может вместить последнее[234 — Страшимся, не слово ли это только. Однако кое-что действительно брезжит такое... Бытовым образом, семейственность и плодородие ведь процветает весьма и весьма у многих истовых крестьян, истовых купцов; но обратим внимание особенно на духовенство. «Антихристианство», конечно, никому здесь и в голову не приходит; но посмотрите на необыкновенную крепость породы у духовенства, у иереев, у диаконов, у прежних дьячков; а крепость породы и обилие детей, притом даровитых — это уже signum [знак — лат.] могучей самочности. Как-то, думая «хоть к концу обедни попасть» и поставить свечку, я торопливо вошел в церковь на Загородном, близ Гороховой; но опоздал, обедня кончилась, и церковь (огромная) была пуста. Громко разговаривая (гулко отдавалось), выходило, в осенних рясах, несколько лиц из служившего иерейства и диаконаства. Я быстро подошел к ящику, взял 1—2 свечи, поставил перед образами, положил поклоны и вышел. Но обомлел на паперти (очень высокая, почти в рост человека, лесенкой): сойдя с нее, разговаривали — очевидно, перед тем, как проститься и разойтись — два иерея. Оба были не старше 40-ка лет; оба были очень велики ростом; оба были очень черны, черноволосы, при белом прекрасном лице. С волосами, на плечах лежащими, они положительно являли образец мужской красоты. От них трудно было глаз оторвать — «и говорили бы вы, говорили» и «глядел бы я на вас, глядел». Потом ведь число детей у духовных, «в живых», нередко переваливает за 11, а больше 5-ти — сплошь. Бездетных семей — почти нет. Если, далее, посмотреть (в удачных случаях) на «матушку», то всегда она являет в самом теле и в достоинстве важных манер что-то священное. «Не затанцует» и не «завертится»... И, конечно, если уж в ком, то в «матушках» просвечивает лицо древней «Mater deorum», «Mater Magna» [«Мать богов», «Великая мать» — лат.] и т. д., а никак не в претендующих на это декадентах, не способных родить даже

таракана. Нельзя не думать, что хоть часть этого относится как к первопричине своей к размеренности в духовенства совокуплений. «Нельзя в посты, постные дни, и — накануне церковной службы», т. е. можно в воскресенье, понедельник, вторник, четверг. Что же получается? Кажется — только дни «запрещений». Но «запрещенное» естественно не осязается: просто — «нет ничего». Поэтому на самом-то деле пол осязает только дни и вечера и ночи «позволения», как нечто «уставно-положенное». Входит в душу нечто от ветхозаветной субботы, входит не как вербальное впечатление, а как деловитое повиновение заповеди — «оплодотворяйтесь, множьтесь». Этот положительный, ясный, открытый, «по уставу», и вместе — разреженный (выпали постные дни и посты) характер совокуплений породил все изумительное здоровье и изумительную житейскую стойкость нашего духовенства... «Одна на всю жизнь жена», полное (фактически) запрещение развода, какая-то бытовая неразрешимость вдовам-матушкам вступать во второй брак, и другие мелочи, хотя индивидуально мучительные, хотя законно не мотивированные, — однако все сошлись в один уголок: что остался хотя где-нибудь, в одной частице христианского населения, древний *ιερος υαρος*, «священнобрачие», не по предшествующему обряду, а по характеру течения. Совсем другое само-осязание, само-обоняние, само-вкусение, само-мышление, само-воображение!!! Тут бы еще подлить нечто от «Песни Песней»... нечто от омовений... из немного «священных курений»... Но так трудно, в христианстве, изречь словесно-положительное. Ведь и в духовенстве все совершилось «бытовым образом», все вошло «фольклором», а не через «Свод законов». В «Своде законов» указаны только «нельзя» (дни)... Может быть, только через 500 лет зазвучит и в законе: «следует», «должно», «желанно». В. Р-в.]. Самое место («могий вместити»), как вы знаете, двузачно и может быть равно относимо к браку и безбрачию, — даже по контексту относится скорее к первому. Но что брак в христианстве бесконечно труден — это так, и, мне думается, если говорить что — так это не против монашества, а против духовной аристократичности всего в христианстве: оно — для избранных. Кстати, так именно, как говорю я, т. е. в отношении к браку, понимает текст «могий вместити» известный профессор М. Д. Муретов и епископ Антоний (Флоренсов), живущий на покое в Донском монастыре, в Москве, — человек в высшей степени духовный, мудрый и прозорливый.

Но как бы то ни было, есть подозрительность к полу в общечеловеческом сознании, у всех народов, во все времена. «Похабщина», т. е. цинизм в отношении пола, всегда и всюду существовавшая, доказывает совершенно определенно, что всегда и везде затрагивать пол[235 — «Трогать его» так же нельзя, как «трогать», обнажать, выводить «к свету» и «на открытый воздух» корни растений, деревьев. Вредно, убивает и, наконец, «грязно» (копаться в земле). Отсюда всемирный инстинкт отвращения к такому «копательству около корней». В. Р-в.], хотя бы в разговоре, было щекотливо, что от этого смущались, что этого стыдились. Вот эта сторона пола, нечто для общенародного сознания темное в нем (как в гоголевской русалке-мачехе) и послужило источником возникновения общенародной брезгливости к полу, выразившейся в создании монастырей, безбрачного духовенства и т. д., вне христианства, — и кое-что отсюда, из готового, бытовым образом, перешло к нам (католический celibat и т. п.)[236 — Если бы только так, т. е. не принципиально... Но не будем спорить, до того удобна и «спасительна» эта точка зрения. Следуя ей, нужно бы стремиться к справедливым и неизбежным переменам в церкви, особенно касательно брака, и не юридическим способом, а бытовым способом, все погашая и умягчая вражду и преследования к «нарушениям» закона, слишком от древности «жестоковыйные». Мне, напр., известен случай, когда один вдовый священник никак не мог расстаться с любимой им женщиной, с которой он жил. Тогда епископ местного града — лицо высокого (общерусского) авторитета, — узнав все от священника, пожалел его и сказал: «Ну, что делать, я вас переведу в глухой приход, и там разговоров не будет». Т. е. позволил епископской властью. Другой подобный случай был с одним южно-русским епископом: его полюбила одна (увы, замужняя) женщина и, оставив мужа (чиновника не крупного), следовала за епископом, куда его ни переводили. Мне передавали о грубых словах («возите с собой бабу»), в которых кричал на него Победоносцев, уволивший его «на покой». Но другие епископы мне о нем говорили, качая головой: «И какой он прекрасный человек, воспитанный, деликатный, к священникам был милосердный». Явно, не будь святого гонения, они «товарищеской иерархией» смежили бы глаза на «случай» и «исключение». Точно так же следует, «не споря с канонами» и не «нарушая закон», — вообще погружать в темноту и безмолвие «случаи», никогда не расторгать счастливых супружеств, как бы «неправильно» они ни были заключены, и расторгать все несчастные; внебрачных детей «привенчивать» (как было постоянно до Петра Великого)... Века через два тогда картина семьи вовсе бы изменилась, и изменилась без всякого «консисторского скрипа» около нее. Последний идеал, однако, полное восстановление библейской семьи, библейского многочадия, гладкости и тишины. Сюда надо внести правило: «надломленной трости не преломи». В. Р-в.].

Мне хочется рассказать вам нечто об авторе напечатанных (стр. 144) у вас «Воспоминаний», которого и я знавал. Это по наружности очень неуклюжий, худощавый и высокий человек. Но собственно женского[237 — Ведь он активный и, след., женского в нем ничего и не должно было быть. В. Р-в.] в лице ничего особенного нет. Теперь здоровье его весьма пошатнулось, память ослабла, внимание ему трудно сосредоточивать на изучаемом; но ранее способности его были превосходны: сообразительность, память, интерес — все отлично, и вообще какая-то врожденная (говорю о крестьянине, заметьте) интеллигентность. Явное уклонение от ручного труда, мало, думается мне, любви к природе, но весьма большое стремление и вкус к труду умственному, к учительскому слову, к изобретению и к чтению книг, к эстетике, искусственной жизни[238 — Вот люди или, вернее, категория людей, которые и по Библии «первые изобрели музыкальные инструменты», и мастерство «ковать», и построили «города»... В. Р-в.]. Сердцем он весьма добр, нищелюбив (и его любят нищие), охотно всем помогает, услужлив. Не любит, не выносит грубостей[239 — Совсем «начало цивилизации»: эй, да ищите же вы, историки, начало великих городов и замечательных царств не в «преимущественном географическом положении реки Тибра», а в урнингах, в средних формах пола, в странном осложнении их талантом, музыкальностью и художеством. В. Р-в.], пошлостей, руготни, очень терзается даже одним неприветливым словом и несколько дней не может после успокоиться.

На свою особенность («S») он смотрел сперва просто, но чем более приглядывался к себе самому и к людям, ему подобным в половом отношении, тем более отвращался от своей организации, ужасался своих влечений и теперь не может говорить о них без слез и содрогания. Чувство глубокой оторванности от всего человечества, от чина природы, от естества — не покидает его, и на лице его всегда какая-то тень, тревога, печаль. Это совсем не чувство сердечного покаяния (есть у него и оно), но внутренний протест и темная тайна. Что есть что-то за ним, это, как я заметил, чувствуют люди; и многие, особенно женщины, выражали мне о нем свое недоумение: — «Что-то есть на душе». — «Что с ним такое». — «Совесть не чиста». А он сам говорил мне не раз, что посторонний взгляд сего не усматривает и не усмотрит, но они, «свои» с первого же момента угадывают своего: «какая-то словно искра проходит» и неудержимо начинают влечь к греху, вопреки воле, рассудку, убеждению и даже чувству. Но, по его словам, у всех людей такой организации на лице словно «каинова печать», и по ней-то он и понял, что их жизнь — Богопротивная, мерзкая, преступная, хотя и сам не может сказать, в чем именно она такова, или, лучше сказать, его объяснения слишком формальны и заимствованы из «нравочения». Он уверен, что с женитьбой все это пройдет, и именно из-за этого очень хочет женитьбы. Но остаться в тяжелом материальном положении, избалованный монастырем, тоже не решается и мечется, не находя себе покоя, и страдает ужасно. Довольно давно уже послушник этот решил во

всяком случае отстраниться от тех своих влечений, и держится на этом, кажется, без слышного усилий.

Несколько слов еще о препод. Моисее Угрине[240 – Со всем объяснением касательно преп. Моисея Угриня я глубоко согласен. Прежде всего почтим его страдания, вспоминая поистине при них припев к чтениям 12-ти Евангелий в Великий Четверг: «Слава долготерпению Твоему Иисусе»... Мне было и самому неприятно это писать, и я рад отказаться от всякого нареkania или подозрения в аномальности Преподобного. Но одно — он, и другое — окружающие словеса около него писателя «Жития». Случай естественного сопротивления мужчины перед бесстыдной бабой переведен, благодаря неосторожной речи, в какое-то чисто уранистическое исповедание вражды вообще к жёности, к бабству, к женственности, и это положительно несносно, еретично и было исторически глубоко вредно. В. Р-в.]. Уверены ли вы в вашем толковании? Не слишком ли это — не верить прямому свидетельству его самого: «Могу, но не стану», и утверждать — «не может»? Мне думается, прежде всего, что всякий мужчина — именно мужчина, а не полу-женщина — поступил бы так, ибо мужчина в высшей степени не позволяет женщине звать его и, в особенности, требовать его[241 – Глубоко верно! Даже «звать», именно... И настоящая «женственность», вот нежнейшая и страстнейшая, никогда не «позовет», а только тихо ожидает... Но «тихие ожидания» ее через воздух передаются мужчинам: и это сильнее всяких зовов. В. Р-в.]. Мужчина может быть насильником, может быть, слегка (мне делали признания) — всегда насильник. Это именно потому он, будучи агрессивен, не терпит ни малейшей агрессивности в женщине и ищет в ней лишь пассивности, страдательности. Для мужчины не «чистого», с примесью бабоватости, требуется, чтобы не он насильвал, а его насильвали, насильвала женщина. Он хочет не требовать, а лишь сдаваться, быть взятым, чуть не принужденным. Но настоящий мужчина в высшей степени оскорбляется даже намеком на то, что инициативу может проявить не он, а женщина, и если она будет настойчива, то мужская гордость будет прямо пропорциональна квадрату ее настойчивости. Мужественность тогда будет возрастать гораздо быстрее, чем женское алкание и возбуждаемая, тоже усиленно, чувственность, и будет настолько обгонять последнюю, что вместо притяжения будет все усиливающееся отталкивание. Современная психопатология приводит поразительные примеры, как известная идея или чувство, раз начав парализовать какое-либо естественное влечение, крепнет до такой степени, что даже голод и жажда, сон и половое влечение и т. п. оказываются задержанными на долгое время; и лишь специальное уничтожение задерживающей идеи или чувства возвращает в нормальное состояние угнетенную функцию. Однако эта задержка функции может длиться месяцы, годы и даже всю жизнь. Так у мужчины, раз мужская гордость затронута, половое влечение будет парализовано, и чем больше будет насилия над мужчиной, тем несокрушимее будет его отпор. У препод. Моисея было сперва затронута его религиозное убеждение, что незаконна связь; была затронута гордость его рабством; было чувство непристойности состоять в весьма двусмысленном положении раба-удовлетворителя похоти взбалмошной хозяйки. Если бы она отнеслась к этому спокойно и осторожно и была сама скромнее, слегка намекнув ему, что он может жениться на ней, то очень может быть, что Моисей почувствовал бы влечение к ней и все обошлось бы благополучно. Но когда его хватают, требуют, подкупают, оскорбляют, пытаются, — что, скажите, оставалось ему делать, как не то, что сделал он? Да, именно «могу, но не хочу». «Не стану... убирайся... Лучше умру, чем коснусь тебя»... Дивлюсь кротости преподобного: этим он святой, а не воздержанием. Всякий другой на его месте не то бы ответил подобной особе. И ничуть не содомит Иосиф, когда жена Пентефрия искушала его, в негодовании вырвался от нее; когда же сам он действовал, тогда он был силен: доказательство сему — дети его. Осмелюсь думать, что и В. В. Розанов, если бы его схватила на улице какая-нибудь особа и, то предлагая денег, то колотя по голове зонтиком, стала требовать, чтобы он лег с нею, и это нахально, громогласно, перед всеми, — то В. В. обругался бы и плюнул, предпочитая попасть в участок по наговору навязчивой особы, чем в ее будуар. Не так ли? «Кровь в нем не выиграла», — пишете вы. Да у кого она «выиграла» бы (если он не совсем потерял человеческое подобие), когда его то подкупают, то бьют, то позорят, чтобы заставить ее «выиграть»[242 – Совершенно основательно; в статье «В мире образов и подобий» (см. книгу «В мире неясного и нерешенного») я сам же указываю, что если в дверь постучат и спросят: «Где спички?» — то уже настроение у запершихся в комнате падает, и «что было желанно» — становится «невозможно». Вообще «не будете любовь» — общий канон. Отсюда — «покой» субботы, исключение на целых 24 часа всякой заботы, всякой работы, всякой посторонней мысли... Ну, вот, и все хорошо обошлось с Моисеем Угриным, и слава Богу. Праведники суть праведники, и «делают» ли что — хорошо, и если «не делают» — тоже хорошо. И вообще «хорошо» с ними и вокруг них, и это и есть суть праведности. По чему же и как «праведность» мы узнаем и начинаем различать от «неправедности», как не по лицу прекрасного человека, которым мы прежде всего восхищены, и уже потом называем «праведными» слова его, дела его... А Моисей был воистину прекрасен. В. Р-в.].

Я вам скажу еще несколько слов вне очереди и порядка, возникших у меня при чтении вашей корректуры. В монашестве, которое носит одну «форму» и повинуется тому же «уставу», есть тоны и тоны, одна душа и другая душа. В К-ской губ., в Н-ском монастыре, мне привелось знать одного затворника высокой жизни и подвига. Жил он верстах в 15 от монастыря, и ходило к нему множество народа, вообще авторитет он имел великий. Но, несмотря на этот авторитет, по существу он вовсе не «из монахов». В своем губернском городе он был дьяконом, потом священником, были у него жена и дети. Когда дети обзавелись собственными семьями, а жена умерла, он в возрасте уже 55 лет ушел в «Пустынь», а потом и в затвор. Выходит, и то вопреки своему желанию, по послушанию начальству, из затвора один день в неделю и исповедует и наставляет приходящий к нему народ целую ночь напролет; а потом опять на шесть суток уходит в свой затвор. Теперь это уже ветхий старец, и нужно серьезно подумать о том, как велик его подвиг. Но... хотя и все в нем безупречно, однако нет благоухания о. Леонтия и старца Кирилла в Н-ском монастыре. Те, и неважное говоря, сопровождают слова еле слышным аккомпанементом «гармонии сфер», а этот и важное говорит без музыки. Это непередаваемо. Но пред теми умиляешься, а этого уважаешь, тех «обожаешь», а этого «обсуждаешь». В нем чувствуется не плохой и не хороший монах, а превосходный и добродетельный мирянин. И невольно думается о скучных песнях земли.

На стран. 146 вы говорите: «Почему прелюбодеяние супругов карается строго церковью, а извращенные формы пола отпускаются на исповеди легко?» Но ведь страдает в первом случае семья, невинные, а во втором только виновные или виноватые[243 – Высокоспособный Аноним рассуждает то как Платон в Афинах, то как член консистории в Петербурге: и в сих словах и ниже он, «обожая» предмет свой, отрицает, чтобы ему необходимо было умыться поутру. Будем реальны прежде всего; ибо реальность (в сей сфере) есть прежде всего жалость. «Прелюбодеяние, по вине коего расторгается брак» (с эпитимьей), никогда не бывает «случаем в гостинице»: это лишь фиктивно и на суде, через жлесвидетелей; на самом деле эта унижительная фикция прелюбодеяния проделывается, когда семья распалась вследствие наступления вновь могучей любви: и вот эпитимия на 7 и даже на 3 года зарезывает эту новую любовь на могиле прежней любви, гасит зарю новой жизни и повергает людей прямо в задыхание, отчаяние и иногда в самоубийство (см. в «Семейном вопросе в России» письма Ен-лова, где «разводимые» 10 лет ждали, и «уже все у нас перегорело, и когда женились — родили одного ребенка, и хотя живем вместе с нею, между собой уже не живем и почти не жили». Это же ужасно: погребены «задержкой» двое, и никому не в радость, потому что первая жена сама сблизилась у него с другим, а детей у них не было. Но рассуждение автора в

отношения любопытно и важно, что показывает складывание истории подобных рассуждений, где «язык без костей не ломится» и «писали, что хотели», только чтобы закруглить вечную в христианстве формулу «любви» — но без любви, потому что без соответствия с действительностью. Идеализм — жесток, даже когда это есть идеализм любви. Возвращаясь к идее, что «надо умываться поутру», скажем по адресу Анонима, и сонмов таких увлеченных, таких пылающих ревностью к Церкви, что остается вечною заповедь — «не сотвори себе кумира», не сотвори его даже из церкви... «Ни на земле, ни на верху-горе, — сказано, — ни под землей, ни на небесах». Ах, это учение о «кумирах»: оно одно защищает свободу человека на земле и счастье человека в жизни. Я понимаю: надо — чтить, наконец — прекрасно чтить. Но тут какая-то, иногда в тумане, граница, которую необходимо нащупать, не нащупав которой мы погибли. В. Р.-в.], которые наказуются ipsa re[244 – сами по себе (лат.)]. Церковь защищает семью («чтобы другим повадно не было»), жену, детей, ибо прелюбодеяние есть всегда род убийства их; но Церковь не насиует просто грешника: «спасайся о Господе» (из чина пострижения по окончании пострига), «не спасешься — тебе же хуже». Вы можете не соглашаться с целесообразностью строгих эпитимий прелюбодеям — не стану спорить; но зачем видеть вражду там, где действует любовь (гм, гм... В. Р.). Затем, разве можно сопоставить официально назначаемые эпитимьи разводящимся с тайно назначаемыми за содомию? Там их назначают по закону, а здесь по милости (ну, а плечи-то несут одни. В. Р.). Кайтесь в прелюбодеянии пред старцем, он тоже не назначит вам 7-летней эпитимии. Заявите о содомии в суде, и тогда получится суровая кара[245 – Да, это все так... и судов бы в браке, как в таинстве, вовсе не надо: все «начинал бы» и «кончал» местный батюшка в приходе. Тогда бы не было ни волнений, ни язв. В. Р.-в.]

На стр. 364 вы пишете о порядочности в «S». Да, по крайней мере относительно автора «Воспоминаний», скажу по личному наблюдению, — весьма порядочен, очень любит детей (это против вас) и дети его очень любят, умеет обходиться с ними, ищет возиться с ними, никак и ничуть в нем нет монашеской жестокости. Знаете, мне думается, что монашеская жестокость чаще всего бывает от нечистой совести и озлобления на себя[246 – Золотые слова. Я думаю, вообще всякая жестокость, мировая жестокость есть наружу выходящая злоба на свой грех: но как нельзя же «себя за бороду драть», то обычно дерут другого. Тут, не говоря о морально-церковном мире, об инквизиции, и «муза мести и печали», и «громы» обличения Щедрина, и «Дума народного гнева» (1-я Госуд. Дума). Возненавидели землю свою, возненавидели ее калиновской злобой: но чем удавиться бы, «трясаясь и стеная», вошли в редакцию журналов и газет, вошли на кафедру Думы, и — «ату ее, мать родную землю». Все это — Анджело, и не более как Анджело. Но как гениален Пушкин в этом очерке. В. Р.-в.]. Меня более откровенные монахи уверяли, что без половых пороков живут очень-очень немногие из них. И вот люди мнящие о себе, не смиренные, начинают ожесточаться на себя и на других (Пушкинский «Анджело»).

На стр. 365 вы именуете совокупление физиологическим гипнозом (это ad lectorem, для ясности читающему. В. Р.). Пожалуйста, измените это выражение, ибо если так, то совокупление осудительно. Да и не выражает сути дела. Скорее — «взаимное питание» веществами, недостающими каждому полу. В статье проф. А. Ф. Бранда «О Браунсекаровском способе лечения» («Врач», 1893 г., №№ 35, 38) говорится о взаимном питании полов через совокупление (вполне согласен. — В. Р.).

И еще последнее NB: знаете ли, что «извращения» всех родов вообще распространены у всех животных (мне говорил это Л. К. Попов, «Эльпе» Н. Вр. — В. Р.). Об этом я читал когда-то целую книгу, но сейчас забыл имя автора. Она на русском языке. Если нужно, вспомню (очень бы любопытно. — В. Р.).

Аноним»

Примечания

1 «Они (раскольники XVII века) все расспрашивали о гари, ужасно интересовались гарью, прислушиваясь, не горят ли где люди, сколько, когда и пр.», — говорит проф. Сикорский в исследовании о самозакопавшихся Терновских старообрядцах (см. главу «Русские могилы»). В этих расспросах уже чувствуется любящая страсть: «И страшно, а как хорошо!», «У, как боюсь, а испробовать бы». Тут влечет, тянет. Что? Какой ужас! Мне приходилось читать в медицинских книгах, что некоторые женщины любят оперироваться (о мужчинах этого известия нет). «Женщины особенно религиозны, женщины дали все религиозное на земле», — как-то обмолвилась в разговоре со мною грустная Л. И. Веселитская (Микулич). И об «операциях», и о «религиозности» можно сопоставить. Есть какая-то религия грусти, есть какая-то религия ужаса и грусти, «далекая от земли», «caelestis» [«небесный» — лат.]. Тут какой-то другой корень, совсем иной, чем на каком держатся цветы, плоды, радость мира. Другой и сильный, другой и необоримый. В «Молохе-Астарте» древние и схватили, и уловили этот другой корень, и в трепете поклонились и ему. «Ваалу — соития, деторождение! Молоху — смерть, самосожжение, гарь (у русских), могила!». Я хочу, однако, обратить внимание на то, что ощущение Молоха (и Астарты) не присуще сплошь человеческому роду, а некоторым как бы вкрапленным в человеческую породу частицам, индивидуумам, душам, которые врожденно неспособны к браку и никогда не будут иметь детей, хотя и имеют детородную систему внешне правильно выраженную. Это — «те, которые не осквернились с женами: ибо они — девственники», и которые «последуют за Агнцем всюду, куда он ни пойдет» (Апокалипсис). Чтобы знать, за каким «Агнцем» последуют девственники, нужно раскрыть громадный (12 фолиантов) атлас научного путешествия Лепсиуса в Египет и обратить внимание на сфинксы-бараны (овны, «агнцы»), какие рядами стояли при входе в египетские храмы: форма головы их несколько удлинена и отстывает от природы настолько, что дает почувствовать желание сказать ее фигурно о чем-то другом. С другой стороны, перелистав весь атлас, мы встретим «это другое», извая которое художник-жрец отступил от натурального его вида и сблизил с головою барана, особенно через посредство спускающихся вниз и закругляющихся рогов. Хотя, впрочем, и рога отвечают некоторой линии в натуре вещи («этой другой вещи»). На все эти сближения я не имел бы права, если бы наблюдения новых биологов не показали, что абсолютные, врожденные девственники, иногда уничтожающие у себя детородные органы, или сводящие их к «нет», посредством бандажей особого рода — у других... «во всем последуют Агнцу», как об этом рассказал — по собственным словам «в дифирамбах», т. е. поэтически и патетически, — Платон в «Федре». — «И не опасайся (такой «девственник») показаться безумным — он зажигал бы (перед отроком-любимцем) лампы» (религия, обожествление заживо, на земле еще). Все это неясно в отрывках, но становится совершенно ясно, если годы продумать над темою, и много читать о ней. Египет и его бараны-сфинксы были еще натуральной очевидностью в эпоху написания Апокалипсиса. Заметим также, что египетские божества, культ и изображения (см. монеты) были распространены во всей Малой Азии и в Сирии, где был написан «Апокалипсис». В. Р.-в.

2 жрец Кибелы (лат.).

3 Вероятно — блестящие, «мирские», веселые, нарядные. И вообще все это весьма похоже на наш постриг в монашество, но лишь

выражено жестко и решительно, «до конца», как это соответствует наивной и откровенной тогдашней культуре. В. Р-в.

4 Вероятно — подобное нашим «обетам отречения»: что он «никогда не взглянет на женщину, не соблазнится женщиною», и, может быть, что «отныне, сверх целомудрия, будет хранить и смирение, послушание» и проч. и проч. Зерно дерева, конечно, не похоже на дерево, но оба — одно: как бесспорно имеет что-то одно в себе эта история с «галлами» у древних и у нас пострижение в вечное девство... Хотя одного («не оскверниться с женами»), значит — одно! В. Р-в.

5 С презрением, как бы сделали теперешние (неискренние и непоследовательные монахи), будь они физически верны духовному обету. «Вот — это твоё (женщины), мне его — не надо! Возьми своё добро и наслаждайся им: а я — другой! святой! («кедеш», «священник»); как у нас «монах» всегда кажется «святым» сравнительно с семейным священником. «Самый худой монах все же лучше самого добродетельного священника» — аксиома монастырей). В. Р-в.

6 Совершенная аналогия посвящению у нас в монашестве обоих полов! «Аналогия» потому, что здесь и там это религиозно, там и здесь это — культ, религиозный обряд, религиозная церемония, «церковное торжество» (как у нас всякое «пострижение»). Торжество чего? Ясно видно, вслух сказано (у нас — с оговорками, ибо, уже по Нестору, «греки издревле лстивы суть», т. е. уклончивы, неправдивы, не прямые, любят ласковые слова, облекая в них жесткую или ужасную действительность). Это — «торжество», т. е. достигнутая цель, давнишняя мечта «не иметь ничего общего с женщинами», не касаться их, не скверниться с ними... «Гадко! мерзость!» — вот суть Фёдра-Платона, древнего «галла» и нашего монаха. Это неодолимое физиологическое (и психическое) отвращение и есть *primus* всего дела, тот *στοχέιον*, элемент, атом, — из какового и выросло все «дерево» тогдашнего и последующего аскетизма. В. Р-в.

7 Вот «посвящение», а не факт; религия, а не история. Не «нравы диких», как, вероятно, уже изготовились сказать попики. В. Р-в.

8 Религия плодородия, только плодородия, — у Моисея, у евреев, у Израиля. Историки не догадываются и законоучители не стараются объяснить в классе «на уроках Закона Божия» (= закона чадородия), что уклонения древних евреев в сторону поклонения Молоху и Астарте были постоянные попытки вторгнуться к ним монашеству, девственному духу, безбрачию; на что Израиль и пророки, увлекая и царей, говорили: «Нет!» У нас на уроках Закона Божия все это представлено так, что «пророки» и «благочестивые цари» Израиля были чуть не монахами, все постились и все молились, по примеру Филарета Московского или «в предтечу» Филарета Московского; а «гнусный культ Молоха» отвлекал их от этого ветхозаветного ещё монашества в сторону «осквернения с женами»... Забывают законоучители, что святому Давиду, до того старому, что он ничем не мог согреться, якобы «монашествующие» священники Иеговы подложили двух молоденьких девушек! То-то католики не велят мирянам самим читать Библию, а наши озабочены изданием «учебной Библии», с пропуском таких и аналогичных мест! Но неизвестно, где «дух святой», в Библии или в семинариях и духовной цензуре. Последние ещё никого не «спасли», а Библия выучила молиться весь род человеческий. В. Р-в.

9 Т. е. не то, что мужчина наденет платье, которое сняла с себя женщина, и обратно; а мужчины одевались в женские, женоподобные платья, в платье женского покроя (теперешние наши духовные одежды); а женщины-«кедешы» одевали платье мужского покроя. Здесь и выступает (у мужчин-кедешей) «Агнец, за которым вы будете всюду следовать»... Но не будем предупреждать биологических наблюдений. В. Р-в.

10 Тупая мысль автора книги. Впрочем, естественная: проводить свою «духовность», что «Бог есть дух» и что все «религиозное» есть только духовное, бесплотное, (якобы) бесполое. О том, что самый дух имеет пол, и духовные явления и таланты явно распадаются на мужественные и женственные, на мужские и женские — этого ему, конечно, не приходит на ум. В. Р-в.

11 Обоюдо-полою, дву-полою: так неужели же обладание в одном «я» обоими полами, такая «через край» — полость, есть то же, что вне-полость, без-полость, сухое дерево или «чистая духовность». До чего духовные не понимают даже грамоты тех предметов, о которых пишут; и все, между тем, стараются «изъяснять». В. Р-в.

12 Характерно... Мужчины, подходя к женскому божеству, не осмеливаются быть одетыми в свое мужское одеяние, к которому, очевидно, богиня питает отвращение, а должны переодеться в женщину, в каковом виде «пилигрим» уже допускается богинею перед свое лицо... Но пусть (духовные объяснят) богиня-Дева не хочет, застенчива быть увиденною мужчинами, отвращается увидеть мужчин. Но тогда зачем же женщины перед *stella Martis* являются мужчинами? Марс и вообще «мужской пол» уже не пренебрегают женщинами и не избегают их встреч. Неправдоподобное в Марсе, — очевидно, это и в Венере неверно. Дева-богиня, *stella Venus*, «Небесная Дева» говорит: «я хочу только женщин, мужской род мне ненавистен»; муж-Марс, «Небесный (*stella*) Марс» говорит: «мне угодны только мужчины, юбок и корсетов я не выношу». Все это глубоко связано с осколпением («галлы»); и вообще поклонение объясняет культ и, в свою очередь, разъясняет себя и свою метафизику в культе. В. Р-в.

13 Ты прочтешь, что в магической книге предписано: мужу облачаться в женские одежды, когда пред глазами стоит Венера, и точно так же жене облачаться в кольчугу, когда восходит Марс (лат.).

14 Если бы не обычный «двоящийся язык» духовных авторов, как было бы все ясно, каким светом залилась бы Библия. «Служительницы Астарты были монахини», «нечестивые цари Израиля и царицы, как Иезавель, наполнили дворец свой монахами и монахинями», каковых стоятель Божий «порубил при потоке Кедронском», когда они зывали к глухому богу о дожде, как и теперь он таких же не очень слушает «о дождичке»... И все было бы ясно! О, как все ясно! Из Финикии, из Сирии, уже задолго до христианства возникшее там монашество, «*galli*», силилось прорваться к храму Иеговы, с золотую виноградную гроздию в нем, где все было плодородие и плодородие, чадородие и чадородие! Но не удалось тогда; пока «камня на камне не осталось от храма» Иеговы, и вот тогда все «удалось»... Меланхолические звуки полились в истории, а темные монашеские тени забегали во всех храмах, от Рима до Вологды, от Иерусалима до Аранжуэца. В. Р-в.

15 Мифологам и историкам давно бы пора оставить такие ничего не значащие выражения, как «богиня Луны», «божество солнца» и пр. Это как бы об Иверской Божией Матери кто сказал «божество дерева» или «известное божество городских врат Китай-города» (в Москве). Разумеется, в древности говорилось о божестве лунных свойств, о божестве лунного характера, вот этого не рождающего и светящего, грустного, манящего, нежного, влюбляющего в себя и как бы ласкающего влюбленных, но именно только влюбленных — до

слиблия. Все женихи и невесты почему-то «смотрят на луну», чего и на ум не приходило супругам, даже самым любящим, очень любящим. Совсем другой колорит любви! Супруги любят солнышко. Почему? Кто разгадал? Луна запрещает «очень любиться», вот «сближаться»; «грозит с неба пальчиком». — «Поллюбитесь, помечтайте, но — и довольно». Это — монашеская любовь, прогулки по полю влюбленных монахинь, грустных, молчаливых, не знающих, что делать со своею любовью, не нашедших тогда еще «предмета»... Это — несчастная или преступная любовь, не нормальная, ничем не кончающаяся, которой положены роковые пределы. Мечтательное начало с тем вместе есть и жестокое; ведь сентиментализм Руссо родил фурий террора, как был сентиментален и Робеспьер... В мечтах рождается идеал; а идеал всегда бывает и особенно ощущает себя оскорбленным действительностью. Идеал и «луна» не знают компромиссов... Луна и ночь — уединенны: опять — это монашеский зов! Все это совершенно обратно горячему солнышку (Ваал и Ашера), ясному, пекущему, выгоняющему из земли траву, выгоняющему из стволов древесных сладкую камедь (сок), от которого цветы расцветают, пестики цветов опыляются, а тычинки и околоплодник цветов наполняются нектаром. И, наконец, все зреет к августу, когда тяжелые гроздья, яблоки, всякие плоды склоняют почти до земли ветки дерев. Солнце — супружество (совокупление), солнце — факт, действительность. Луна — вечное «обещание», греза, томление, ожидание, надежда: что-то совершенно противоположное действительному, и — очень спиритуалистическое. В. Р-в.

16 Через всю богословскую и «святоотческую» письменность и литературу проходит желание, притом искреннее и наивное, основанное на невежестве, связывать «наши пожелания» и «нашу уверенность» с ветхозаветными примерами, как прецедентами. Так и здесь. «Назорей суть ветхозаветные монахи» — это вам ткнут в споре и малоученые миряне, и многоученые богословы-академисты. На вопрос «почему» ответят: «Как же, в дни назорейства своего они воздерживались от сикера и вина». — «Ну?» — «Воздержание есть пост, а постничество есть суть монастыря: следовательно, назорей были то же, что теперешние монахи. Воздержанники, постники»... Между тем стоило бы не только глазами читать буквы Ветхого Завета, но и душою вникнуть в его музыку, чтобы понять, что «назорей» были «святые», «угождающие» Богу, но именно в духе плодородного Ветхого Завета: т. е. они были противоположностью монашества! С чего начиналось назорейство? Великий этот закон учредил Моисей, имевший двух жен (Сепфору и Эфиоплянку) и, уже конечно, о монашестве не помышлявший. Он ввел или, точнее, разлил в народе обычай, обыкновение, которое привилось со страстною горячностью, как, впрочем, естественно должно сладко привиться все, что помогает чадородию и увеличивает его, — увеличивает не в моментах разрешения от бремени, беременности, а в зачинающем его моменте, поднимая его энергию. Назорейство было обыкновением, но не обязательным, не всеобщим и пассивным, а поставленным под закон внутренней у всякого прихоти, фантазии, поэмы. «Есть охотка, становись назореем». Уж это должно бы обратить на себя внимание наших богословов и заставить их спросить себя: «Для чего оно?» «Хорошее дело» — это «назорейство» — ну, пусть бы исполняли все. Ведь оно длилось недолго, вот как наши посты, и под силу было бы и народу. Но Моисей сказал: «Пусть по фантазии». В чем же тут дело? Да в чем суть назорейства? К этому можно подойти, всмотревшись в обряд его. Вот я хочу быть назореем. «Тогда, — учит Моисей, — ты поди в Скинию свидения («свидания», «встречи» с Богом: ибо она была вечно наполнена «Славою Господнею», как бы мы сказали теперь: «полна Св. Духа», «полна благодати»). Там, купив жертвенное животное (не дорогое, овцу, т. е. обыкновеннейшее у пастушеского народа — это в видах доступности всем), сними одежды с себя; и священник, служивший при храме, положив к ногам твоим это животное, обреет кругом твое тело, так, чтобы срезанные волосы падали в шерсть этого животного и смешивались с волосами его». После того животное закалывалось и сжигалось на жертвеннике всесожжений, вместе с волосами нового назорей, «в сладкое благоухание Господу» (обычное прикладное слово о всех жертвах). Затем «назорей» возвращался в дом свой, к жене и детям (без жены и детей не было евреев), обязанный на дни «назорейства», срок коего он сам для себя определял, «воздерживаться от сикера и вина», как известно, расхолаживающего (разжижающего) кровь и расслабляющего половые силы. Срок назорейства, избираемый обыкновенно на 30 или немного больше дней (по «фантазии»), — был темпом изощренно-чистых, глубокоясных в сознании, совокуплений; конечно, ни малейше не преувеличенных в числе (что всегда ведет к слякоти и пакости, к частым слабеньким совокуплениям), но, бесспорно, более, так сказать, полновесных, зернистых, содержательных. Это как рожь набирают «на семена» — всегда лучшую, крупнейшую, свежую. На это указывает бритье волос около половых органов: как мы, готовясь делать визиты — «бреемся», к празднику — «бреемся», так бритье детородных органов ясно знаменует «праздник» их, «торжество» их. А что Моисеево «обрей все тело кругом», имело в виду именно особенно половые органы, это ясно само собою: потому что без обращения на них внимания, не надо бы новичку-назорей раздеваться и священник мог бы просто обривать ему голову. Наконец, выбривать место «под мышками» можно было тоже лишь слегка откинув не тяжеловесную южную одежду. В ритуал входит и в мысль Моисееву явно входило это: чтобы в Скинии свидения «назорей», т. е. в конце концов (в течение года) весь народ, все зрелые евреи и еврейки, показались нагими, с органами открытыми, видимыми, обвеваемыми «благодатным воздухом» Скинии. Назорейство было воздушно миквою Израиля. И как миква имеет отношение к вот-вот сейчас вслед за нею имеющему совершиться совокуплению, — так же точно и назорейство. Это было храмовое «посвящение», «благословение», «напутствие» в совокуплении. С монашеством оно имеет только то подобие, что «назорей» также чувствовал себя «посвященным Богу», «посвятившимся»; но «через совокупления, угодные Богу», «посвященные Богу», как и Богом указанные, предписанные («плодитесь, множитесь»), а не через «пост, скопчество и молитву» (монахи). В Талмуде, который есть «ограда закона», — исчислены яства и питья, понижающие и повышающие половую силу, половую предрасположенность, жажду. Между прочим от чеснока и цуки — жадут: отчего это и есть любимейшие, всегдашние блюда плодovitых евреев; от сикера и вина сила увядает, как это подтвердила в наши дни и наука. Мне где-то пришлось прочитать в статистической книге, касавшейся приуральских наших губерний, что вот в такое-то время уменьшения акцизного дохода, т. е. сокращения пьянства, — пропорционально увеличилось число изнасилований, т. е. нетерпеливых, неудержимых совокуплений. Нет пьянства — половой напор становится сильнее. И с сильным половым напором народы не имеют предрасположения к пьянству (евреи, мусульмане). В. Р-в.

17

Не помню, которому из пророков (богословы знают) Бог сказал: «Поди к блуднице и зачни с нею». Пророк исполнил. «Поди и еще зачни», — повторил Иегова. И так до трех раз. Да и вообще, нужно ли объяснять, когда это говорит каждая страница Библии, что на том самом месте, где образовалось голое скопчество потом, пресловутое девство, «святое девство», на этом самом месте в Ветхом Завете росла, зеленела и вечно поливалась свежеею водою («омовения») густая-густая, высокая-высокая трава совокуплений! И та самая «святость», которая отнесена была потом к девству, она ранее принадлежала совокуплениям. Многоженство гораздо священные святость, чем одноженство: что видно из того, что, например, одноженный Исаак был «так себе» у Бога, без знамений, без посещений, без особенных ему обетований, — многоженных же Авраама и Иакова Он посещал, говорил с ними, и точно всячески лелеял и ласкал. Да и понятно: если «женность» хорошо, то многоженность лучше одноженности, как «пять» больше, лучше «единицы», как полководец, выигравший «три сражения», лучше выигравшего «одно», и учитель, обучивший «толпу» детей, лучше, угоднее Богу и нужнее в мире, чем обучивший единственного ученика. В. Р-в.

18 Где это в Ветхом Завете культ «недостатков, бедствий, озлоблений»? Терпишь, когда приходится: а искать — грешно. Это уж в Новом Завете стали «изъявлять себя», и что отчаяннее, горше — «испытывать сладкую муку язв»... Когда это пришло, со «счастьем человеческим» было кончено, и дверь в Эдем, обещанный вторично человеку (Апокалипсис) — наглухо заколотилась. В. Р-в.

19 Все это и так, и не так... «Община Иисуса уже была иноческою», «была образом и примером иночества». Действительно все в этой общине и она сама была «не от похоти мужския рожденною, ни — от похоти женския». Уже в ней ничего не было «от плоти»: все устремления — «духовные», все интересы — «духовные»; и община эта была, конечно.

зачатком и прообразом «духовенства», греко-российского, латинского, германского. Кой-кто из них был женат; но каким-то боковым способом, не центрально, не главным образом. Как и духовенство всемирное с тех пор имеет семью «как сбоку припека», «дозволенную» (у нас), замененную «экономками и служанками» (у католиков). Везде от семьи остались «поскребыши», хлам: сердцевина была выедена. Сердцевина величия, сердцевина яркого признания, сердцевина верности и доблестей. Точно вокруг семьи, этого «райского дерева», этого «дерева жизни», походил больной, калека; и заразил ее калечеством своим, «убогим видом». Но это был именно только вид убогости: на самом деле под убожеством скрывался Сильный, Сильнейший. Передав семье «убожество» свое, сам он начал расти — о, тоже в этом идеал «убожества», но в сущности — «якобы убожества»: поднялась сатанинская гордость «смирненных видом», и недаром 1-й основатель папства определил себя «servus servorum Dei», «раб рабов Господних». В «рабских чертах», «прихрамывая», «сгибаясь», — все они занесли голову свою за облака. Вернемся к теме: да, женаты были некоторые Апостолы; но чтобы у которого-нибудь из них родился ребеночек — этого не только нигде не сказано в Евангелии, но как-то и представить себе нельзя, чтобы об этом было на его страницах сказано. Весь дух его изменился бы. «Плотская радость», «плотское счастье» — это «дерево жизни» растет; тогда как в Евангелии оно нигде уже не растет... Как с пришествием Христа прекратились жертвоприношения — т. е. та древнейшая часть всех религий, тот ее первый камень, который уже описан подробно у сынов первого человека, Адама, — так сам Христос явился как бы последний рожденный со славою женами человеческими, после Которого прекратились настоящие рождения, и осталась лишь тень их, схема их, даже смрад их, без сока и сладости. В. Р-в.

20 Вот! Начинается этот культ «старых дев», маринад из «похоти мужския и женския», который квасится в собственном уксусе, вместо того чтобы давать лозу. В. Р-в.

21 Вот! И такое величественное это слово: «девственницы», «девственники». Но это хорошо — бессемейным: а горькие старики-семьянины, видя, как взрослые дочери их, и одна, и другая, и шестая, оставляются «бессеменной эпохой» за флагом, горько плачутся про себя, а вслух называют их «старыми девками». Климент поэтому написал не «Послание к девственницам», а «Послание к старым мухоморам», от яда коих — через мглу веков — произошли теперешние наши «бульвары» и «городские сады», где такие же мухоморы, на исходе увядающей, никому не нужной, никому не потребовавшейся их молодости, бегают, высунув язык, за гимназистами, за столоначальниками, за кем-нибудь, за кем угодно. О, Боже; да ведь и жизнь изжита, и как их осудить! Это уже не человеколюбивый Талмуд, по одному из правил коего если у отца есть дочь особенно непривлекательная, то отец все-таки обязан, хоть за деньги, ей приобрести временного мужа. Навеки-то, на наш «вечный брак» — и «за деньги» на многих нельзя жениться; ну, а временно — при свободе хоть на завтра развода — конечно, уже не было такого уroda из девушек, которую «познать» решительно отказался бы всякий. При заповеди «плодородия» естественно вытекло это мудрое правило, что как только у девушки лобок начал покрываться волосами (см. у пророка Иезекииля), — так отец и мать обязаны были привести ей на ложе, кто бы «вошел» к ней и зачал в ней. И уже, конечно, нельзя было ожидать отказа, когда сестра упрашивала своего брата, холостого или женатого — все равно, совокупиться с ее дочерью, хотя бы сколько-нибудь раз, хотя бы до первой беременности, когда (в случае нестерпимого ее безобразия) он мог быть заменен другим мужем (механизм развода, закон родственных браков), опять не вечным, опять каким-нибудь. Вот уж там и «лен курящийся» не «загашивался», и «трость надломленная» — не переламывалась. Заметим, что великая есть доблесть, великое служение Богу (вот где настоящее «монашество», как «жертва Богу») заключается в женитьбе на тех девушках, вдовах, вообще женских существах, которые «никому не понадобились», «никому не нравятся», некрасивеньких, слабеньких, невидненьких; но «тяжких бремени не надо возлагать», и, конечно, можно надеяться на охотную женитьбу на таких лишь при многоженстве, которое да будет благословенно между прочим именно и за это, что при многоженстве возможно брать некрасивых, космических «сирот», космическое «убожество», производя от него иногда красивейшие лозы: ибо «убогие» с лица своего, в поле бывают часто гениальны, восприимчивы, страстны, «похотливы». Уверен, что доля избранничества Богом Магомета объясняется любовью и верностью его, еще в 17 лет, к 40-летней милой Хадидже: только на небесах известно, а не у пустых людей, как было отрадно Богу, что он так любил и никогда — уже женившись на других — не обидел свою Хадиджу, бывшую тогда «беззубою старухой», как ее ревниво называла младшая из Магометовых жен, прекрасная Аиша. Хотя он безумно любил ее, последнюю, но не переставал и в это даже время любить, ласкать и нежить Хадиджу. За Хадиджу ему и послал Бог победы и успех и дал Свои слова пророчества. В. Р-в.

22 Читай: «Для угождения Богу отрекавшихся от исполнения воли Божией, заповеди Господней». В. Р-в.

23 Вот... Начались эти «оставления жениха», «ухождения в монастырь», прообраз скорбных Лиз Калитиных... Но оставим уродство. Или — вот оно произошло; то и пусть осталось бы в молчании, как эмпирический факт, не переходя ни в принципиальное да, ни в принципиальное нет. Но этого не случилось: о нем записали, его прославили, прославили «оставление жениха», т. е. безмужество. О, поистине, как «благочестиво есть в Пустынной Аравии посадить хотя одно в жизни дерево» — так в нашей цивилизации старых дев и беспутных холостяков «блгочестиво есть» бросить в огонь хоть одну из этих старопечатных книжонок, в кожаных переплетках и с медными застежками. В. Р-в.

24 Вот!.. В. Р-в.

25 Вот! «Не надо Евы». До чего явен бунт против Бога, не со стороны откуда-то, но из Адама же извлекшего жену ему, и тем показавшего, какое это внутреннее существо вещей, не придуманное, не постороннее, не случайное. «Уже в тебе, Адам, — есть Ева: которая и выходит во благовремени» (= брак). В. Р-в.

26 О, семинарщина, о глупая семинарщина! И еще туда же, философствует... В. Р-в.

27 Да, психологическое основание для перелома, конечно, было, но не было основания религиозного, т. е. относящегося «до вечности» и в себе самом заключающего «вечность». Вся древняя цивилизация изнасилась, истерлась... Стреляли, стреляли из пушки — и она обратилась в «кувалду»: нарезы сгладились, ствол измялся, вся она «деформировалась»... Вчера сыт, сегодня сыт, всегда был сыт: нужно и поголодать, хочется поголодать. Но это — феномены, психические состояния, перемены бытия, жизнь! Нет жизни, где нет перемен, пульса. Вот в смысле «пульса» покаяние и пост, пустыня и молитва были нужны. Но, повторяем, — это феномен, который никогда не смел переходить в религию, в котором не было содержания для религии! В этом все дело. Но и затем вопрос: где «изначальная правда» и где «первородный грех», в светлом ли взаимодействии с природой, или «в облачках» души человеческой, которые тоже есть, есть они извечно, прорезывают самую чистую радость, самый безмятежный, казалось бы, покой? Здесь, не в силах разгадать, я передам, что чувствую: хотя я вечно, казалось бы, «защищаю язычество», но на светлом пиру Эллады и я выбрал бы, сел бы рядом и заговорил бы с той, которую так хорошо очертил поэт:

Но, в разговор веселый не вступая,

Сидела там задумчиво одна,

И в грустный сон душа ее младая

Бог знает чем была погружена...

Интереснее! Да не только интереснее, — лучше! Монашеская красота извечно победит внешнюю, плотскую, мясную, тельную: как Рафаэль победил же Рубенса... и «суровая» Астарта-Девственница побеждала юную, полнобедренную, грудистую Венеру. Удивлен я был, рассматривая карфагенские монеты (см. Müller: «Монеты Африки») с изображением на них Астарты-Таниты. Это очень редкие монеты, выбитые в эпоху Цезаря и Августа в самом Карфагене, тогда как более древние карфагенские монеты, чеканившиеся в сицилийских колониях, все носят на себе изображения других божеств. Я был не только удивлен, но поражен: на монете изображена голова теперешней, нашей монахини, не только с чертами пожилого и сурового лица «ханжи-игуменьи», но голова и покрыта каким-то монашеским куколом, некрасивым узким покрывалом. Весь стиль — монахини! Вдобавок и прямо к ужасу — позади головы стоит крест, длинный латинский «крыж», т. е. «крест-накрест» две прямых линии, поперечная ближе к верхнему концу, и без всяких наших «православных» переключений! Между тем это — подлинная языческая монета, вне всякого ведения христианства вычеканенная и посвященная Таните-Астарте, «женской половине» Молоха, — в честь коей, как и Молоха, сжигали детей! Значит, эта «меланхолия» — извечна! И краткий «рай», конечно, должен был смениться «грехопадением». Душа человеческая, сама душа его, а не обстоятельства его жизни, рождена с «облачком»... которое мы или видим, или ждем, или вспоминаем. В «Астарте-Молохе» древние, по-видимому, отнесли это «облачко души человеческой» к извечному, к небесному: провидели в самом Боге-Творце это «облачко», или уже в Нем-то — целую «тучу»... «грозы и молнии»... Мы тут, конечно, ничего не можем сказать, где «да», где «нет». Мой окончательный взгляд заключается в том, что все должно быть введено в свою меру: должна быть размерена и радость и грусть, свой черед и закон — одному, черед и закон — и другому, без «диктования условий» которым-нибудь, и к абсолютно свободному выбору человека. Почтим монастыри; но почтим и того, кто никогда в монастырь не заглядывает. И только скажем ему: «Брат наш, будь в удовольствиях прекрасен, как эллин, и не переходи нигде в свинство» (способ веселиться у христиан); а монастырю скажем: «Не наводи грим скорби на лицо свое и не разыгрывай театр скорби с комедией в душе»... В. Р-в.

28 до бесконечности (лат.).

29 в возможности (лат.).

30 Единственный из богословов, ясно это понявший и последовательно и пламенно выразивший, — М. М. Тареев. См. его «Основы христианства», т. IV. «Христианская свобода».

31 Святая — всегда проститутка (фр.).

32 в положении возбуждения (лат.).

33 похоть (лат.).

34 Проф. Роллендер, на стр. 78, закончив объяснение побочных действий совокупления на всю сеть органов женского тела и, между прочим, на питание, на отправление кишок (важнейшее, на кровь, он пропустил по невинному медицинскому неведению), говорит, впрочем, всякому известную истину: «Этим всем объясняется известный факт, что весьма часто случается, когда девушек, вступивших в замужество бледными, истощенными, уже через несколько недель нельзя бывает узнать: они превращаются в цветущих, дышащих здоровьем женщин, тогда как раньше все применявшиеся, самые разнообразные методы лечения ничего не могли поделать против их жалкого вида и худощавости». Вот такую-то гадость, такой опиум и мертвечину советуют «лекарственно» принимать беременной женщине моралисты (Толстой в «Крейцер. сонате», и за ним целые толпы писак).

35 См. д-р Форель: «Половой вопрос»; да и во множестве книжек, просмотренных мною для этой главы, мелькает этот совет. Совет онанировать (вместо проституции, угрожающей заражением) давали «ex cathedra» [с кафедры — лат.], на лекциях, некоторые профессора Петербургской медицинской академии студентам-слушателям, о чем мне сообщил отец одного студента, С. В. Б-х.

36 Супруга всего народа, священная супруга священного народа (лат.).

37 Основная точка зрения исторической церкви на брак («ради духовных целей», «ради духовной гармонии душ», «ради совместного стремления к нравственному совершенству»). Этот взгляд так упорен и, традиционно, так давно установился, что духовные писатели, даже под напором полемики, не в силах выговорить, написать: «Брак ради страстно-любовного совокупления», что составляет очевидность для 999 из 1000 человек, ибо составляет наличный факт жизни этих 999 из 1000 человек. В. Р-в.

38 Поразительно, и соответствует тому, что мы выше говорили о вечной женственности: «стыдлива и скромна» до степени, что это

мечается в медицинском документе («что ему Гекуба?»), и параллельно этому, точнее, в основе этого, — в ней лежит сильнейший инстинкт материнства, плодоношения, чревонаполнения, и, следовательно, предварительнее всего — совокупления! «Стыдлива и скромна, потому что похотлива»; «рвется, молча и застенчиво, к фаллу пропорционально целомудрию» — вот формула! В. Р-в.

39 Впервые появляется качество девушки! Как это интересно, — просто содрогнешься читать! Мировая тайна, колодезь мировых секретов. В. Р-в.

40 Совершенный дурак, т. е. доктор.

41 Об Д. И. Менделееве мне было передано, очень трогательно, что когда одна из дочерей его, выйдя замуж, первые годы не беременела, то отец выражал крайнее смущение, нервность и беспокойство, исчезнувшее с беременностью ее. В «Семейной хронике» С. Т. Аксакова это же рассказывается об отце женившегося молодого человека. Одна замужняя и бездетная дама, супруга высокоинтеллигентного доктора и сама высокоинтеллигентная женщина, передала мне, что на год 5-ый замужества отец прошептал ей как-то: «Что же, Н (ласкательное имя), ты не родишь нам с матерью внука». Вообще потомства все ждут не спокойно, а жадно; и как мы — «по образу и подобию Божию», то также ожидает, именно нетерпеливо ожидает Бог от всякого юноши и от всякой девушки детенышей. Этому-то Божескому ожиданию и отвечает волна страсти в нас. Все богословские книги не могут опровергнуть этой строки. А в ней — гроб монашества. В. Р-в.

42 Параллель этому — легкое, без страдания, без физической муки от трения, оставление древними христианками-девами родительских домов и всей обстановки богатства и удобства. Полусодомитки, т. е. полумужчины, — внутренне жестки; и потому жесткое снаружи их не «дерет» по коже, по вкусам и по душе. В. Р-в.

43 Какая аналогия с инокинями, с монастырем! Явно, — одно вдохновение там и здесь! Но следите же, из какого, однако, родника физиологии бьет это вдохновение, и вся сумма этих вкусов, как антипатий и симпатий: в корне *Venus utriusque sexus* (см. выше), отвращающаяся от мужской похоти!.. В. Р-в.

44 Поразительно. Толстой чуть-чуть не договорил «всего дела»: «своя красота радует, но мужское влюбление пугает». Да ведь это весь очерк — Артемиды (богини луны) греческой, охотницы, блуждающей по лесам. Но «радующая красота» явно радует в отношении кого-то, п. ч. иначе это была бы какая-то онанистическая эстетика. Кого же? Да девушек, женщин! Марья Павловна не дошла немного «до точки», как не дошла и Артемиды. Еще шаг — и получилась бы поэтесса Сафо с о-ва Лесбоса. Артемиды — недоконченный или, вернее, переходный тип греческой мифологии. В. Р-в.

45 Полная аналогия «пациенткам» Крафт-Эбинга! Если бы Толстой знал об этом совпадении! Если бы об этом совпадении знал Крафт-Эбинг! В. Р-в.

46 Поразительные подробности... О, сколько аналогий с первыми инокинями... «Не любила отца»... Имеющие сами не рождать, «бессеменные» сами, — ничего не чувствуют к вертикальным степеням родства: детей — не будет, а родителей как бы нет. «Чужие» по направлению вниз и вверх, но зато удвоенно родные в связанности с однолетками, с друзьями (юноши), с подругами (девушки)... Лесбиянство — в духовной степени — этой Мар. Пав. выражается в том, что она уходит на фабрику не с «героем-юношей», не с «женихом» (обычная форма, обычный мотив, обычная тяга), а с подругой... Но уже поистине ее «подруга» есть ее тайный «жених»... Два шага бы вперед, в организации и жизни; и эта Мария Павловна, как древняя жрица Крита или Египта, пошла бы с этою «подругой» не на фабрику, а в храм Парсефены или Плутона («подземные» боги, боги «Аида»), с цветами, жертвами и мольбою: «Побрачьтесь нас, двух девушек... Ибо мужчин мы обе ненавидим» (*Dea Lunus*). Еще заметка: так вот где родник безумной роскоши, утопания в роскоши «напудренных маркиз» или разных «Клеопатр» всех веков, обычно окруженных любовниками (самцами). Близость к Лесбосу, «мужское в женском», «влияние Луны» отражается суровостью, «ненужностью вещей», «ненужностью имущества и обстановки» (всего, что «рождает Солнышко»)... Обратно: повышенная самочность и приближение к «вечной женственности», утончая нервы, увеличивая пахучесть, увеличивая «нектар» души и физики, порождает тоскливое желание весь мир обратить в «кружева и паутину», или обвить весь мир чем-то «кружевным», роскошью, негою... «Дворец не дворец» и «обстановка не обстановка»... Это — другой полюс монастыря: увы, столь естественный полюс! До чего разгадывается цивилизация! Как невозможно цивилизацию постигнуть без обращения внимания на вечную борьбу «полнобедренной» Афродиты и («Песни Песней») с худощавою Ашерою, которой в «жертву» сжигали детей... которой «ничего не надо», кроме кельи и ломтя хлеба, кроме «селедки» наших социал-демократов (см. у Степняка в «Подпольной России»: вечно едят, на «конспиративных пирушках», свою «селедку», не догадываясь, до чего это показывает их связь и с Ганимедом-Лесбосом, и с Ашерою-инокинею). В. Р-в.

47 Великодушие, сострадание, чисто «христианские чувства» и «христианские отношения»... Между тем по исповеданию она атеистка и, вообще, вне — всяких религий. Мы отсюда можем судить, откуда в религиях-то взялись все эти их типичные черты, будто бы «Богом заповеданные» и человеком только «принятые к исполнению». Нет, все от матушки-натуры: но только в «натуру»-то эту надо взглядеться и рассмотреть все ее разнообразные слои, «почвы», «подпочвы», «суглинок», «песок» и «среднее»... В. Р-в.

48 Поразительно: полный очерк древней христианки! Но родник в том, что метафизически перерезаны вертикальные связи (с детьми и родителями) и метафизически же отросли такие толстые «ручищи» (вместо *genital'ий*) для «связывания» с «ближними», с «соседями», с «однолетками», что связь эта необорима, неубиваема, неустанна, не тягостна, и прямо «в пищу», «в насыщение» полусодомиток... Она вообще не устает на помощи «ближнему», «в услужении» ближнему, духовным «братьям» и «сестрам», — и точно так же и по той же причине не устает, как *sainte prostiutee* Египта не уставала, совокупляясь... Разные «привзвания», и радость, восторг в исполнении мирового «служения»... Но из этого ясно, до чего «дево-мужи» и «муже-девы» необходимы в цивилизации, какую колоссальную роль в жизни играют эти «никогда не выходящие замуж», какая толща работы принесена ими на алтарь человечества. Между тем что такое «содом» по оценке юриспруденции, полиции? по оценке религии? наконец, «бесстрастной науки»? Предмет «серного огня», кутузки и дома умалишенных!!! И только оттого, что незамечены были переходные формы к содомии, да и она сама была постигнута не в психологии своей, не в таланте и чести, но под углом единственно и одного *actus'a sodomicus'a*, которого в 9/10 случаев и не бывает вовсе, а при «духовных содружествах», хотя они сопровождаются уже телесною любовью, иногда — телесным влюблением (тут — мириады степеней), этот *actus* отсутствует в 10/10 случаев... Все было проклято из-за действительно гнусного *coitus'a per anum*: которого

или нет, или он есть только одна жилка, которой-то «нерв», не главный и даже не значащий, в необозримом содомии, как необыкновенной близости, как «проницания лучами друг друга», как «щупанье небесными щупальцами» душ друг друга, как любовь и, наконец, (лунная) влюбленность особей с теми же genital'ями, одинаковыми у обоих влюбленных. Стоило бы медицине и юриспруденции плюнуть на эти «genital'ии», как «плевали» на свои genitalia «пациенты», подавляли их, хотели бы отрезать, они им были «не нужны», «не интересны», «мертвы», и никогда «не возбуждались»: и тотчас бы они поняли это явление, и сами обольщенно залюбовались бы роскошью плодов, приносимых им на стол всемирной цивилизации! Добавлю то, что все время, на всем пространстве этой книги, хотел сказать: что уже самая обыкновенная дружба, — между «Иваном Ивановичем» и «Петр Иванычем», между «Ольгой Семеновной» и «Варварой Петровной», — простое их «симпатизирование» друг другу, но отличающееся от безразличия или равнодушного отношения к прочим окружающим, есть содомия в дроби 1/100, 1/1000. Но все-таки именно «бескорыстное», не «утилитарное» отношение близости на почве любви, на почве «почему-то нравится», и «нравится особенно и больше всех» — есть содомия, т. е. дробь содомии. Как только мы это признаем или об этом догадались, так поймем, что в сущности вся жизнь залита содомиею, проникнута ею, как сахар, опущенный в стакан чаю, тающий и еще не растаявший... И что как сахар придает вкус чаю, так *essentia sodomica* сообщает сладость, приятность, легкость, облегченность, связанность и «социальность» всей жизни... В. Р-в.

49 Ну, вот — и больше ничего не надо! Полное определение содомии по Крафт-Эбингу и друг. «Им это (половое сношение) непонятно и отвратительно» и кажется чем-то «оскорбительным для человеческого достоинства». Ретроспективно бросая взгляд на споры, изложенные в моей книге «В мире неясного и нерешенного», только теперь понимаешь их источник и пафос, и что спорившие о девстве и браке «никак не могли согласиться»: да спорили-то полусодомиты — сами этого о себе не знавшие — и обыкновенные люди. В. Р-в.

50 Природа превозмогает! Автор, конечно, знает, что на той же странице Библии, где сказано радостный глагол о человеке, что он есть «подобие и образ Божий», сказано ему и заповедь: «Плодись, множись, наполни землю». Но *mademoiselle* кричит на него: «Не вижу, не читаю, не знаю!», «образ Божий и нравственный закон» несовместим с «плодитесь, множитесь», ибо я — нравствен, и не могу, отворачиваясь размножаться». В. Р-в.

51 Да вовсе не «бессмысленным», а прекрасным и духовным, этическим и метафизическим. Не пора ли сказать философствующим *mademoiselles*, что половая деятельность, которая никем (кроме совершающих) не зрима, никем не осязаема, о которой не говорят, не пишут (сознают дурное и грех в писании), явно и есть умопостигаемая область, чисто духовная область, носящаяся, как пар и свет, только в мысли, воображении и желаниях; что это есть, таким образом, самый спиритуалистический мир. В. Р-в.

52 Вот дурак: да чем животные плохи?! Египтяне их почитали за святых, и мы тоже считаем их безгрешнее людей. Между тем у животных самец и самка не могут даже встретиться, чтобы сейчас же самец не начал особенным образом ласкать и нежить самку, т. е. они находятся в постоянном, непрерывном половом возбуждении. И — невинны. Урок мудрецам и мудречихам. В. Р-в.

53 Скажите, пожалуйста! Писал бы уж прямо: «мы настоящие христиане — *mademoiselles*, и мужчин-язычников нам вовсе не надо». В. Р-в.

54 Хорошо это «хотя»... Логика говорит: «Нет брака без совокупления», а натура кричит: «Не хочу совокупления, не могу». В. Р-в.

55 Ну, вот это хорошо, потому что прямо. Попики так решительно не говорят, все виляют. И «таинство», и «скверна». Г-н Фози не виляет, и говорит, что брак есть борьба с Богом, т. е. конечно с христианским Богом, с И. Христом; и что уж если в нем есть «таинство», то — сатанинское. Но ведь отсюда уже прямой вывод у автора и авторов такой мысли, что Ветхий Завет, благословляющий чадородие, есть завет человека с Сатанюю, а Библия — сатанинская книга: с чем согласно тех христиан, которые позволяли себе обрезать, приобщались как к братьям своим к состоящим в Ветхом Завете евреям — сжигали на костре, как служителей Сатаны и детей дьявола. У нас, в России, был один случай такого сожжения, в Византии — множество таких случаев, целая эпоха. В. Р-в.

56 Как все точно и верно. Это — самое строгое рассуждение о браке, какое я читаю за много лет. В. Р-в.

57 «Жизнь растений». К. Тимирязев. Примеч. г-на Фози.

58 Классическое, по точности, рассуждение. Его надо прямо переписывать в трактаты о браке, отстранив виляющие семинаристские тетради. В. Р-в.

59 Вот! В. Р-в.

60 Как все точно. Но автор должен согласиться со мною, что у христиан никакого брака нет: ибо 1) ни бездетность, ни отсутствие родового акта (когда один супруг бросил другого) у христиан не расторгает брака. «Была форма: что же от нее отломалось, если супруги не совокупаются и не могут совокупляться? Брак остался». У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть форма; а миряне договорили: «формальность». Эта-то суть и разрушает или растлевает европейскую семью. В. Р-в.

61 Вот, сказал же истину: что «христианство рассекло чудесный фокус всей живой физической природы». Только это одно, — и можно закрыть все книги и не читать больше, как можно было бы и всем писателям бросить перо, и сосредоточиться только на этом одном вопросе: «мы исповедуем религию, рассекающую узел бытия; — с Богом мы? или против Бога?» Но тот же последовательный автор говорит: «Узел этот борется с нашим Богом, и утверждает злое начало в мире». Только крупинка отделяет его от сознания: «Боже, прости мне грех мой: всю жизнь я положил на борьбу с Тобою и на служение злу»... Недаром мерещилось с начала нашей эры, что когда-нибудь настанет «светопреставление», т. е. «переставление (источников) света», истины. В. Р-в.

62 Вот сказал же истину: «Мы отрицаем полезное и необходимое для существования человечества», «мы враги человека и человечества». Если бы так точно говорили, спор давно был бы окончен. В. Р-в.

63 Каково чудовищное давление содомии! давление на совершенно уже нормальный брак, на совершенно нормальных супругов! «Приятно» и «есть чудесный фокус всей живой физической природы», коему мы «несчастно подчинены», законом «неизбежности

обречены исполнить его»!!! О, духовно-содомская цивилизация: и она смеет свой пафос возводить в закон! в «нравственное правило!» в «нравственность и святость», наконец! В. Р-в.

64 Типичное рассуждение дево-мужчины: как они восторженно любят, в то же время гнушаясь всем половым! Читатель, отвернув назад несколько страниц, прочтет медицинские примеры этого, которых я взял малую крупицу. В. Р-в.

65 Отсюда начинается «святое святых» духовных содомлян, от Платона до нашего времени: «Грех! преступление!» Точь-в-точь это то ощущение к нашему, какое всемирно у нас существует к ихнему: «Противоестественно! грех, беззаконие!» Ну, кто же может перешагнуть через свою организацию: труднее, чем перепрыгнуть через свою тень! В. Р-в.

66 Здесь везде вместо «нравственная личность» надо читать «наша содомско-девственная природа». Я тоже нравственный человек: но от юности, от 17 лет, когда впервые совершил этот акт, и затем в двух супружествах, как и в актах (немногих) вне супружества, не чувствовал ни малейшего угрызения совести, никакого греха, ничего позорного! Просто не могу этого понять. В. Р-в.

67 То-то: вот происхождение детоубийства у христиан! Из бесплодности, из муже-девства. Автор, очевидно, имеет в виду не венчанные сожития и рождающихся от них детей. Кратко и резко: каждый «духовный отец» за недоданные ему (за венчание) 25 рублей повелевает несчастной матери умертвить своего ребенка, и заставляет общество заставить ее привести в исполнение свою волю. В. Р-в.

68 «Справедливости»... Справедливо детоубийство! О, какая правда, что на таких, как вы, когда-то был просыпан серный огонь с неба! В. Р-в.

69 Слышите признание содомлянина: «Иногда некоторого рода потребности организма», и то с убавкою: «можно сказать даже»... Просто он не верит, что это всех нас потребность, и описывает родовой акт как (ему) неоткрытую Америку. В. Р-в.

70 Вот! какую же надо иметь подлость, какой грех в себе носить, какое злодеяние, чтобы осудить этот «никого не касающийся акт и никого не затрагивающего» младенца от него! Но проклятые содомляне, содомляне юриспруденции и содомляне клира, пустили борзых собак, чтобы растерзать этих невиннейших девушек и невинных детей! О, до чего глупо сюсюкал Достоевский о помещике, затравившем собаками мальчика: как будто все население Воспитательного Дома в благочестивой Москве — не есть «затравленные собаками дети», но только собаками, выпущенными не от помещика и не со псарни, а из-под золотых маковок Москвы и от духовных наших отцов. В. Р-в.

71 Вот! «И при церковном таинстве — позор». Что ж это «таинство» делает и для чего оно нужно?! В. Р-в.

72 Договорился: совокупиться («интимный, никого не касающийся акт») — то же, что убить (другого! отца чьего-то, сына, мужа!). Нет, на головы этих содомитов конечно надо изливать серный огонь. В. Р-в.

73 То-то христиане напиваются допьяна перед совокуплением (рассказ мне о купцах в Ельце), и то-то у христиан столько наследственного алкоголизма! Всё плоды «нравственного закона личности». Да провалитесь вы с вашей «нравственной личностью», которая несет убийство, пьянство и разврат! Совокупление всегда должно быть в трезвом виде и при пустом желудке, т. е. не ранее 2-х часов после еды. В другом виде совершать его безнравственно. В. Р-в.

74 Автор хитрит, притворяясь не знающим, что сопутствовавшие грехопадению слова и действия никакой связи с родовым актом не имели. Адам и Ева застыдились, еще не совокупившись, девственные! Но вот что надо заметить: пожалуй, крошечная застенчивость (не стыд, не «грех») и появляется по окончании акта, решительно и абсолютно отсутствуя в течение его и перед ним. Что же означает застенчивость после? Естественную жажду покоя, составную часть которого составляет скрытость, неосязаемость и невидимость. «Отдохни, усни» в отношении половых органов — и только. Сами же супруги после этого пожимают друг другу руку, или ласково проводят рукой по щеке, или крестят друг друга. В. Р-в.

75 Что за низкое подозрение! ничего подобного не бывает. В. Р-в.

76 Что за клевета на брак. О, психика содомства! В. Р-в.

77 Клевета, клевета! Напротив, все радуются, поздравляют, новобрачные делают визиты, т. е. всех хотят видеть, и сознают, что их также все другие люди желают видеть. Поэзия новобрачия (первых и естественно частых совокуплений) и обычаи новобрачия трогательны и всемирны; и, конечно, говорят совершенно обратное изложенному содомскому ощущению! Как бы следовало собрать эти лучшие человеческие обычаи; для них не нашлось ни Киреевского, ни Рыбникова, ни Шейна! В. Р-в.

78 Года три назад в «приложениях» к «Новому Времени» был напечатан рассказ Вильде: в нем, в первой же главе описывалось, как новобрачные едут на пароходе, — и что «все пассажиры его старались чем-нибудь услужить им, быть им полезными!» Вот правда! Я знаю родителей, которые, получив сообщение о беременности замужней дочери, — сейчас писали поздравление зятю. Что же, упрекали они его, как за стыдное, за совокупление, получившее результат? Или он имел причины «убегать от лица Господа и от людей» за плодоносное совокупление? Конечно, ничего подобного, всё — напротив! Д. И. Менделеев волновался, тосковал и тревожился, пока его замужняя дочь не забеременела. Да и весь род человеческий так чувствует, испытывает, говорит. Особенную и глубокую сторону родового акта составляет то, что он вовсе ждётся духом человеческим, сердцем человеческим, воображением человеческим, гаданием человеческим не для себя одного (coitus ad me), но и для ближних, родных, соседей, отдаленно — для всех, или, ласкательнее, «для всех бы»; Богом же он восхотелся и потому «благословился» для всех высших и лучших его созданий, для всего одушевленного мира! Вот — истина, и прямо ощущаемая, и изваянная в Библии! Но посмотрите, с какой настойчивостью и как уверенно содомиты-девы проводят свое извращенное вранье о деле, фактически им вовсе не известном! Точь-в-точь, как уверенно «духовные отцы», древних времен и нынешних, тоже проводили эту несчастную мысль, и, наконец, вдолбили ее несчастному человечеству! В. Р-в.

79 Что за подлая мысль: «благоговение и уважение» (очень точные слова) увеличиваются после этого! Читай трогательное письмо г-жи Гончаровой, вышедшей замуж за Дантеса, в месяцы ее беременности, к мужу. Это благородно и нежно, как сонеты Петрарки к Лауре. Характерное одно слово я услышал от простолюдинки, которую скорее растлил, чем соблазнил, купеческий сынок: «Меня подруги

угаваривали ему отдаваться, но я не хотела, потому что он был мне противен. Я ненавидела его (слова буквальны). А когда случилось и он сделал со мной, — то потом я за ним бегала». Ей в эту пору было 15 лет. Вот факты: да и всякий брак распался бы через год-два, если бы половой акт не связывал мужчину и женщину взаимным «благоговением и уважением», сейчас же сказывающимся на пятый-седьмой-десятый день. В. Р-в.

80 См. выше факты из Крафт-Эбинга о самоощущениях содомитов в браке: эти самые признания и они делают! Не нужно дополнять и говорить читателю, что брак вовсе исчез бы с лица земли при этом «многолетнем стыде» супругов от своего совокупления. Да поверьте же, г. г. содомиты, пожалуйста, поверьте, что решительно ничего подобного и ни с кем не бывает, — кроме одних вас. В. Р-в.

81 Прямо — крик природы содомской! «Нет! невозможно! не верю!» В. Р-в.

82 То-то и хорошо: делается, как цветок, дерево и звезда, как ягненок или кроткий телец. Чего же тут стыдиться?! Даже И. Христа католики символизируют в виде ягненка, а мы Святого Духа — в виде голубя. В. Р-в.

83 «Свободна и разумна» алгебра: но образ Божий не похож на алгебру. В. Р-в.

84 Как прекрасно! так же, как обоняние цветка, как вкушение от виноградной лозы, как любование на звездное небо, — но только глубже и внутреннее. Все, все, что сказал Лермонтов в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» — все это действие на душу целостной природы повторяется, но глубже, в действии на человека родового акта и его сопутствующих обстоятельств, любви и семьи. Да и понятно, ибо акт этот есть узел природы. В. Р-в.

85 Какое безумие! В. Р-в.

86 Напротив, центром гармонии! Родовой акт есть столько же материальный (семя, яйцо), сколько и духовный (семя с душой в себе, яйцо с душой в себе, с талантом, с гением!). В родовом акте увенчивается любовь, и он есть первый камень хозяйства, дома, экономики. Чудное и святое соединение мужчины и женщины! В. Р-в.

87 Безумие и богохульство! Вот где и как подрывается Ветхий Завет. В. Р-в.

88 Добавляйте: «Стыдно человеку дышать — стыдно, что у него есть кровообращение». В. Р-в.

89 Очень все точно и разумно. Но, поистине, и в фунте земли или песка уже есть добро, — ибо, как сказал какой-то схоластик, «нет ничего прискорбнее небытия». В. Р-в.

90 И хорошо. Хорошо уже потому, что смиренно. Автор кричит: «Нравственная личность! нравственная личность», но ведь она сама — из нервов и мозга, а мозг и нервы — от звезд, от стихий; и, словом, Космос есть великая утроба, в которой и из которой родилась «нравственная личность». Все связано «шестью днями творения». Да и, затем, у какого разбойника нет «нравственной личности»: ибо он и разбойником мог стать по «нравственной свободе» в себе, по сей «божественной, одному человеку присущей свободе». Что же, автор прикажет мне больше любить мазуриков и шулеров, чем овец, коз и коров? Да никогда! В. Р-в.

91 Тут только поэзия. Не понимаю, зачем автору выходить из природы? Этого-то он нигде и не доказывает, а потому только стучит словами. В. Р-в.

92 Все это — забвение, что там же, где сказано об «образе и подобии Божиим», сказано и «оплодотворяйтесь, размножайтесь». Несчастная книжность, несчастная интеллигентность сделала то, что человек мыслит себя «подобием Божиим», когда строчит газетную статью или брошюру, а не когда носит на руках больного ребенка, не когда мать кормит его грудью, не когда родители зачинают его. Проклятое скопчество, родитель сухой и суетной интеллигентности. Нет, явно надо переменить все мотивы религиозности, всю мотивировку отношений к Богу и связи с Ним. В. Р-в.

93 Да он вполне духовен и сейчас: половой акт рождает из себя море мысли и воображения (младенца с душой), и оно же, т. е. воображение и мысль, обволакивает этот акт в поэзии, между тем как физический глаз и физическое слово (голос) не смеют его коснуться. Совокупление есть наиболее духовный акт — не то что пошлая, базарная политика. В. Р-в.

94 Сodomские мечты, нам вовсе не нужные. И теперь во всех своих составных частях акт этот прекрасен. Чтобы его сделать привлекательным для человека, ради обеспечения размножения, природа и ее Создатель соединили в нем все самое лучшее, как разнообразно прекрасное соединено и в цветах растений. Что он для всех, кроме mademoiselles в сюртуках, прекрасен, видно из воображения человеческого, которое его любит и представляет не в другом, нежели как он существует, виде, — не трансформирует его, а берет в реальности. Он бы никогда не воображался, не мечтался, если бы хоть в какой-нибудь части был дурен, отталкивающ И в этом направлении единственное «нравственное совершенство» должно заключаться в том, чтобы не лгать более, а сказать ту правду, какую всякий носит в себе. В. Р-в.

95 Какое гадкое сравнение: кто же мечтает или воображает о кишках и их движении? Между тем благородные и изящные греки в религиозных процессиях носили изображение небольшой фигурки мальчика с очень большим органом, который несшая его жрица приводила в движение, поднимала (Геродот). Имели же греки вкус и эстетику? В. Р-в.

96 Ну, вот, договорились: «Импотентный брак есть наш идеал»; «Наилучший брак есть тот, в коем супруги не хотят друг друга, где чувственность отсутствует». Но медицина подстерегает философа-моралиста и с хохотом комментирует: «Да это и бывает — у содомлян! Они не хотят или почти не хотят другого супруга». Я же говорю, что весь этот «идеал нравственного супружества» коренится в яме Содома. Побочное сделаем заметку, что на этом-то содомо-девственном идеале брака коренится и европейская теория развода: «Они не живут друг с другом, жена сбежала от мужа, муж кинул жену», — жалуется мир. «Тем лучше, — отвечает Содом, — ибо они теперь не совокупаются». Или: «Они ненавидят друг друга, дерутся». — «И отлично, — успокаивается в душе содомит, — если дерутся — значит, не совокупаются, а совершенствуют в себе нравственную личность». В. Р-в.

97 Изображения — сперва в виде опыта, животных, а затем и человека — в этом слиянии должны составить одну из важных проблем искусства. Решительно, человек не бывает в этом слиянии отталкивающим: иначе нельзя понять глубокой, до гроба, привязанности друг к другу супругов. Но у нас встречающиеся изображения этого акта («порнографические картинки») все en masse [в массе своей — фр.] — гнусны, подлы, отвратительны до непереносимости для глаза. Почему это?! Только по тому одному, что изображаемые — всегда мужские и женские проституты и проститутки — люди последнего и подлого состояния, люди, сотворяющие этот акт без нежности и любви, кощунники акта, а не праведники акта. Лет 12 назад мне пришлось случайно видеть и долго рассматривать, в одном дорогом издании, снимки рисунков в этом положении, снятые со стен Помпеи, где изображенные — очевидно cives и matronae [почетные граждане и матроны — лат.]. Прекрасные и вдохновенные лица их — счастливы невинным счастьем, и все зрелище не включает в себя ничего отталкивающего, на что было бы тяжело смотреть. Я был поражен зрелищем, как чем-то совершенно новым для себя и неожиданным. Красоту здесь составляла невинность. Вот передача невинного совокупления, которое, конечно, есть, и без него брак был бы метафизически невозможен, оно составляет его метафизический корень, метафизическое основание (сравни проблему Канта: «Как возможны синтетические суждения a priori» с моей проблемой: «Как возможны совокупления без укора, стыдливости и греха, — совокупления как правда?») — составит великую задачу гениев кисти, резца и музыки. Я думаю, первое придвигание сюда заключалось бы в собирании эмпирического материяла. При развитии теперь фотографии «для себя» возможно было бы юным супругам сохранять на будущее, на старость, изображения своего счастья в молодости — в ласках, в приближениях к акту, в самом акте. Наивность, чистота и непосредственность этого in facto [фактически — лат.] — передалась бы in imaginem [изобразительно — лат.]. Мы бы стали привыкать, мы бы стали признавать, мы бы перестали удивляться невинному здесь. Мы бы имели imagines matrimoniae [изображения супружества — лат.], когда (до сих пор) имеем одни только imagines prostituae [изображения разврата — лат.]. В. Р-в.

98 О, дубинное рассуждение: да разве можно «без страсти» написать стихотворение? Разве «без страсти» писал Шекспир «Лира», Пушкин — «Годунова», Лермонтов — «Мцыри»? «Без страсти» писал только Херасков; и даже эта брошюра написана не «без страсти», не «без жара», и только грустно, что не с супружеским жаром, но с дево-содомским. В. Р-в.

99 Комическая дилемма: или «идеальное начало» и — импотенция, или же потенция, и тогда — крушение идеального начала. Конечно, мир не мог бы существовать, если б эта дилемма была реальна. Очевидно, «образ Божий» извращенно чувствуется девственниками. В. Р-в.

100 Удивительно все по точности мысли, по строгости рассуждения: это лучший трактат о браке, какой я читал, единственно научно правильный. Но «натура взяла свое»: и все идеалы автора извращены. В добавление и объяснение верных наблюдений автора скажу, что та «потеря сознания», которая происходит в последний момент родового акта, не есть, конечно, исчезновение «куда-то» души, ума, нравственной личности и идеализма (тогда человек умер бы), а есть всего этого переход — в семя. Весь дух человека, все его личное «я» проникает сиянием семя: отчего в дитяти и отражается весь «дух» его родителей, их таланты, гений, благородство. Из этого объясняется пониженная духовность и у детей «преизбыточествующих» гениев: они не способны совершить акта с требующимся «забвением себя», с «потерей сознания», т. е. во время акта душа их остается в голове же, и семя в утробу матери переходит обездушенным, только животным, только ферментом биологического зачатия. В. Р-в.

101 Подобный образ нам дан Достоевским в лице отца братьев Карамазовых. Примеч. г. Фози. — Автор может подозревать, что я теперь Ф. П. Карамазов: но не был же я им в 17 лет, не был им, когда писал «Место христианства в истории»; но и в то время, и вообще никогда я «муки», «позора» и «греха» в половом соединении не чувствовал, а, наоборот, чувствовал всегда, что «все зело добро сотворил Бог», — согласно всем православным. В. Р-в.

102 Вот! «Импотенция и скопчество есть наш христианский идеал». «И с прекращением рождаемости — мы успокоимся». Но чем человечеству сходить в могилу, лучше вы, содомитяне, в нее сходите. В. Р-в.

103 В. С. Соловьев. «Оправдание добра». Примеч. г. Фози.

104 Ну, а как же это у евреев, добрый автор? У евреев, которые, приступая к акту, т. е. в самую секунду «входа» в жену, совершают ритуально исповедание: «Се, исполняю Твою святую заповедь». Неужели все евреи находятся в «бесконечном нравственном падении»? В. Р-в.

105 Вот! Хороша мечта. «Наши семинарские тетради и наш содомский идеал мы сбережем и осуществим ценою погубления всего человеческого рода». Да это, конечно, и есть завет и стимул монашества. Не прав ли я, давно начав крик: смотрите, это идут погубители человечества, злодеи в образе ангелов, пантеры в образе овец! В. Р-в.

106 Хорошо! Какая прелесть!! В. Р-в.

107 Для могилы. В. Р-в.

108 У Л. Толстого есть какая-то личная и семейная тайна, на которую намек содержится в разговорах его с г. Тенеромо. Когда зашла речь о детях его, и что они — неспособны, то Л. Толстой привел некоторую философию, и, сославшись на одного своего ребенка, сказал, что ему есть что сказать о его рождении, но он разве скажет это в секунду смерти, — «вот перед тем как юркнуть под крышку гроба». Слова не оставляют сомнения в чрезмерной постыдности этих слов (мировая застенчивость), этого признания, — и я опасюсь, не по части ли это «девственных идеалов» великого писателя земли русской. Во всяком случае, «Крейцера соната» есть сплошь рыдающая натура муже-девы, «осквернившейся с женщиною» лишь по положению «женатого» человека, когда «noblesse oblige» [положение обязывает — фр.]. В. Р-в.

109 Нельзя не поблагодарить доброго, патетического и честного архим. Михаила (ныне старообрядческого епископа) — единственного монаха, который по переводе из Казани в Петербург, начав рассуждать в печати о браке, сказал громко: «Половое слияние все и до дна чисто». За это дети, нынешние и будущие, должны воспеть ему хвалу. Он — не в детоубийцах, хотя и монах. В. Р-в.

110 О, гады, о, детоубийцы, Ироды, Скублинские... Приравнять деторождение к морфизму!.. В. Р-в.

111 Дети — ненормальность!.. Но это, конечно, неодолимое убеждение содомита. «Натура кричит». В. Р-в.

112 Да индивидуальная-то жизнь украшается детьми. «Честь отца» — палладиум для детей; он благороднее, нежели палладиум государства — «слава гражданина». Гордость матери сыном — выше, священнее, чем слава его перед толпой. Богатство отца лучше, благороднее, чем богатство скопца-финансиста. В. Р-в.

113 Такое же глупое рассуждение, как следующее: «Я ем в пятницу пирог с грибами, а в понедельник ел с капустой. Отчего я не остановился на пироге с капустой? Увы мне: еда пирога с грибами обращает в совершенное ничто пирог с капустой, и тогда для чего же его пекли?!» В. Р-в.

114 До чего все глупо! Был Авраам и угощал Бога, в виде трех странников посетившего его. И родился от него Исаак. От Исаака — Иаков, которого опять посетил Бог и боролся с ним в ночи! Ведь это не одно! С потомством приходит разнообразие и обилие моего отношения к миру: лично я не в силах охватить науку и войну, культуру и религию, хоть живи вечно, хоть будь семи пядей во лбу! Но я размножился: и в детях, внуках, в сотом поколении я тысячею рук работаю в человечестве, я обоняю все запахи мира, делаю все профессии, я раб и царь, гений и безумец. Какое богатство сравнительно с каким бы то ни было личным существованием! Да и вообще неужели виноградная лоза беднее виноградной ягодки! Неужели яблоня, приносящая ежегодно плоды, не богаче и не лучше единичного яблока? А священное «Дерево Жизни» в Апокалипсисе приносит плоды 12 раз в год!! В. Р-в.

115 Совершенно тупоголовое предположение Шопенгауэра, что содомия устроена самою природою в интересах рождения сильного потомства, и потому встречается в возрасте отроческом, когда семя не созрело, и в возрасте дряхлом, когда оно полусгнило, опровергается: 1) тем, что сущность содомии заключается в поглощении, положим старцами, семени именно самого цветущего возраста, от которого родились бы наилучшие дети, и 2) что активная содомия, кроме случаев личной порочности, не очень частых, встречается как врожденный факт, обнимающий жизнь человека во всех его возрастах. Впрочем, эта гипотеза знаменитого философа до того не отвечает всем фактам, что нет нужды усиливать ее опровергать. В. Р-в.

116 помешательство не индивида, но рода человеческого (лат.).

117 Вообще разительно и любопытно индивидуальное происхождение аномалий пола. Вот бы поработать науке... Хоть бы начать собирать кой-какие наблюдения. Я раньше думал, что, напр., во время беременности родители допустят между собою содомический акт, как случай и забаву, — и тогда родится содомит. Но это, очевидно, поверхностно: происхождение «урнингов» беспросветно глубоко и таинственно. Скорее, оно происходит от пролетания уже родителей по тому отсеку мирового круга или мирового эллипсиса, по коему движется весь пол, *summa sexus* (колесо Иезекииля). Сodomия — в афелии и перигелии этого эллипсиса, в его сужениях, в «носики» мирового яйца; а рождение («норма») в боковых длинных его сторонах. Всякий человек — естественно в «какой-нибудь» точке эллипсиса; родители «содомита» — в его боковых длинных линиях, — но там, где линия начинает склоняться к «носику». Сами родители поэтому плодородны; но уже в них есть неощутимый «толчок» к содомии, который в детях продолжается далее и реализуется. Но и это только «может быть». Темь, темь и темь... В. Р-в.

118 Можно предположить, что не страдания были основой и причиной последующего феномена пола, а что этот феномен, бурно пробиваясь к осуществлению, сотрясал «нервными и психическими страданиями» ту органическую среду, в которой появился. Ибо пол — всегда центр, всегда — зерно. В. Р-в.

119 Вещи, и особенно платье, человек создает по натуре своей, в сущности — из природы своей: и мальчик с девичьим сложением невольно ищет женских вещей. В. Р-в.

120 Как все незаметно, как невольно, как «мало-помалу». В. Р-в.

121 Высокие способности, никакого понижения их. В. Р-в.

122 Нравственная, не распущенная семья. В. Р-в.

123 Все невольно и мало-помалу. Какая же «патология» (страдания, болезнь)?! В. Р-в.

124 Мне случайно пришлось узнать, что экземпляры содомии в брюках и экземпляры содомии в юбках абсолютно не переносят дотрагивания до органов, по крайней мере лицами противоположного пола, и именно дрожат при этом и чрезвычайно страдают; как равно и сами они никогда до них не дотрагиваются. От этой непереносимости касания — у них никогда не возникает онанизма. В. Р-в.

125 Мне пришлось знать одну девушку, по крайней мере полусодомитянку, которой очень нравились вообще красивые дамы, и она волновалась и наслаждалась этою красотой, расспрашивала о таких дамах, покупала «примерные карточки». Все это было начиная от 14-ти лет; когда же у нее самой начали вырастать груди, образовался бюст, то вот у себя этих признаков женщины она не выносила. И когда раз она была внезапно снята (в домашней фотографии) в домашнем платье, без корсета и с заметным выделением груди, — то, отказавшись взять снимок, с отвращением произнесла: «Не могу видеть у себя эти отвратительные куски мяса» (о грудях). Вот родник, что содомитянки-хлыстовки-скопчихи отнимают (вырезают) у себя груди. Тут не религия родила физиологический факт, а физиологический факт содомии родил из себя религиозную секту — хлыстовство и скопчество. В. Р-в.

126 Поразительно! Вот врожденный *gallus* древности. Но до чего тупы медики (см. Пеликана: «Медицинское исследование о скопчестве»), которым ни разу не пришло на ум соединять скопчество религиозное с этим фактом в натуре человечества, что некоторые в нем рождаются предназначенными к оскоплению, суть *ex nascente* [по происхождению — лат.] религиозные *galli*. В. Р-в.

127 К истории литературы и вообще культуры. Кто же не обращал внимания, что лицо Рафаэля, безбородое и такое нежное, есть прекраснейшее лицо девушки; и почти так же прекрасно, как лицо Рафаэля, лицо *terribile dictu* [страшно вымолвить — лат.]

Чернышевского (см. чудный его портрет в «Вестнике Европы», октябрь 1909 г.), проводившего в «Что делать» теорию о глупости ревнования своих жен: на самом же деле, конечно, теорию о полном наслаждении мужа при «дружбах» его жены, причем муж втайне, в воображении, уже наслаждается красотой и всеми формами жениного «друга». Значение Чернышевского в нашей культуре, конечно, огромно. Он был 1/2 — урнинг, 1/4 — урнинг, 1/10 — урнинг. В. Р-в.

128 Следуя привычным ощущениям, я с удовольствием лег под девицу и предпочел бы поменяться с нею детородными органами (лат.).

129 Худо выходят дети. Вне «предназначения»... Но случай особенно важен тем, что полу-«девушка» даже зачала в девушке: слабо и почти с отвращением. В. Р-в.

130 Экстракт конопля для введения (лат.).

131 Все это — не причина, а последствие громадного преобразования! «Звонит в ушах», «искры из глаз сыплются», когда человек, в сущности, пролетает, — но внутренне, организационно — миллиарды миль, межзвездные пространства!! В. Р-в.

132 Поразительно! И прямо чудо! Ведь он, в самом деле «умерев» и «воскреснув», слышал голос мертвых, и чувствовал все, и женское, родство. «Во мне будто легионы ходят и пролетают звезды», мог бы он о себе сказать. В. Р-в.

133 Настоящее состояние больного (лат.).

134 большие губы (лат.).

135 Поразительно! — изменилась душа с изменением пола. Не ясно ли, что душа есть только функция пола, что пол есть ноумен души, как своего феномена. Точнее, пол — невидимый, бесцветный, неосызаемый — есть сотворяющий душу и тело с его формами. И пошлые медики пропустили этот случай, это «открытие радия», которое они описали равнодушно, как полицейско-судебный случай или как «куръез». Болваны, — при встрече с Сократом они записали бы только: «Весит 4 пуда 10 фунтов». В. Р-в.

136 зрительного нерва (лат.).

137 Вот глубокий ответ всем моралистам, которые, судя девушек за детей, всегда кричат, что они родили по «развратному влечению» к совокуплению: тогда как, наоборот, они совокупаются в силу неодолимой потребности к зачатию! Совсем разная оценка факта: из имморального он переходит в глубоко моральный, в исполнение воли Божией и закона природы. В. Р-в.

138 Какое поразительное признание, до конца и глубины объясняющее религиозное оскотление («галлы» древности, наши «скопцы», «белые голуби») И медики, коим правительственно предлагалось объяснить скопчество (см. монографию д-ра Пеликана), не воспользовались этим и такими фактами. Впрочем, в медицине, кажется, вовсе нет литературы об «андрогинах», не помню ни одной диссертации. Полное неведение, но совершенно младенческое. В. Р-в.

139 Если бедра мои расставлены, как у женщины, совокупающейся с мужчиной (лат.).

140 Удивительно! Прямо прилагать в виде картинки к «Истории религий», как иллюстрацию финикийской Venus Barbatas. И поразительно, что здесь преобразование наступило после родов. В. Р-в.

141 Прямо наши 60-е годы! Вся тогдашняя «буря» вышла из стакана homosexual'ности. См. выше о Чернышевском. В. Р-в.

142 Типичное представление о нормальном половом акте г. Фози и в аскетической литературе. В. Р-в.

143 Поразительно! Колебания пола в одном индивидууме! Точно переливы света в гейслеровых трубках. В. Р-в.

144 «Почему «нечистое»? Совершенно чистое, — как у Евы при взгляде на Адама. Все взято из «Киевского Патерика», собрания житий «святых» Киевских Пещер. Все с XIII—XV века давалось в поучение, в «просвещение», русскому народу младенцу, который жевал ту пищу, какую ему вкладывали в рот. Между тем пища эта вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: «Оплодотворяйтесь! размножайтесь!» По духу этого отрицания, «святые» Пещер были хоть и наивные (и невинные), однако богоборцы. А «Патерик» был и остается книгой богоборческой. И он писан урнингом-безбрачником, и в нем писано об урнингах же, каковым несомненно был этот Моисей. В. Р-в.

145 Да Исаак, сын Авраама, был не только женат, но и «покорен жене», и — сохранил закон. Женатый Авраам был один из человечества избран Богом в завете с Собою, чего еще не случалось ни с одним монахом. Но смотрите, как самоуверенно пишет монах-урнинг: выражает натуру свою, и хотя в каждом слове отрицает и порицает все Св. Писание, но ему кажется, что он пишет что-то «божественное». В. Р-в.

146 Да он «изгнан» был ни в каком случае не за жену, которую дал ему Бог, а за преслушание заповедания Божия о невкушании плода от древа познания добра и зла. Если Ева, жена, дала ему этот плод и под пером монахов это обращено в аргумент против женитьбы, то ведь доказали ли они, что Змий не соблазнил бы одного Адама, и без его женатости? Если перед Евою не устоял Адам, то почему он устоял бы перед Змием? Змий похитрее Евы, — а Адама он все равно стал бы искушать, потому что ему надо было склонить и не Адама, и не Еву, а — человека. Продолжи монахи глупую мысль свою, и они дошли бы до необходимости доказывать «греховность земледелия»: ибо первый убийца на земле, Каин, — был земледелец, и Бог даже определенно отверг жертву его, как и принесенную от плодов земледелия. В. Р-в.

147 Какая ненависть к женам! И не взято ни одного примера обратного, ни Агарь, ни Ревекка, ни Рахиль. Все — забыто, все — закрыто ладонью от читателя, которым был целый народ! И еще Церковь, пропитавшая народ этим женоненавидением, постоянно учила, подводя глазки к небу, что она-то и есть «мать брака» (свящ Филевский в письмах ко мне), что «только христианство вывело женщину из

унизительного положения, в каком она находилась в язычников и находится у мусульман» (С. А. Рачинский), что оно «подняло положение женщины». Монахини и игуменьи — да: но на жену и мать она только подняла мужнины кулаки. То-то церковь ни разу против этих кулаков не подняла протеста: не было примера. «Свое добро хорошо пахнет», — даже когда это и есть каиново «добро». В. Р-в.

148 Аналогия приведенным у Крафт-Эбинга примерам урнингов: которые вообще с молодости не совокупляются, «до брака — девственны» и, вступив в брак (случайно и нелепо), дивятся на совокупление, как на встреченного в лесу медведя. В. Р-в.

149 Совершенно нормальное желание, естественное, святое, как Евы. В. Р-в.

150 Как основательно! Прямо — закон Божий: «Ты молод и прекрасен, и я не стара еще и не безобразна — давай размножимся по слову Божию, зачем прекрасных детей». Просто, как и все было открыто и просто в первобытные те времена. На что же злится монах? Ненавидя человека, замечаете ли, как ненавидит он Бога? В. Р-в.

151 «Помыслами», как известно, страдают все монахи («Покаянный канон» Андрея Критского, «Требник»). Благочестивая жена, пожелавшая себе мужем Моисея Угрину, и передает ему о «помыслах», этом начале греховных извращений пола; и если бы он сколько-нибудь имел в сердце своем любви к человечеству, сожаления о братьях своих, если бы он имел заботу о спасении души ее, то он принудил бы даже себя стать ее мужем в предупреждение развращения ее (мысленного). В Ветхом Завете неоднократно передано, как отцы взрослых дочерей, видя чрезмерное половое возбуждение мужчин города или села, говорили им: «Вот подождите, у меня есть дочь (чаще — дочери), еще не познавшая мужа, и я вам вышлю ее». В громадной стране со сложным населением, с подвижными заработками («отхожие промыслы») церковь, государство и общество должны бы любовно и согласно, без всякой «воппе тине», рассмотреть вопрос: как удовлетворить половую нужду этого вынужденно бродячего населения? И поставив этот вопрос, конечно, чиновники и мудрецы должны бы передать его в «комиссию из женщин» или хотя бы всему женскому скопищу. Женщины, которым врожден инстинкт материнства (верхней заботы, заботы сверху вниз) не в отношении одних собственных детей, а вообще, — без сомнения, не отвергли бы абсолютную необходимость как-нибудь ответить на эту «жажду». Теперь это разрешилось в проституцию, в ужасный промысел, который обрек толпы ничуть не плохих девушек на невероятное унижение, позор, несчастье и болезни, связанные исключительно с удовлетворением этой бродячей нужды. Но чем эти девушки хуже других, что на них одних это пало? Несомненно, это должно быть совершенно переработано — и именно в смысле более правильного и равномерного распределения полового налога. С полным падением всех суеверий против деторождения и совокупления, брезжится, что это разрешилось бы в свободную (своеохотную) преданность этому всех незамужних и зрелых женщин. Вообще, бытие у некоторых и даже у многих женщин проституционного инстинкта, на разных степенях его напряжения, и полная неспособность всех таких женщин к верному и целомудренному сожитию с одним, не может быть лишена всякого смысла в природе, не может не играть какой-то тайной для нас роли в Космосе, в цивилизации, в истории. «Кому-то и они нужны», «где-то и у них есть место». «Место» это и падает именно на двигаемость и смешиваемость человечества; то, что оно не сидит, как два попугайчика в клетке, на одном месте, не может этого и не должно этого. А между тем каждые пять дней уже «нужна женщина мужчине». Для этих *homines errantes in rebus gaestis* [мужчины с бродячей нуждой — лат.] и сделан мировой запас в *feminae errantes in sexu* [женщины с проституционным инстинктом — лат.] В. Р-в.

152 Видите оклеветание брака у монаха? «Брак есть нарушение чистоты душевной и телесной», «брак оскверняет душу и тело», «брак есть скверна». И все это, в бесчисленных «Житиях», они подсказывают, шепчут народу, в то же время крича наружу: «Брак честен и ложе не скверно» (текст из ап. Павла), «мы благословляем брак», «венчаем», — приходите только и заплатите деньги, «брак — церковное таинство». И нашли же глупое государство, которое этому поверило. В. Р-в.

153 Опять «скверна»... «Жена» — скверная, «женщина» — скверна, ласка ее или от нее — «скверна». Этим пропитано все «святоотеческое»; «святость» церковная и определяется этой «разделительной от женщин» чертой. Мы уже указали выше, в каком вкусовом ощущении лежит всего этого источник. «По плоду узнается дерево»... Но и обратно; «взглянув на дерево, уже узнаем, какой оно принесет плод...». В. Р-в.

154 Какие сведущие монахи: даже знают и то, что Змий нашептывал в раю. Там вслух, в словах, записанных в Библии, даже слова нет о плотском соединении Адама с Евой, для чего Ева и дана была Адаму; но в монастырях твердо распространено убеждение, что Змий «нашептывал» Еве плотски повлечь Адама к соединению с собой, а самое «яблоко» толкуется иносказательно, как «женская прелесть», «чувственность». Помогает этому то, что в раю, до грехопадения совокупления еще не было; но если бы Церковь заботилась о чистоте понимания Св. Писания, она взяла бы из Талмуда то простое объяснение этого, что райская жизнь первой четы продолжалась только один день. Прежде всего, Адам был уже не «дебелый мужчина», каковым нелепо рисуют его на иконах, а отрок на переходе в юношество. Сон его и сотворение Евы совершилось в ответ на первое его чувственное пожелание: не мог же допустить ему Бог «разжигаться» в раю, что есть грех даже и в падшем состоянии (слова ап. Павла). Подготовленный чувственностью к ней, Адам произносит известное любящее восклицание при первом взгляде на деву-жену. Он уже знает, что она — его, что она — жена, и произносит величайшую формулу брака, какая когда-либо была дана. Брак совершился бы и исполнение его в раю же последовало бы с первыми сумерками, как у всей твари, у всех людей, — если бы, вероятно в предвечерний час, не произошло соблазнение Евы Змием. Судя по словам Божиим, что «семя женщины живородящей станет стирать главу Змия» (слова эти перевраны и в русском и в славянском переводах Библии), — если и позволительно впадать какой-нибудь иносказательный смысл в слова Змия, абсолютно от нас сокрытый, то можно только думать, что, вопреки воле Божией, давшей Еву в совокупление Адаму, Змий задумал поманить ее новым путем, вот этим путем урнингства, ненарушимого девства, монашества, как бы путем Моисея Угрину и подобных. Так как рассказ Библии об Адаме и Еве в то же время есть образ всякого возрастания юношей и дев и их сочетания, — то мы можем отметить, что и отроки перед самым пробуждением чувственности (Адам до Евы), и девы в этот же предбрачный возраст, все испытывают узенький, короткий по времени, поясок гомосексуальности: это наши «влюбления институток в подруг своих», и подобные же чувства в мальчиках лет 15—16. Все, что в отношении к полу мог нашептывать Змий, то вот такое дево-мужнее: «Не плодитесь, не множитесь — но живите, как ангелы на небесах, любя друг друга девственной любовью». Нельзя, в параллель, не отметить, что гости Лота и были почувствованы содомлянами как «ангелы», и вообще муже-девы утверждают и настаивают (Платон в «Федре»), что их чувства по высоте духовности и чрезвычайно даваемому счастьем подобны «ангельским», дают им «ангельское состояние и блаженство». Все это надо отметить. Но так или этак, — Адам и Ева были к ночи уже изгнаны из рая, и совокупление их произошло вне его. Все, что можно думать об этом, это — что, исполнив заповедь Божию о размножении в раю же, т. е. поспешно, — они, по всему вероятно, избежали бы и изгнания из рая. Но они замедлили и

Были изгнаны и только здесь, уже претерпя за отлагание выполнения Божьей воли, поспешили начать «стирать главу Змия». В подлинной Библии сказано: «И сказал Бог Змию: вражду положу между тобой и женщиной, и между потомством твоим и дитятею ея... И семя женщины сотрет главу тебе». В. Р-в.

155 Вот голоса урнинга..., вот все исповедание, цельное исповедание муже-девства: «не могу с женщиной быть», «грех», «скверна для меня», «и не ссылайтесь на святых, на примеры, на тексты: все равно, не могу! не хочу! Моей природе это противно, враждебно, гадко!» В. Р-в.

156 Все ведь это сочинение, фантазия: но так уверен урнинг, когда и врет («природа кричит»)! См. выше аналогичное вранье, — и тоже какое упоенное! — Вл. Соловьева, Л. Толстого и Фози о «девстве». В. Р-в.

157 Прямо — знаменитые слова о скопчестве. Так вот в каком месте их корень... В. Р-в.

158 Вот, вот! Так вот где корень всех монастырей и всего монашества... Наивно и чистосердечно рассказанная история Моисея Угрина, с его столь ясно выраженной физиологической природой, поднимает завесу над всем делом, «Историю» эту надо бы выгравировать на меди и прибить к воротам всех монастырей. В. Р-в.

159 Да, все отношение Иисуса к браку уже было двойственно — и сперва ап. Павел, а затем и Церковь только продолжали эту двойственность. На переднем фазе — Брак в Кане Галилейской... «первое чудо»... «с людьми»... «на браке их». Затем, у Матф. 19, как будто подтверждение всего Ветхого Завета: «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» и пр., — хотя эти последние слова и заключаются каким-то ненужным скопчеством, этой малостью фактической, о которой бы и упоминать не стоило, высказывая такой универсальный закон. Но упомянуто. Случайно? В каких целях? Неразгаданно. И затем говорится, как особенное Христово, как новое Христово, «христианское», вот это противоположение «Христова ученичества» — отцу, матери, жене, детям... Так сильно сказано. «Не может быть Моим учеником, кто не отрется»... Как бы: «По сему (отречению) будут узнавать, Мои ли вы» (ученики, последователи). И, наконец, совсем непостижимо это пламенное: «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но — разделение. Отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух и двое против трех. Отец будет против сына и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей» (Луки, XII). Все это слишком подробно, разделительно и так настойчиво, притом лично настойчиво, новозаветно («новый и другой завет»), что и у ап. Павла и у Церкви не могло остаться сомнения, что тут нужно между чем-то выбирать: между верностью Ветхому Завету или вот этому Новому Завету, между «Плодитесь! Множитесь!» и «Если вы станете плодиться и множиться — не можете быть Моими учениками...» Евангелие тем именно ни на какую книгу не походит, что оно, будучи человеком, в то же время не есть ни мужское, ни женское (характер «мужского» и «женского» мы можем открыть в каждой строке, всяком жесте, в каждом тоне человеческого слова и движения). Уже слова Евангелия суть все до единого «как Ангелы на небеси»... «Любовь» же евангельская, это особая бесполовая любовь, небесно-спокойная, всем помогающая, «и добрым и злым», и от всех вместе с тем далекая, ни с кем определенно не сливающаяся (брак), и есть внеполое и обоюдное чувство, духовно-физическое, но страшно тонко-физическое. «Живут, как Ангелы»... Все, «как у Ангелов». В соответствии этому Иисус и мог только (Матф. 19) сослаться формально на заповедь Ветхого Завета: «плодитесь» и проч., но именно с этим «и прочее», равнодушно; когда же дело дошло не до ответа пристававшим на улице (Матф. 19), а до личного Его отношения, то Он и воскликнул: «Ни — жены, ни — детей, ни — невесток и свекровей. Мой огонь — другой! О, если бы он возжегся!!!». Такова была Его небесная природа... И взгляните на изображения его, все решительно, без исключения... В слегка склоненном лице, обрамленном длинными прядями волос, во взоре задумчивом, кротком и нежном, — особенно нежном, — мы не увидим сходства ни с одним известным нам, фактически или исторически, лицом... Такого нет — мужа, ни — героя... «Не то, не то!» «Не тот! Не тот!» Но будем вглядываться дольше, будем вдумываться года. Нежное, прекрасное лицо, прекраснейшее на земле... Ничего мужского, мужественного; ничего Геркулесовского (берем тип, идеал, образ, предел, грань). Станем еще смотреть, думать, сравнивать... Погрузимся в это годы... Станем изучать всевозможные Его изображения, всех эпох... Во всех эпохах «геркулесовского» — ничего. Но нет ли, не попадется ли обратное? Да, вековой наклон живописи все показывает нам одно и одно: девство, нежность, женственность, просвечивающую сквозь мужские признаки, почти только сквозь налет их, слабый, нетвердый. Но откуда же живописцы взяли свой наклон? Да из слова! Они линиями разъяснили то, что казалось невероятным и неправдоподобным в рассказе...; они утвердили рассказ и вместе догмат. «Отца вовсе нет, и в сына могли перейти единственно черты матери-девы» (разъяснение мне, на мой вопрос «почему», М. П. Соловьева, великого знатока церковной живописи, о «девообразности» всех изображений Спасителя). «Две природы» в Нем... и «полнота в Нем человечности», закругленная, завершенная, чего и не может быть только в одном мужском или только в одном женском. Таким образом и тайная поэзия евангельского слова, слога, и твердый церковный догмат повелели так рисовать, соделали «сладким» такое рисование... С. А. Рачинский мне указывал в своей Татевской церкви совершенно безбородый Лик Спасителя, особенно им любимый, так как он несет в себе память самой древней традиции (живописной). Но когда все так нарисовалось, тогда все и разъяснилось... Мы поклоняемся Деве в Муже. В. Р-в.

160 См. выше у г. Фози... «Ляхиня» склоняла его не к сожитию с собой, а к форменному, законному, к церковному браку. Но он отвечал, как г. Фози и всякий урнинг: «Все равно — это есть скверна и прелюбодеяние». Из этих «обмолвок» на расстоянии тысячи лет, у простеца и ученого, как мы распознаем один корень дела, один вкус, одну физиологию! В. Р-в.

161 История, только другими словами рассказанная, попыток совокупить таких юношей с девами. «Ничего не выходило», — рассказывает Крафт-Эбинг. В. Р-в.

162 Нужно заметить, что «могу» здесь всегда неотделимо от «хочу», притом сладко «хочу». Моисею только казалось, что он «может»: но как это длилось год и он не «захотел», ни разу кровь его не заиграла при взгляде на молодость, на красоту, наконец в ответ на осязательные ласки, то совершенно очевидно, что кровь его была без игры в этом отношении, т. е. находилась в том вечном покое, какой присущ индивидуумам с «± 0» полового притяжения. См. выше о женатых и не совокупающихся урнингах. В. Р-в.

163 Совсем г. Фози. В. Р-в.

164 Знаменитый термин Кондратия Селиванова — «чистота». Он этим термином называл «отсечение удов срамных», главный признак

сектантов-скопцов. Но совершенно ясно, что все сообщество монашества есть бескровное скопчество, неотделимое от него по духу, оно невольно употребляет порой и термины скопческие. В. Р-в.

165 Художественный вкус, — решительно всегда замечаемый у людей «закругленной природы» (полнополость, содомия). В. Р-в.

166 Поразительно! Вот где центр дела! Но и в нормальных половых отношениях мы никогда не должны опускать из виду этой великолепно сказавшейся формулы: «притягиваемся к другому полу будто невидимую силою!» В. Р-в.

167 Следовательно, неправильно заявление Крафт-Эбинга и других физиологов, будто подобные люди меняют пассивное на активное положение, и наоборот. Может быть, у некоторой группы это и есть: но несомненно есть группы с влечением только к одному пассивному положению, и только к одному активному. В. Р-в.

168 Несколько случаев этого напечатаны в книгах Крафт-Эбинга. В. Р-в.

169 мужчин (лат.).

170 соитие с животным (лат.).

171 Это интересно сопоставить с тяжелыми эпитимиями, тянувшимися от 2-х до 7-ми лет, налагаемыми на разводящихся супругов, по вине нормального совокупления не с женою или не с мужем. Утяжеление эпитимий в этом случае есть выражение общих антипатий к мужьям и женам, к браку вообще, идущих параллельно легкому и извиняющему отношению ко всем вообще аномалиям в поле. В. Р-в.

172 к мужчинам (лат.).

173 к женщинам (лат.).

174 Вот — самоощущение! Не тот, как у других, пол — и совсем иная, нежели у прочих людей, душа. «Иное осознание, иной глаз, рукопожатие, ход мыслей, идеалы, все» (см. мой текст выше). В. Р-в.

175 грех (лат.).

176 Мужской, научный слог. В. Р-в.

177 Пробуждение литературного таланта в генерации перед тем, как родиться замечательному ребенку-урнингу. В. Р-в.

178 Т. е. в мужской крестьянской рубашке. Какие все подробности! См. стр. 76—81, в главе «Прослойки содомии у Л. Толстого», извлечение из его «Воскресения» о подруге Екатерины Масловой. В. Р-в.

179 Поразительно. Полная аналогия примеров Крафт-Эбинга. В. Р-в.

180 Рабочие инстинкты у богатой и знатной девочки, которую все нежат. Сравни, как полную аналогию, слова Толстого об урнинге-дочери генерала, подруге Масловой, в «Воскресении» («Прослойки содомии у Толстого и Вл. Соловьева»). И при этом тут не просто рабочие влечения, но названы специальные мужицкие работы. Не вытекает ли в самом деле «работа» из пола? Потому что ребенок Безобразова еще ни о какой культуре не задумывалась, ни о цивилизации, ни об истории, ни о классификации работ между полами. Но она берет «соху» и хочет «пахать», как урнинг-Деметра «научила жителей Аттики земледелию». Настоящее призвание самца — охота, звероловство; и «звериная», «животная» жертва Авеля-зверолова «угодна Богу». Но — аналогия монашескому зову Евы — Каин начал заниматься земледелием, и плоды рук этого первого на земле урнинга были отвергнуты Богом» (как и Ева «пала» в анти-уранистическом Ветхом Завете). В самом деле, взгляните в фигуру пахаря, идущего за сохой, в этот «мирный труд» его, на который хочется «позвать благословение Божие». Лучшие в мире земледельцы — китайцы, полу-бабы, «с косами». Но и, вообще, идти за сохой, проводить борозду и бросать в нее зерна — как это близко к чисто уже женскому занятию — ткать полотно. По форме, по методу, беспорывному и без «кулака», земледелие есть типичное муже-бабное дело, содомическое и уранистическое. В. Р-в.

181 Вот как далеко идет в род. Женщина любит корову, а если коня начинает любить — то это уже в 1/10, в 1/100 пробудившийся в ней урнинг. Конь есть столь же мужицкая вещь, «мужицкое хозяйство», — конь и еще собака, «пес», — как кошка и особенно корова суть домашние животные жены и ее «угол», ее «хозяйство». В. Р-в.

182 домохозяйками (нем.).

183 матерями (нем.).

184 «Что вы смотрите на меня?» (фр.).

185 «Я изучаю ваш характер» (фр.).

186 Чисто мужской образ мысли, типичные мысли и отношение к делу гимназистов. В. Р-в.

187 Вот опять направление в сторону мистики и религиозного, «по-ту-светного»: обычное направление урнингов. Можно сказать, «тот свет» создан урнингами, потому что они типично сами — не этого света существа и, до некоторой степени, действительно «по-ту-светны». В. Р-в.

188 Поразительно! См. у Крафт-Эбинга аналогичное признание: «Я говорил с давно умершими людьми, с дальними своими предками» (случай *effeminatio* врача-мужчины). В. Р-в.

189 Возвращение от метафизического состояния к физическому состоянию, через прикосновение к другому физическому же, к другому конкретному. В. Р-в.

190 Вот где даны «врожденные философские концепции», вот как и откуда «учатся философии», и даже объяснение, где лежат «наши темные представления» (Лейбниц). Все — в поле, и в его тенях и оттенках, которые бесчисленны («мировой эллипсис пола», «колесо» Иезекииля). В. Р-в.

191 Вот как «рождается философия». В. Р-в.

192 «Целый свет» (фр.).

193 Поразительно. Мотив желания «скорее вырасти» не есть ли жар души «скорее заневеститься» и стать скорее «женихом», инстинкты самки и самца. И у «невест не невестных», как и у «странников в пустыне мирской», естественно это чувство: оставаться бы вечно таким, как есть, «не надо вырастать», незачем. В. Р-в.

194 Вещь совершенно необъяснимая и небывалая, если б она была только женщиной. В. Р-в.

195 Конечно, сделал вследствие высокой способности к этой мужской форме труда, которая, вероятно, кидалась у его дочери в глаза; и он сделал для этой дочери «исключение» в силу ее явно «исключительной натуры». В. Р-в.

196 Очевидно, уже у матери было движение к мужской организации, которое выросло в дочери; от 1/10 урнинга — урнинг в 1/3, и далее (если бы продолжалось потомство) — в 2/3, в 3/4, в полного урнинга. В. Р-в.

197 Мать — мужественная, отец — женствен. Совершенно понятно «происхождение такой дочери», как понятна равно талантливость обоих родителей. Можно почти дать афоризм, что «всякий талант — гермафродитичен». В. Р-в.

198 Чисто женская натура — у отца! В. Р-в.

199 Замечательно. Чувство «товарищества» — вот это ходко и масляно идущее товарищество — не так просто и рационально. Какие были «товарищи» в бурсе Помяловского?! — и тут, сверх прочих причин, не надо упускать и той, что все одноклассники здесь были «жеребьячьей породой», т. е. отличными самцами. Все было дико, безлюбовно, грубо. Лучшие товарищи — урнинги, которые около товарищей (незаметно для себя) «невестятся» или «жениховствуют». Масляно и быстро устанавливается нежность, деликатность, внимательность, готовность к услуге и даже готовность к жертве. Талантливый автор для всего этого нашел прекрасные выражения и формулы. В. Р-в.

200 Никому решительно «неизвестно», кроме одних содомитов. Брачущиеся входят в храм с цветами в руках, с друзьями, с гостями, хотя всем известно, что через венчание берется разрешение на этот акт, а священник громогласно молится о даровании плода чреву, т. е. об успешности наступающих актов. В. Р-в.

201 «Протест» единственно есть у содомитов. В. Р-в.

202 Есть полная. В. Р-в.

203 Хорошо, — но ведь «молитвы» же произносятся и поются на венчании, и они не расстраивают предрасположения венчающихся к этому акту? В. Р-в.

204 Ужасно, по беззаконию ужасно («Бытие», 2) это желание автора и многих таких авторов отнять у супружества собственное и самостоятельное значение. В. Р-в.

205 Ср. 1 Кор. VII, 29. Мирянин.

206 Срав. Ефес. 5, 25. Мирянин.

207 Мф. 5, 48. Филип. 2, 5, 3, 8—27. Колос. 2, 20, 3, 2, 14, 19 и пр. Мирянин.

208 Да, этот прием распознавания очень верен. Во 2-м издании книги «В мире неясного и нерешенного» я ответил на него в статье «Из мира образов и подобий». В. Р-в.

209 Да, вот в этом коренной пункт всего. В. Р-в.

210 Не чувствует ли, однако, автор странности и противоречия: 1) благословить в чадородие, 2) удержаться от чадородия «из уважения к благословию»? Значит, «благословение» то дано с какой-то затаенной мыслью, с каким-то умолчанием, о котором не для чего знать миру. В. Р-в.

211 Ну, «откуда» — на это отвечает вся книга «Люди лунного света». В. Р-в.

212 Вот это все рассуждение необыкновенно важно. На него мы отвечаем: да монахи-бессеменники вообще духовно выше, даровитее семенных самцов; и выше особенно в философской и религиозной сфере (Платон, Сократ, Кант). Таким образом, что «они сотворили» — понятно, по крайней мере тому понятно, кто внимательно прочел эту книгу. Теперь — «почему приняли и не монахи», самцы? Да очень просто «почему»: потому что всему миру присущи слабеющие степени бессеменности, убывающие дробь ее, кроме небольшого количества абсолютных самцов и самок; и это так же точно, как и то, что монахи тоже влекутся «к женщинам» («Покаянный канон» Андрея Критского) и даже доходят до «падения с ними», ибо и они, будучи вообще бессеменными, будучи главным существом в себе монахами, сохраняют однако семенность как убывающую дробь. Весь плодящийся мир мечтает о монашестве, имеет «пробегающие

мысли» о нем (исповедание содомита), как и монашеский мир, обратно, имеет «пробегающие мысли» о женщине, и это ярко и поэтично выразил «покаянный канон», где он говорит о томлении «мысленною Евою» (какое слово!!). В. Р-в.

213 Да, «психология была другая», но не от ожидания Мессии, ибо ожидался Он в одном колене Иудином, а множились радостно, с многими женами и наложницами, все израильтяне всех 12-ти колен. «Была другая психология», и происходила она от обрезания. Раз открыто было Аврааму и всему потомству его, что именно здесь почил завет Бога с человеком — не в слове, не в мысли, не в исповедании, не в символах исповедания, а в детородной силе человека, — явилась всего племени радость о детородной силе каждого единичного израильтянина, и ему давали охотно и еще жену, и третью, и наложниц, или вот как Рахиль свою служанку — в словах такой физиологической ясности! Была всеобщая радость об органе, и в ней сливалось все племя Израиля, без разделения, без противоречий, без сомнений и колебания: и именно все — от обрезания, единственно от него, исключительно от него; как мы тоже радуемся все о своих религиозных символах, предметах, знаках, — и никогда не находим, чтобы их было «лишнее», «много». Радость эта доходила до того, что когда замужняя сестра у древнего еврея делалась беременной, то еще до родов, при виде ее поднявшегося живота, ее родной брат объявлял себя уже женихом будущего ребенка, если родится девочка; и от рождения ее до зрелости он был ее женихом и покровителем, и становился мужем, если был ей приятен; а если приятен не был, то она должна была формально расторгнуть это странное «обручение», происшедшее еще до рождения невесты. Таким образом евреи мыслили всякое существо человеческое под углом заботы, «оплодотворяется ли оно», — и без этой заботы не было у них и взгляда на человека, мысли о нем, представления его, ничего — о нем. Для нас это что-то невообразимое, и, может быть, это вообще уже неповторимо в истории, — хотя «пути Божии и неисповедимы». В. Р-в.

214 Ужасно: стал какой-то «удобной вещью», «комфортом»... О, как понятно происхождение нашей торговой проституции. «У кого есть средства — бери жену», «а если беден — довольствуйся проходящей женщиной». Как понятно — о, как понятно, — что брак совершенно и окончательно пал в новые времена! И это разъясняет с радостным одобрением монах по духу, автор! Вот где учитесь, вот где всматривайтесь!! Открывается «река времен», — и книга «Люди лунного света» дает компас для распознавания заворотов и течений этой реки. В. Р-в.

215 Читающему ваши рассуждения и верящему им — это совершенно ни для кого не «ясно». Мирянин (псевдоним профессора богословия в одном из университетов), как и г. Фози, до того колеблют «христианский брак», что от него вообще ничего кроме имени и претензии не остается. «Детей — не надо! совокупляться — не надо, прилепления мужа и жены — не надо». В особенности, кажется, «счастья» не надо. А что же «надо»? Остается венчание: и как уже понятно сделалось в веках, что все решительно и полегло в одном венчании, к нему одному все приурочилось, все обратилось сюда, люди смотрят только сюда, закон требует только его. Брак сделался только «приличием», и «приличие» придает ему одно «венчание». Но «река времен» еще прокатилась, и люди стали спрашивать: «Да зачем нам это приличие, которое и не светит и не греет?» Перестали или перестают вообще брачиться, полагая «обойтись как-нибудь» с этими «пустяками» — с сими, по Фози и Мирянину, «дурными физиологическими привычками», «зоологической потребностью». К чему все иметь «дома» и «свое»: можно покушать и в ресторане, в кабачке, в трактире, где-нибудь. Есть, конечно, «известные места» — дома, но ведь государство и городское благоустройство позаботилось о том, чтобы были — и «на улице, для общественного пользования». Дом терпимости вытек отсюда сам собой — из «пустяков» и «физиологии». Спокойно взирает на это духовенство, не выходя из обеспеченных своих квартирок. И только плачут тихо и украдкой девушки, наши возлюбленные дочери. И никто их слез не слышит. Никому они «не нужны» в цивилизации XIX—XX века, «достигшей последних граней совершенства». Но, я думаю, не можно ли эту «цивилизацию» с томящуюся половиной населения, невинного и кроткого (девушки, женщины), — послать «к черту на рога», как несомненно от «черта» она и происходит. В. Р-в.

216 Автор, совершенно ортодоксальный православный, не замечает, как ноги сами несут его к хлыстовству. Вот там нет «своей жены», «своего дома», а все — общее, «братское», «сестринское». Вообще идея «духовных жен» и «общих жен», этих «сестричек»-хлыстовок, почти с исчезнувшей физиологией и только с ласканиями, только с *adoratio* [обожание — лат.] всех членов братства в отношении каждого и каждого в отношении всех, уже содержится (у Фози и Мирянина) в этой свирепой борьбе против «антиевангельского эгоизма иметь свою жену», единственную и личную жену. Только непонятно, улыбаемся мы, отчего это все-таки монастырь имеет «свою обособленную землицу», как и папа тоже имеет и позаботился иметь «свой Рим», «свой удел на земле». Только вот «жены» не надо, и «деточки свои ни к чему». Замечательно тоже, что, получая себе звезду к новому году, архиерей не хочет, чтобы ее «носили все», а непременно хочет «сам носить». Вообще, большие трагедии в этой области заканчиваются большими комедиями и иногда водевилем. В. Р-в.

217

Ну, какая там «любовь» при таком-то браке. Экономика и приданое. А слышали ли вы, чтобы институт «христианского брака» когда-нибудь деятельно вступился и сострадательно склонился к «молодым людям, так полюбившим друг друга, что легче им умереть, нежели расстаться». Не раз в «Колоколе», самом теперь деятельном духовном журнале, я читал, как «двое, обнявшись, бросились в Иматру», «двое умерли», «жених бросился в могилу за невестой», «умерли, попросив вместе похоронить»: но ни разу по поводу этого в «Колоколе» не прочитал — «ах!» Да, не «ахающее» и даже не «чешущееся» духовенство. Ну, Бог с ним. Господь рассудит. В. Р-в.

218

Да, вот это надо запомнить: «Кровность (целая категория мира!) не необходима для христианского развития человека». Что об этом скажут мои друзья, П. А Ф-ский, свящ Филевский, Н. Г. Дроздов. В. Р-в.

219

Почему же это «возвышает и облагораживает», если вынули зерно, оставили шелуху, оставили «приданое и удобство», — «так и быть прощается»? Что случаются в христианстве прекрасные семьи, то это так же мало зависит от него, как от устройства Сахары, вообще бесплодной и сухой, мало зависят прелестнейшие попадающиеся там оазисы. Но достаточно вспомнить надгробные изображения верности и любви у римских старых патрициев и придвинуть к ним христианские «бракоразводные дела», да и так нравы улицы, песенки, сказочки и сказания, — чтобы понять, насколько после падения язычества все это «облагородилось» и «возвысилось». В. Р-в.

220

Вот как... А в Библии? а Наль и Дамаянти? Гектор и Андромаха? а сцены привязанности в старогерманском эпосе? Положим, «эллинских борзостей не текох», — говорит семинарист; но нельзя ему забывать, что его слова проверяют те, кто это «текох»... В. Р-в.

221

Было напечатано в «Русском Труде» С. Ф. Шарапова за 1898 г. В. Р-в.

222

Замечательно. После всех суждений и всяких «да» в сторону брака, высказанных мной за много лет, — должен сознаться, вот когда мне открылась теперь особая категория людей и организаций лунного света, что брак действительно нуждается в помощи и дополнении этими людьми лунного света (отнюдь не позволяя руководить собой и устраивать себя). Нужно спокойно и правильно размежеваться: «Тебе — Запад, мне — Восток», с переплетениями, с прослойками, с оазисами, нигде не стесненными, ни от кого не угнетенными. В. Р-в.

223

Письмо (из Москвы) подписано, довольно характерно, одним крестильным именем. В. Р-в.

224

Замечательная мысль, и нельзя сказать, чтобы она была неправдоподобна. Да ведь это даже так и научно: все «зоологии» знают самца и самку, за этими гранями начиналась минералогия. Вдруг — этот лунный свет, явления лунного света, — «не хочу» пола! Перевертывается собственно все наше познание мира! «Живое», а «не множится»!!! Пока думали, что это «ненормальность», «извращенность», «случай», «шестипалость» — то не обращали на это внимания, и естественно это не затрагивало строя наук, как «описка» не затрагивает «правописания». Напротив, мир органических наук в основе колеблется, во всем плане своем колеблется, раз нам открывается, что исчезновение размножения в живом отнюдь не есть патологическое явление, — не есть и явление, имеющее когда-либо пройти; что оно так же устойчиво и нормально, как размножение, но лишь встречается реже. По крайней мере мир органических наук так же колеблется, как физика поколебалась с открытием электричества, — «редкого явления, наблюдающегося в янтаре, если его потереть сукном». Девушка-автор хорошо и ярко это выразила, сказав: «Мир (ветхозаветный) не был дотворен, и дотворился тогда, когда пришел Сын и сказал: блаженны не множющиеся». В. Р-в.

225

Вот глубокий личный родник основных тайн христианства: что они принесли утешение и радость совсем особой категории людей, как-то забытых, да и действительно забытых и обойденных, в Ветхом Завете. Но до какой степени письмо это убеждает нас, что христианство совсем новая и другая религия сравнительно с Ветхим Заветом! В. Р-в.

226

Эти моей схемой не исключены: «...7, 8...» (до «1 000 000»), с «+» или же с «—», причем крошечный «+» или крошечный «—» противоположного — в том же субъекте — пола никогда не исчезает. В. Р-в.

227

Автор, прочитывавший только одно «Приложение» для замечаний, едва ли имел в виду или свежо помнил текст остальной книги. Но, может быть, у автора копошится и кое-что новое насчет пола. В таком случае это чрезвычайно важно. Оставляю для читателей слова письма в том полупонятном виде, как читаю их сам. Будущее дополнит и разберет. В. Р-в.

228

То есть собственно упомянуты «меньше», — изложены, вошли в «догматическое изложение...». Но подспудно как же можно сказать «меньше», когда собственно по степеням отношения к полу все христианство разделилось на церкви: страстно-отрицательное — у католиков, умеренно-отрицательное — у православных, индифферентно-положительное — у протестантов. Здесь я с автором письма совершенно не согласен. В. Р-в.

229

Не согласен. В. Р-в.

230

Совершенно с этим не согласен; да и из рассуждений автора, где он определяет (далее) христианство как религию над-полу, вытекает, что оно противоположно юдаизму и еврейству как религии священного чадородия, т. е. религии специфически половой. В. Р-в.

231

Ну, если даже и подымает, то все-таки ео ipso отделяет и, следовательно, ослабляет. Действует отрицательно, отталкивающе в отношении пола. Да автор явно и увлекается, ввиду слов о возлюбленности «скопчества...». Как-то в конке я ехал с томом подаренной мне колоссальной Синодальной Библии; там же был и вложенный указатель и перечень «мест», почему-то только к Новому Завету. Скучая конкой, я, открыв слово «брак», перечел по Новому Завету все места, где упомянуто «брак»: и не нашел ни одного места, где, сильно или слабо, прямо или косвенно, не стояло бы за словами о нем выражения, в котором он все-таки принижается, отталкивается, порицается сравнительно с девством. Это было в 1897 или 1898-м году. Я до того был поражен, что все места таковы, что у меня

защемило на душе: «Нет, напрасно я пытаюсь сцепить крючком семью с Новым Заветом: только терпится, только допускается, только снисходится. И нужно быть прямо нечестным и начать подтасовывать, «бегать тараканом из угла в угол», чтобы подвести семью, брак, детей «под Покров сюда». Но ведь отсюда необозримые практические последствия, увы — печальные. Но как же автор, сам на это указывающий, говорил выше, будто «христианство еврейству не противолежит»?! Совершенно противолежит, как «да» и «нет» или, пожалуй, как «любите ли вы ходить в баню» и — «о, конечно, я служу в департаменте неокладных сборов». Христианство и юдаизм взаимно глухи друг к другу et eo ipsissimo [и именно тем самым — лат.] смертельно враждебны (обрезание — крест, орган обрезанный — адамова голова, т. е. череп, под крестом изображаемый). В. Р-в.

232

Боюсь, что это словесность, а не *natura rerum* [природа вещей — лат.]. Епископ Феофан, ректор СПб. духовной академии, — конечно, прекрасный инок, и, в частности, аскетизм его простирался до отказа принимать к себе в келью-квартиру родных женского пола: но ведь лицо его, рост его, вся его фигура и, наконец, манеры открывают в себе сущую девушку, сокрытую под мужским (небольшая бородка) образом. Также, когда печатались в последние годы портреты разных «Иванушек»-трезвенников, увлекавших народ — все непременно безбрачных, — я поражаюсь этой однотонностью все почти девичьих лиц. Конечно, тут нужны, однако, галереи портретов. И со временем такие галереи будут собраны и изданы. В. Р-в.

233

Да ведь и я провожу везде в книге, что монах «несоизмерим» с остальным человеческим миром, но потому несоизмерим, что у него самец и самка «равноденственны», что он «экватор» человеческого рода, не принадлежащий ни к мужскому полу, ни к женскому, что в нем не «М + ж», а «М + Ж», говоря языком Вейнингера. В. Р-в.

234

Страшимся, не слово ли это только. Однако кое-что действительно брезжит такое... Бытовым образом, семейственность и плодородие ведь процветает весьма и весьма у многих истовых крестьян, истовых купцов; но обратим внимание особенно на духовенство. «Антихристианство», конечно, никому здесь и в голову не приходит; но посмотрите на необыкновенную крепость породы у духовенства, у иереев, у диаконов, у прежних дьячков; а крепость породы и обилие детей, притом даровитых — это уже *signum* [знак — лат.] могучей самочности. Как-то, думая «хоть к концу обедни попасть» и поставить свечку, я торопливо вошел в церковь на Загородном, близ Гороховой; но опоздал, обедня кончилась, и церковь (огромная) была пуста. Громко разговаривая (гулко отдавалось), выходило, в осенних рясах, несколько лиц из служившего иерейства и диаконовства. Я быстро подошел к ящику, взял 1—2 свечи, поставил перед образами, положил поклоны и вышел. Но обомлел на паперти (очень высокая, почти в рост человека, лесенкой): сойдя с нее, разговаривали — очевидно, перед тем, как проститься и разойтись — два иерея. Оба были не старше 40-ка лет; оба были очень велики ростом; оба были очень черны, черноволосы, при белом прекрасном лице. С волосами, на плечах лежащими, они положительно являли образец мужской красоты. От них трудно было глаз оторвать — «и говорили бы вы, говорили» и «глядел бы я на вас, глядел». Потом ведь число детей у духовных, «в живых», нередко переваливает за 11, а больше 5-ти — сплошь. Бездетных семей — почти нет. Если, далее, посмотреть (в удачных случаях) на «матушку», то всегда она являет в самом теле и в достоинстве важных манер что-то священное. «Не затанцует» и не «завертится»... И, конечно, если уж в ком, то в «матушках» просвечивает лицо древней «*Mater deorum*», «*Mater Magna*» [«Мать богов», «Великая мать» — лат.] и т. д., а никак не в претендующих на это декадентах, не способных родить даже таракана. Нельзя не думать, что хоть часть этого относится как к первопричине своей к размерности у духовенства совокуплений. «Нельзя в посты, постные дни, и — накануне церковной службы», т. е. можно в воскресенье, понедельник, вторник, четверг. Что же получается? Кажется — только дни «запрещений». Но «запрещенное» естественно не осязается: просто — «нет ничего». Поэтому на самом-то деле пол осязает только дни и вечера и ночи «позволения», как нечто «уставно-положенное». Входит в душу нечто от ветхозаветной субботы, входит не как вербальное впечатление, а как деловитое повиновение заповеди — «оплодотворяйтесь, множьтесь». Этот положительный, ясный, открытый, «по уставу», и вместе — разреженный (выпали постные дни и посты) характер совокуплений породил все изумительное здоровье и изумительную житейскую стойкость нашего духовенства... «Одна на всю жизнь жена», полное (фактически) запрещение развода, какая-то бытовая неразрешимость вдовам-матушкам вступать во второй брак, и другие мелочи, хотя индивидуально мучительные, хотя законно не мотивированные, — однако все сошлись в один уголок: что остался хотя где-нибудь, в одной частице христианского населения, древний *ιερος υμρος*, «священнобрачие», не по предшествующему обряду, а по характеру течения. Совсем другое само-осязание, само-обоняние, само-вкушение, само-мышление, само-воображение!!! Тут бы еще подлить нечто от «Песни Песней»... нечто от омовений... из немного «священных курений»... Но так трудно, в христианстве, изречь словесно-положительное. Ведь и в духовенстве все совершилось «бытовым образом», все вошло «фольклором», а не через «Свод законов». В «Своде законов» указаны только «нельзя» (дни)... Может быть, только через 500 лет зазвучит и в законе: «следует», «должно», «желанно». В. Р-в.

235 «Трогать его» так же нельзя, как «трогать», обнажать, выводить «к свету» и «на открытый воздух» корни растений, деревьев. Вредно, убивает и, наконец, «грязно» (копаться в земле). Отсюда всемирный инстинкт отвращения к такому «копательству около корней». В. Р-в.

236 Если бы только так, т. е. не принципиально... Но не будем спорить, до того удобна и «спасительна» эта точка зрения. Следуя ей, нужно бы стремиться к справедливым и неизбежным переменам в церкви, особенно касательно брака, и не юридическим способом, а бытовым способом, все погашая и умягчая вражду и преследования к «нарушениям» закона, слишком от древности «жестоковейные». Мне, напр., известен случай, когда один вдовый священник никак не мог расстаться с любимой им женщиной, с которой он жил. Тогда епископ местного града — лицо высокого (общерусского) авторитета, — узнав все от священника, пожалел его и сказал: «Ну, что делать, я вас переведу в глухой приход, и там разговоров не будет». Т. е. позволил епископской властью. Другой подобный случай был с одним южно-русским епископом: его полюбила одна (увы, замужняя) женщина и, оставив мужа (чиновника не крупного), следовала за епископом, куда его ни переводили. Мне передавали о грубых словах («возите с собой бабу»), в которых кричал на него Победоносцев, уволивший его «на покой». Но другие епископы мне о нем говорили, качая головой: «И какой он прекрасный человек, воспитанный, деликатный, к священникам был милосердный». Явно, не будь святого гонения, они «товарищеской иерархией» смежили бы глаза на «случай» и

«исключение». Точно так же следует, «не споря с канонами» и «нарушая закон», — вообще погружать в темноту и безмолвие «случаи», никогда не расторгать счастливых супружеств, как бы «неправильно» они ни были заключены, и расторгать все несчастные; внебрачных детей «привенчивать» (как было постоянно до Петра Великого)... Века через два тогда картина семьи вовсе бы изменилась, и изменилась без всякого «консисторского скрипа» около нее. Последний идеал, однако, полное восстановление библейской семьи, библейского многочадия, гладкости и тишины. Сюда надо внести правило: «надломленной трости не преломи». В. Р-в.

237 Ведь он активный и, след., женского в нем ничего и не должно было быть. В. Р-в.

238 Вот люди или, вернее, категория людей, которые и по Библии «первые изобрели музыкальные инструменты», и мастерство «ковать», и построили «города»... В. Р-в.

239 Совсем «начало цивилизации»: эй, да ищите же вы, историки, начало великих городов и замечательных царств не в «преимущественном географическом положении реки Тибра», а в урнингах, в средних формах пола, в странном осложнении их талантом, музыкальностью и художеством. В. Р-в.

240 Со всем объяснением касательно преп. Моисея Угурина я глубоко согласен. Прежде всего почти его страдания, вспоминая поистине при них припев к чтениям 12-ти Евангелий в Великий Четверг: «Слава долготерпению Твоему Иисусе»... Мне было и самому неприятно это писать, и я рад отказаться от всякого нареkania или подозрения в аномальности Преподобного. Но одно — он, и другое — окружающие слова около него написателя «Жития». Случай естественного сопротивления мужчины перед бесстыдной бабой переведен, благодаря неосторожной речи, в какое-то чисто уранистическое исповедание вражды вообще к жёности, к бабству, к женственности, и это положительно несносно, еретично и было исторически глубоко вредно. В. Р-в.

241 Глубоко верно! Даже «звать», именно... И настоящая «женственность», вот нежнейшая и страстнейшая, никогда не «позовет», а только тихо ожидает... Но «тихие ожидания» ее через воздух передаются мужчине: и это сильнее всяких зовов. В. Р-в.

242 Совершенно основательно; в статье «В мире образов и подобий» (см. книгу «В мире неясного и нерешенного») я сам же указываю, что если в дверь постучат и спросят: «Где спички?» — то уже настроение у запершихся в комнате падает, и «что было желанно» — становится «невозможно». Вообще «не будете любовь» — общий канон. Отсюда — «покой» субботы, исключение на целых 24 часа всякой заботы, всякой работы, всякой посторонней мысли... Ну, вот, и все хорошо обошлось с Моисеем Угуриным, и слава Богу. Праведники суть праведники, и «делают» ли что — хорошо, и если «не делают» — тоже хорошо. И вообще «хорошо» с ними и вокруг них, и это и есть суть праведности. По чему же и как «праведность» мы узнаем и начинаем различать от «неправедности», как не по лицу прекрасного человека, которым мы прежде всего восхищены, и уже потом называем «праведными» слова его, дела его... А Моисей был воистину прекрасен. В. Р-в.

243 Высокоспособный Аноним рассуждает то как Платон в Афинах, то как член консистории в Петербурге: и в сих словах и ниже он, «обожая» предмет свой, отрицает, чтобы ему необходимо было умываться поутру. Будем реальны прежде всего; ибо реальность (в сей сфере) есть прежде всего жалость. «Прелюбодеяние, по вине коего расторгается брак» (с эпитимьей), никогда не бывает «случаем в гостинице»: это лишь фиктивно и на суде, через жесвидетелей; на самом деле эта унижительная фикция прелюбодеяния проделывается, когда семья распалась вследствие наступления вновь могучей любви: и вот эпитимия на 7 и даже на 3 года зарезывает эту новую любовь на могиле прежней любви, гасит зарю новой жизни и повергает людей прямо в задыхание, отчаяние и иногда в самоубийство (см. в «Семейном вопросе в России» письма Ен-лова, где «разводимые» 10 лет ждали, и «уже все у нас перегорело, и когда женились — родили одного ребенка, и хотя живем вместе с нею, между собой уже не живем и почти не жили»). Это же ужасно: погребены «задержкой» двое, и никому не в радость, потому что первая жена сама сблизилась у него с другим, а детей у них не было. Но рассуждение автора в том отношении любопытно и важно, что показывает складывание в истории вообще подобных рассуждений, где «язык без костей не ломится» и «писали, что хотели», только чтобы закруглить вечную в христианстве формулу «любви» — но без любви, потому что без соответствия с действительностью. Идеализм — жесток, даже когда это есть идеализм любви. Возвращаясь к идее, что «надо умываться поутру», скажем по адресу Анонима, и сонмов таких увлеченных, таких пылающих ревностью к Церкви, что остается вечною заповедь — «не сотвори себе кумира», не сотвори его даже из церкви... «Ни на земле, ни на веру-горе, — сказано, — ни под землей, ни на небесах». Ах, это учение о «кумирах»: оно одно защищает свободу человека на земле и счастье человека в жизни. Я понимаю: надо — чтить, наконец — прекрасно чтить. Но тут какая-то, иногда в тумане, граница, которую необходимо нащупать, не нащупав которой мы погибли. В. Р-в.

244 сами по себе (лат.).

245 Да, это все так... и судов бы в браке, как в таинстве, вовсе не надо: все «начинал бы» и «кончал» местный батюшка в приходе. Тогда бы не было ни волнений, ни язв. В. Р-в.

246 Золотые слова. Я думаю, вообще всякая жестокость, мировая жестокость есть наружу выходящая злоба на свой грех: но как нельзя же «себя за бороду драть», то обычно дерут другого. Тут, не говоря о морально-церковном мире, об инквизиции, и «муза мести и печали», и «громы» обличения Щедрина, и «Дума народного гнева» (1-я Госуд. Дума). Возненавидели землю свою, возненавидели ее калиновской злобой: но чем удавиться бы, «трясаясь и стеная», вошли в редакцию журналов и газет, вошли на кафедру Думы, и — «ату ее, мать родную землю». Все это — Анджело, и не более как Анджело. Но как гениален Пушкин в этом очерке. В. Р-в.